

2/381
68

У 381
68

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНІЙ РОССІИ

СЪ РАГУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ВНЕШНИХЪ СНОШЕНІЙ РАГУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Съ приложеніемъ двухъ плановъ Рагузы XI вѣка, и военныхъ дѣйствій Русскихъ въ области Рагузской Республики въ 1806 году.

СОЧИНЕНІЕ

В. Макушева.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (КАТКОВЪ И К⁰),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1865.

МАТЕРИАЛЫ

№ 11

РОССИЯ

РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

«Чтенія» въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1865 г. кн. 3.

СОДЕРЖАНИЕ

27389-46

1865

Исторія внѣшнихъ сношеній, нѣкогда весьма обширныхъ, Рагузской Республики имѣеть интересъ не только обще-Славянскій, но даже обще-Европейскій; къ сожалѣнію, она еще весьма мало изслѣдована, что и побудило автора посвятить ея разработкѣ свободныя отъ служебныхъ занятій минуты.

Въ видѣ «Приложеній» къ задуманному такимъ образомъ труду, авторъ считаетъ не бесполезнымъ издать наиболѣе важные матеріалы, найденные имъ въ рукописяхъ здѣшнихъ библіотекъ и архива Республики.

Викентій Макушевъ.

Рагуза.

¹⁸/₃₀ Генваря, 1864 г.

История развития сельского хозяйства в СССР
вплоть до революции 1917 года. В этот период
общественно-экономический строй России был
феодалом, а крестьяне были прикреплены к земле.
Сельское хозяйство было основано на ручном
труде и натуральном хозяйстве. Крестьяне
выращивали зерно, овощи, фрукты и разводили
скот. Продукты сельского хозяйства шли на
питание населения и на экспорт.

В 1917 году произошла революция, и в России
было установлено советское государство. В
1920-е годы в СССР была проведена коллективизация
сельского хозяйства. Крестьяне были объединены
в колхозы, и земля стала государственной.
В колхозах работали по плану, и продукция
сдавалась государству. В 1928 году в СССР
был принят первый пятилетний план развития
экономики, в котором было предусмотрено
ускорение темпов развития сельского хозяйства.

Валентин Мещеряков

001100781

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ИСТОРИИ ВНѢШНИХЪ СНОШЕНІЙ

Рагузской Республики.

Рагуза слыветъ доселѣ перломъ Далмаціи, и не безъ основанія. Путешественникъ, выстрадавшій утомительное плаваніе вдоль береговъ этой, обиженной и природой и людьми, т. е., Австрійцами, провинціи Австрійской Имперіи, съ удовольствіемъ отдыхаетъ въ Рагузѣ, гдѣ жизнь какъ будто человѣчнѣе и природа щедрѣе. Но счастливъ тотъ, кому не суждено засидѣться долго въ Рагузѣ и заглянуть поглубже въ сердце ея! Грустно знакомиться поближе съ Рагузою и ея жителями, съ ея прошлымъ и настоящимъ. Еще не зажили язвы, нанесенныя Рагузѣ послѣднею катастрофою, сопровождавшею паденіе Республики: палацца нобилей превращены въ груды развалинъ; торговля, нѣкогда столь обширная, почти не существуетъ нынѣ; въ жизни застои... Трудно услышать слово свободное, увидѣть движеніе вольное; а если поэтъ, или политикъ, и вздумаетъ излить на бумагѣ грусть, накипѣвшую у него на сердцѣ, то не иначе, какъ въ образахъ, не уловимыхъ для Австрійской цензуры. Вотъ отъ чего, между прочимъ, въ Рагузѣ нѣтъ общества, а въ маленькихъ кружкахъ говорится въ полголоса и озираясь на всѣ стороны. Такой порядокъ вещей существуетъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ во время засѣданій Вѣнскаго Конгресса (1815 г.), Генераль Милутиновичъ предложилъ Рагузинцамъ добровольно признать надъ собою власть Габсбургскаго Дома (*soumission volontaire*), или лучше, съ тѣхъ поръ, какъ Монархи, собравшіеся въ Вѣнѣ, предали Рагузу въ руки Австрійцевъ.¹ Съ того времени здѣшнее дворянство, оказавшее на первыхъ порахъ сопротивленіе нынѣшнему Правительству, систематически преслѣдуется имъ и разоряется; объ остальныхъ

¹ Fragments sur l'histoire politique et littéraire de l'ancienne République de Raguse et sur la langue Slave par M. Antoine Duc de Sorgo, ancien Sénateur et Ministre de la République. A Paris, 8°, pp. 23—25.

классахъ общества, служащихъ послушнымъ орудіемъ властей, и говорить нечего. Чтобы сковать умъ и сердце своихъ новыхъ подданныхъ, заботливое Правительство поручило воспитаніе Езуитамъ, и Рагузская Гимназія сдѣлалась разсадникомъ фанатизма и Цесаризма. Вотъ по чему тяжело жить въ Рагузѣ Славянину-патріоту, знакомому съ исторіею этой микроскопической, но замѣчательной во многихъ отношеніяхъ, Республики.

По истинѣ удивительно, какъ, ничтожная по своему земельному объему и народонаселенію, Рагуза могла не только сохранить свою независимость, въ продолженіи почти 12 столѣтій, среди сильныхъ и честолюбивыхъ сосѣдей, но еще снискать ихъ уваженіе и пріобрѣсти извѣстность во всей Европѣ.

Первоначальная область Рагузы (по Сербски Дубровникъ), основанной въ 656 году, ограничивалась нынѣшнимъ городомъ и его предмѣстьями: мнѣ показывали, такъ называемый, Златни потокъ у монастыря Св. Іакова на Плоче, составлявшій нѣкогда границу Рагузы съ южной стороны; съ сѣверной же граница не доходила и до Гравозы (по Сербски Гружъ), такъ что въ часъ можно было пройти всю область Республики. Въ половинѣ XI вѣка Стефанъ, Король Далмаціи и Хорваціи, даровалъ Рагузѣ Брено (Жупу), Гравозу (Гружъ), Омблу (Рѣку) и Мальфи (Затонъ); въ 1080 г. Рагуза получила въ даръ отъ Короля Сильвестра острова: Каламоту, Меццо (Лопудъ) и Жунану (Шипанъ); въ 1332 г. Стефанъ, Король Россіи, уступилъ Рагузинцамъ, на извѣстныхъ условіяхъ, Станѣ (Стонъ); въ 1398 г. они пріобрѣли Приморье и Конавле, а въ 1410 г. острова Курцолу (Корчулу), Лесину (Хваръ) и Браццу (Брачь). Такое расширеніе области не стоило Рагузинцамъ ни капли крови и ни какихъ жертвовацій, и было слѣдствіемъ ихъ умной политики въ отношеніи сосѣдей, съ которыми они старались жить въ мирѣ и дружбѣ и оказывать имъ, при случаѣ, разныя мелкія услуги,

Расширенная такимъ образомъ область Рагузы не заключаетъ въ себѣ болѣе 50 Итальянскихъ миль: она тянется узкою полосою вдоль берега Адриатическаго моря, отдѣляясь отъ Герцеговины цѣпью горъ, изъ коихъ самая высокая (Св. Сергія) не достигаетъ 1500 футовъ. Каменистая почва, не удобная для воздѣлыванія, не могла, естественно, удовлетворять даже самымъ

необходимымъ потребностямъ жизни, а по тому Рагузинцы уже рано должны были искать иныхъ средствъ существованія, а близость моря, отдѣляющаго ихъ отъ богатой Италіи, пробудила въ нихъ предприимчивость и охоту обогатиться въ чужихъ краяхъ: при такихъ условіяхъ развились мореходство и торговля Рагузы, которымъ она была обязана своимъ благосостояніемъ и извѣстностью во всей Европѣ. Имѣя уже въ IX вѣкѣ значительный флотъ, Рагузинцы непрестанно заботились объ его увеличеніи и о распространеніи своихъ торговыхъ сношеній: еще до XI вѣка они заключили трактатъ съ Мальфеттою и Пизою, въ XII съ Королями Норманскими, господствовавшими въ Сициліи, Калабріи и Апуліи, а также съ Анконою, въ XIII съ Сиракузами, Мессиною и Барлетою, въ XIV съ Владѣтелями Египта, Сиріи, Иконіи и Вивиніи и съ Султаномъ Орханомъ II, въ XV съ Абунасаромъ, Повелителемъ Мамелюковъ, и съ Королемъ Испанскимъ, Фердинандомъ V. XV и XVI вѣка составляютъ золотую эпоху въ исторіи Рагузы: флагъ ея развѣвался на моряхъ четырехъ частей Свѣта; почти исключительно въ ея рукахъ была торговля съ Востокомъ; иностранные Государи старались заманить въ свою службу опытныхъ Рагузскихъ моряковъ; мануфактура, искусства и науки были въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что снискали Рагузѣ имя второй Венеціи и Славянскихъ Аѳинъ. До какихъ обширныхъ размѣровъ достигло мореходство Рагузинцевъ въ эту эпоху, можно видѣть изъ того, что на службѣ у Карла V состояло триста Рагузскихъ кораблей. Въ XV в. находимъ въ Рагузѣ фабрики математическихъ и астрономическихъ инструментовъ и мануфактуры шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій. Многіе изъ Рагузинцевъ составили себѣ имя въ наукѣ и литературѣ: первое примѣненіе Алгебры къ Геометріи сдѣлано Гетальди, ученикомъ Выты и другомъ Декарта; Божковичъ былъ членомъ *Viergeau des longitudes* при Людовикѣ XVI; Георгій Баливій произвелъ переворотъ въ Медицинѣ; Венедиктъ Котрули написалъ первое сужденіе о торговлѣ (1457 г.), а Менце первую правильную трагедію съ эпохи *renaissance*; наконецъ упомянемъ о Гундуличѣ, авторѣ Османиды, достойномъ стать на ряду съ первоклассными поэтами Европы.²

² Подробнѣе см. Appendini *Notizie storico-critiche sulla antichità, storia*

Участіе Рагузинцевъ въ Испанскихъ войнахъ и страшное землетрясеніе 1667 г., разрушившее почти весь городъ, нанесли торговлѣ и мореплаванію Республики такой ударъ, послѣ котораго она уже не могла оправиться. По недостатку средствъ къ существованію на родинѣ, Рагузинцы должны были искать службы въ чужихъ краяхъ и, между прочимъ, въ Россіи, нуждавшейся тогда въ опытныхъ морякахъ для своего молодого флота: изъ множества Рагузинцевъ, служившихъ у насъ во флотѣ и арміи при Петрѣ Великомъ, исторія сохранила намъ имя одного только Флорія Беневени, прославившагося своими военными подвигами и посольствомъ въ Персію. Къ сожалѣнію, я не могъ собрать объ его дѣятельности ни какихъ свѣдѣній и принужденъ ограничиться коротенькою замѣткой Аппендини:

«Infatti nulla di più celebre in Russia in quei tempi», говоритъ онъ о посольствѣ Беневени въ Персію. — «quanto la ricchezza, la sontuosità, e la magnificenza con cui egli preceduto perfino da numerosa artiglieria si presentò a quel remoto Monarca. Egli morì per istrada, mentre era già di ritorno da quella legazione». ³

Желательно бы было, чтобы другіе, кому доступны наши архивы, представили очеркъ дѣятельности этого перваго замѣчательнаго Рагузинца на Русской службѣ, о которомъ я въ Рагузѣ не могъ собрать ни какихъ свѣдѣній, и самъ Аппендини, для своей коротенькой замѣтки объ немъ, пользовался Русскими источниками (gli annali Russi ci parlano...).

Какимъ образомъ Русскіе познакомились съ Рагузинцами? На этотъ вопросъ могу отвѣчать двояко: или въ Венеціи, гдѣ Русскіе Бояре обучались при Петрѣ Великомъ мореходству и гдѣ Рагузинцы, имѣвшіе свою факторію, пользовались правами гражданства, или же чрезъ посредство бывшаго на Русской службѣ Герцеговинца, Саввы Владиславича, величавшаго себя Графомъ Рагузинскимъ и имѣвшаго въ Рагузѣ друзей и знакомыхъ между

letteratura de' Ragusei. Ragusa 1803, и Sorgo Fragments sur l'histoire de Raguse etc.

³ Appendini tomo II, p. 194.

первыми Сенаторскими фамиліями.⁴ Если онъ, по словамъ одной рукописи здѣшней Францисканской бібліотеки,⁵ могъ внушить Петру Великому мысль о пользѣ сближенія съ единовѣрными и единоплеменными намъ Славянами Болгаріи, Сербіи, Македоніи, Босніи и Далмаціи, то весьма легко могло статься, что также онъ обратилъ вниманіе великаго Преобразователя Россіи на извѣстное во всей Европѣ искусство Рагузскихъ мореплавателей, съ многими соотечественниками которыхъ онъ былъ въ короткихъ связяхъ.

Какъ бы то ни было, положительно извѣстно, что при Петрѣ Великомъ, кромѣ Далматинцевъ и Герцеговинцевъ, было также на службѣ Русской много Рагузищевъ, особенно же во флотѣ.

Блестящая служба Флорія Беневени завлекла въ нашу службу многихъ другихъ его соотечественниковъ, изъ коихъ имена Натали, Водопича, Стулли и Альтести должны быть внесены въ Русскую исторію.

Такъ начались сношенія наши съ Рагузою, сношенія, продолжавшіяся до паденія Республики. Первымъ дипломатическимъ документомъ этихъ сношеній было письмо Петра Великаго въ Рагузскій Сенатъ о дозволеніи Саввѣ Владиславичу построить въ саду, купленнаго имъ въ Рагузѣ, палаццо Православную церковь, въ которой бы онъ и его семейство могли притсество-

⁴ Farlati, въ своемъ *Shulgicum Sacrum, Venetiis 1800, tom. VI, p. 276*, говоритъ о стараніи Владиславича построить Православную церковь въ Рагузѣ такъ: «*Id facillime ab se impetrari posse sperabat, non solum ob veterem amicitiam, quae illi erat cum senatoribus primariis, et summam necessitudinem multis officiis ultro citroque collatis et acceptis constitutam...*»

⁵ Архіепископъ Зарскій Матв. Караманъ, въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ имъ въ 1730 г. Джамбатисту Лоредану, Синдику инквизиторскому въ Далмаціи, о положеніи Православныхъ въ этой провинціи, говоритъ нижеслѣдующее о Саввѣ Владиславичѣ: «*Il Conte Sava Vladislavich nato in Herzegovina de rito Serviano, divenuto Consigliere del Gabinetto Russo, pose in vista a Pietro il Grande Zar della Moscovia la situazione del Monte Nero e di quanto vantaggio sarebbe alla Moscovia avere ivi una Fortezza, per tenervi un Commessario con molta provisione di denari. Essere popolata la Bulgaria, Servia, Macedonia, Bosna e Dalmazia di ugual rito e lingua co Moscoviti, pronta per prendere le armi per la comune gloria e religione.*» Ркп. Франц. биб. № 265, стр. 158.

вать при совершеніи Божественной Литургіи, и гдѣ бы онъ могъ похоронить престарѣлую мать свою.

Письмо Петра Великаго, по словамъ Фарлати, отличалось повелительнымъ, а не просительнымъ, тономъ; тѣмъ не менѣе оно не имѣло ни какого успѣха, и Сенаторы, между которыми многіе были хорошими пріятелями Саввы Владиславича, единодушно отвергли его просьбу, не склоняясь на его мольбы и подарки и не страшась гнѣва могущественнаго Монарха Русскаго: до такой степени они были заражены фанатизмомъ и Езуитизмомъ, что дозволеніе построить иновѣрческую церковь при частномъ домѣ и для одного только семейства казалось имъ величайшимъ оскорбленіемъ исповѣдуемой ими Католической религіи.⁶

Савва Владиславичъ, не получивъ, такимъ образомъ, вопреки своему ожиданію, искомаго дозволенія построить Православ-

⁶ Farlati, на стр. 276 *Illyr. Sacr.* VI, говоритъ объ этомъ событіи слѣдующее: «*Sabbas Vladislavichius inter Dynastas Serblianæ nationis nobilissimus ac divitiis praepollens, idemque apud Imperatorem Magnae Russiae graciosus in paucis, palatium sibi cum horto satis amplo ac bene culto Ragusii coemerat. Hic Photiano dogmati et schismati addictus cum esset, postulavit suppliciter, ut sibi potestas daretur fani in horto suo exstruendi, in quo liceret more rituque Graecorum sacra fieri, quibus tum ipse, tum ejus familia interesset, ibique aniculae matri suae sepulcrum pararet. Id facillime ab se impetrari posse sperabat, non solum ob veterem amicitiam, quae illi erat cum senatoribus primariis, et summam necessitudinem multis officiis ultro citroque collatis et acceptis constitutam, sed fretus praesertim litteris commendatitiis Magni Russorum Imperatoris, quae non tam rogandi, quam imperandi vim habiturae esse videbantur. Verum sua illum opinio ac spes fefellit; ejus postulata Senatus constantissime repulit nec prece, nec gratia, nec metu potentissimi Regis adduci potuit, ut vel tantillum concederet, quod fidei orthodoxae quoquo modo officere posset. Fuit enim semper sapientissimis illis, ac religiosissimis Patribus certum deliberatumque, nihil extranei cultus, alienique ab Ecclesia Romana et Catholica in suam ditionem admittere, ne illius contagio paullatim serpens latius manaret, ac sinceram incolarum fidem inficeret». *J. Chr. v. Engel, Geschichte des Freystaates Ragusa. Wien 1807, §§. 259 — 260*, относитъ, не знаю, на какомъ основаніи, вышеупоминаемое письмо Петра Великаго къ 1724 г. Оригиналъ онаго хранится нынѣ, вѣроятно, въ Вѣнскомъ Государственномъ Архивѣ, куда были перевезены отсюда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, всѣ документы, относящіеся къ дипломатическимъ сношеніямъ Рагузской Республики и имѣвшіе какую либо важность.*

ную церковь въ Рагузѣ, удалился, какъ мнѣ сказывали, въ Бокку ди Каттаро.

Чтобъ понять, какимъ образомъ Республика на первыхъ порахъ сношеній своихъ съ Россіею рѣшилась отказать столь могущественному Государю, какъ Петръ Великій, въ совершенно законной и, по видимому, ничтожной просьбѣ его, слѣдуетъ вспомнить, что въ понятіяхъ Рагузинцевъ идея Католицизма неразрывно связывалась съ идеею самаго существованія Республики, долженствовавшей, по предсказанію Святаго Франциска, пасть тогда, когда на ея области будетъ дозволено иновѣрцамъ совершать ихъ обряды богослуженія.⁷ Рагузинцы, искони отличавшіеся ревностью къ Католицизму, и по тому постоянно пользовавшіеся благоволеніемъ Папы, не только не допускали, приѣзжавшимъ въ Рагузу, Православнымъ нашимъ единоплеменникамъ совершать ихъ обряды богослуженія, но совершенно искоренили Православіе на своей области и прилагали всѣ свои старанія къ распространенію Католицизма въ сосѣдственныхъ Славянскихъ областяхъ.

По законамъ Республики, право гражданства имѣли только Католики,⁸ и всякій, кто хотя временно пребывалъ на землѣ Рагузской, обязывался сообразоваться съ постановленіями Католической религіи.⁹ Православный Герцеговинецъ, нанимавшійся на нѣсколько лѣтъ въ услуженіе къ Рагузинцу, обязывался законами отречься отъ Православія и исповѣдывать Католицизмъ въ

⁷ Св. Францискъ посѣтилъ Рагузу въ 1219 г. Онъ былъ принятъ здѣсь съ большими почестями и снабженъ всѣмъ, необходимымъ для продолженія путешествія. Восхваляя благочестіе Рагузинцевъ, онъ увѣщевалъ ихъ пребывать неизмѣнно въ догматахъ Католической религіи и предсказалъ имъ, что доколѣ будетъ существовать Республика, доколѣ на ея области не будетъ ни одного иновѣрца. G. Voman, Storia civile ed ecclesiastica della Dalmazia, Croazia e Bosna. Venezia 1773, t. II, pp. 196 — 197.

⁸ «Nemo plane Ragusinus, nemo cliens, nemo popularis, aut subditus censeatur, nisi qui Catholicam Fidem Romano ritu observetur et profitetur». Cervae Prolegomena in Sacram Metropolim Ragusinam, edita 1744. Ркп. Франц. библ. № 228, cap. XIX, p. 194.

⁹ Engel, 260.

продолженіи всего времени, пока онъ находился на землѣ Республики; возвращаясь, по истеченіи договора чрезъ пять, или семь, лѣтъ на родину, онъ обращался снова въ лоно Православной Церкви.¹⁰

Приобрѣвъ Стонъ, Приморье, Жупу и Конавле, населенные Православными, Рагузинцы тотчасъ же позаботились обратить тамошнихъ жителей въ Католицизмъ.

Въ 1332 году Стефанъ Душанъ уступилъ Рагузинцамъ Стонъ съ тѣмъ, чтобы они платили ежегодно Бану Боснійскому 1000 перперовъ.¹¹

Жители Стона были Православные, и нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ сектѣ Богумиловъ, перешедшихъ сюда изъ Босніи, вѣроятно, въ началѣ XIII вѣка.¹²

¹⁰ *Cervae Prolegomena*, cap. XXXVII, p. 524 (рпк. N 228): «At observatione maxime digna est vetus quaedam et merito olim antiquata circa eosdem (schismaticos) disciplina. In publicis Tabulis legimus (Divers. Not. in Cancell. eorum temporum) initio seculi 15, et sub finem superioris Slavo-Graecos seu schismaticos pueros, ex proximis S. Sabbae Ducatus regionibus, se coram publico Tabellione, qui pactiones et conditiones utriusque partis in Tabulas reserebat, Ragusinorum civium servicio addiere consuevisse. Inter conditioe porro observatu dignissima, quod servus hujusmodi ejurato (in Tabulis hujusmodi legitur, baptizari tenebatur, ubi nomine Baptismi schismatis ejuratio intelligendi est) ex Ecclesiae fomula schismate, dum de famulatu esset, tenebatur Romanam adeoque Catholicam Fidem profiteri, sed post quinque, aut septem annos, juxta pactum conventum herus tenebatur eundem servum suis parentibus restituere, deinceps ejuratis procul dubio Romanis Sacris, Parentum Religionem, uti olim professurum.»

¹¹ Регперус или гиперперус, равнялся 12 грошамъ, а каждый грошъ 30 лободамъ или фолларамъ, или 3 Венеціянскимъ сольдамъ. Подробнѣе о Рагузинскихъ монетахъ см. Приложение I.

¹² Ересь Богумиловъ, Патареновъ или Манихеевъ распространилась въ концѣ XII вѣка изъ Константинополя по Балканскому полуострову, Италиі и Франціи (Альбигойцы). Въ Босніи этѣ еретики назывались Богумилами. Имъ покровительствовалъ Банъ Кулинъ. Число ихъ въ это время въ одной Босніи достигло 10,000. Отсюда ересь эта расширилась по Далмаціи, особенно же въ Спитъ (Сплатро) и Трогиръ (Трау). Архіепископъ Рагузы Бернардь и Иоаннь, Капелланъ Вукши, Короля Вост. Далмаціи, получили въ 1202 г. приказаніе отъ Папы употребить всѣ мѣры къ искорененію этой ереси въ Босніи, но не имѣли ни какого успѣха. Въ 1222 г. былъ помѣстный Соборъ

Только что успѣвъ утвердиться въ Стоѣ, Рагузинцы стали помышлять объ обращеніи въ Католицизмъ тамошнихъ жителей, и съ этою цѣлю, предложили Православнымъ монахамъ оставить Стонскую обитель Св. Николая и удалиться изъ предѣловъ Республики, обѣщая имъ давать милостинную дачу въ 500 перперовъ каждые два года. Дѣйствительно, они переселились въ 1347 г. въ Иерусалимъ, въ монастырь Св. Михаила, получая исправно обещанную имъ милостинную дачу, которая перешла, въ 1465 г., когда всѣ они вымерли отъ чумы, къ монахамъ Святогорскимъ Хиандарской обители Пресвятой Богородицы и Св. Павла. За полученіемъ этой милостинной дачи, извѣстной подъ именемъ «свѣчи отъ Господе Дубровачке», прїѣзжали съ Аона въ Рагузу каждые два года, и Игумены вышепомянутыхъ монастырей, въ сопровожденіи двухъ, или трехъ, иноковъ, подносили съ особеннымъ торжествомъ дары свѣтскимъ и церковнымъ властямъ Республики и получали отъ нихъ обычную сумму.¹³

Въ обители Св. Николая, оставленной Православными монахами, были поселены Францисканцы, которые, пользуясь особенными привилегіями Папъ, успѣли вскорѣ обратить въ Католицизмъ жителей Стона такъ, что не осталось между ними ни од-

въ Рагузѣ, на которомъ были приняты противъ Богумиловъ столь дѣйствительныя мѣры, что вскорѣ очистили отъ нихъ всю Далмацію. Въ 1223 г. Богумилы въ Босніи избираютъ сами себѣ Папу, и тщетно проповѣдуетъ противъ нихъ Римскій Первосвященникъ крестовый походъ. Также безуспѣшенъ былъ и крестовый походъ Иннокентія VI въ 1244 г. Ни мало не принесло пользы и учрежденіе въ 1291 г. Папою Николаемъ IV инквизиціи въ Босніи, и еретики, поддерживаемые Баномъ Стефаномъ, распространились въ 1337 г. по Хорваціи. Въ 1371 г., для противодѣйствія имъ, Григоріи XI увеличиваетъ число Францисканскихъ монастырей въ Босніи. Усілія Католической пропаганды и завоеваніе Турками Босніи и Герцеговины нанесли, кажется, окончательный ударъ этой ереси; по крайности, въ послѣднее время нѣтъ объ ней больше и помину. *Вомман II*, 176—1, 200, 209, 232, 260, 284. *Farlati* 92.

¹³ *Farlati* 131—132, *Вомман II*, 239. Въ ркп. здѣшняго Франц. монастыря N 229 я нашелъ весьма интересную выписку изъ пергаменной ркп. 1394 г., хранившейся въ Стонскомъ мон. Св. Николая, по этому дѣлу. См. также *Istoria i Privilegii dell' Osservante Provincia di Ragusa*, и ркп. N 263. Подробнѣе см. Приложение II.

ного Православнаго, и даже не сохранилось воспоминанія о Православіи въ тамошнихъ краяхъ.⁴⁴

Приобрѣвъ, въ 1398 г., Конавле, населенное Богумилами, Рагузинцы немедленно построили тамъ Францисканскій монастырь и поручили фратрамъ обращеніе въ Католицизмъ Конавлянъ,⁴⁵ которые, однако, можетъ быть, въ слѣдствіе частыхъ сношеній съ Православными Герцеговинцами, сохранили доселѣ, какъ меня увѣряли люди знающіе, нѣкоторые обряды Православной Церкви.

Въ Рѣкѣ (Ombla) мнѣ показывали Католическую капеллу въ въ селѣ San-Stefano, которая, какъ гласитъ преданіе, была построена Герцогомъ Стефаномъ: дѣйствительно, она имѣетъ архитектуру Православной Церкви. У Католическаго Священника села Мокошицы хранится, какъ мнѣ сказывали, грамота Герцога Стефана на построеніе этой церкви; къ сожалѣнію, мнѣ не удалось ее видѣть.

Усердно искореняя Православіе въ своей области, Рагузинцы съ неменьшимъ усердіемъ старались о распространеніи Католицизма между Славянами Балканскаго полуострова, въ Герцеговинѣ, Босніи, Сербіи и Болгаріи, гдѣ они издавна имѣли свои торговыя факторіи, располагавшія большими средствами и пользовавшіяся многими привилегіями, какъ въ отношеніи къ торговлѣ, такъ и въ отношеніи къ вѣроисповѣданію. Этѣ привилегіи распространялись и на туземцевъ Католиковъ, находившихся подъ покровительствомъ Республики, а по тому неудивительно, что Рагузинцы находили много отщепенцевъ между Православными Славянами, искавшими у нихъ защиты и покровительства отъ притѣсненій Турокъ, или бѣжавшими отъ корыстолюбія Греческаго духовенства.⁴⁶

⁴⁴colocaverunt Fratres praedictos...qui Fratres, Dei gratia operante, populum illum converterunt et baptizaverunt, et usque modo convertunt venientes quotidie de terris schismaticorum ad terram illam...Ркп. N 229. Conf. Appendini I, 292; «Gli Apostoli di Stagno, dirò così, furono Giovanni ab Anglia, ed Andrea a Sardinia seppelliti a Stagno, e detti Beati nel Martirologio dell'Ordine Franciscano».

⁴⁵ Bomman II, 318.

⁴⁶ Farlati 21—22.

О Католической пропагандѣ Рагузинцевъ на Востокъ приводитъ Черва¹⁷ весьма замѣчательное свидѣтельство Луки Линды (*Descrizione universale del Mondo e delle Republ.* p. 581): «За 12 тысячъ золотыхъ скудій, платимыхъ ежегодно Портѣ, Рагузская Республика приобрѣла право торговать беспошлинно по всей Имперіи, освободясь отъ платежа даже такихъ пошлинъ, которыя были обязательны для самихъ Турокъ; кромѣ того, ей дозволено содержать церкви и совершать въ нихъ Божественную службу, литургію и всякіе обряды, и при томъ публично и съ такимъ же торжествомъ, какъ въ Христіанскихъ земляхъ, и не только въ городахъ, но даже посреди войска, въ лагерь, въ присутствіи самого Султана, позволено Посланникамъ Рагузскимъ совершать литургію и все, что принадлежитъ къ Божественной службѣ, по установленіямъ Христіанства, и это исполнялось въ то время, когда Султанъ Османъ готовился вторгнуться въ Польшу въ 1621 г., въ войскѣ коего находились Посланники Рагузской Республики, и посреди самаго лагеря, въ собственныхъ палаткахъ публично совершали литургію, на которой свободно присутствовали всѣ Христіане, находившіеся въ лагерь подъ ихъ покровительствомъ. Всѣ тѣ немногіе Христіане, которые сохранили Католическую религію во всей ея чистотѣ и неприкосновенности, пользуются по всей Турецкой Имперіи покровительствомъ этой благочестивѣйшей Республики, которая, издерживая ежегодно огромныя суммы денегъ на содержаніе во всѣхъ главныхъ городахъ Имперіи колоній, населенныхъ ея поданными, а въ оныхъ церквей съ Священниками, проповѣдниками и другими церковно-служителями, подверживаетъ этѣхъ Христіанъ въ правилахъ Св. Вѣры».

Базельскій соборъ 1431 г., на коемъ присутствовалъ, въ качествѣ Папскаго Легата, Рагузинецъ Іоаннъ Стойковичъ (*Joannes*

¹⁷ Prolegomena XIX, 194—196. См. Приложение III. Cnf. Appendini I, 321. «Due Ambasciatori della Republica si portarono in quest'anno (1621) dal Gran Signore Osmano in Polonia. Quivi in mezzo all'esercito Turco innalzarono le proprie tende, e praticarono pubblicamente la religione Cattolica. Anzi il Sultano andò a trovare gli Ambasciatori nel tempo, che assistevano alla Messa, finita laquale fece loro dei ricchi doni unitamente al Capellano, e a tutto il loro seguito». Cnf. ibidem. 174—176: Zelo de Ragusei per la Religione Cattolica.

Stoicus), Procurator Ordinis Patrum Praedicatorum, извѣстный защитоу Папизма противъ Гуса, поручилъ Республикѣ постараться обратить въ Католицизмъ Сандала Хранича, Князя Хлумскаго, Георгія Вучковича, Деспота Сербскаго, Радослава Павловича, Князя Требинскаго, и Твертка, Короля Боснійскаго; но Рагузскій Сенатъ отвѣчалъ, что считаетъ это дѣломъ невозможнымъ, и просилъ въ то же самое время разрѣшить Рагузинцамъ торговлю съ невѣрными въ Сиріи и Египтѣ, на что и послѣдовала привилегія Собора въ 1433 г.¹⁸

Въ слѣдующемъ 1434 году жена вышепомянутаго Сандала Хранича, Елена, просида Сенатъ дозволить ей построить Православную церковь въ предмѣстїи Рагузы, но Сенатъ отвѣчалъ ей рѣшительнымъ отказомъ, пренебрегая ея силою и могуществомъ.¹⁹

Въ 1452 году Герцогъ Стефанъ напалъ на Рагузу за то, что она послала въ его владѣнія Доминиканцевъ для обращенія туземцевъ въ Католицизмъ.²⁰

Въ 1667 г., когда страшное землетрясеніе разрушило Рагузу и опустошило ея предѣлы, 600 Православныхъ семействъ изъ Герцеговины просили Сенатъ дозволить имъ поселиться на пустопорожнихъ мѣстахъ въ Рагузской области, общая платить ежегодно Республикѣ 2500 червонцевъ; но Сенатъ рѣшительно отказалъ имъ, не смотря на то, что поля оставались невоздѣланными, за неимѣніемъ рабочихъ рукъ.²¹

Изъ вышеприведенныхъ подробностей читатель легко усмотритъ, что въ Рагузѣ Церковь преобладала надъ Государствомъ, и что весьма часто Рагузинцы жертвовали интересами государственными въ пользу интересовъ религиозныхъ: искорененіе Православія на землѣ Республики и распространеніе Католицизма на Востокъ, по мѣрѣ расширенія торговыхъ связей Рагузинцевъ, составляютъ одну изъ характеристическихъ чертъ ихъ исторіи,

¹⁸ Farlati 139—160.

¹⁹ Farlati 160.

²⁰ Vomman 370.

²¹ Farlati 277.

а защита Православія противъ Католицизма даетъ содержаніе всѣмъ нашимъ дипломатическимъ сношеніямъ съ Рагузою: вотъ по чему я счелъ нужнымъ остановиться съ нѣкоторою подробностію на этомъ вопросѣ, еще мало разработанномъ, основываясь на достовѣрныхъ источникахъ, болѣею частию не изданныхъ.

Въ обществѣ, столь фанатически-Католическомъ, каково было Рагузское въ описываемую нами эпоху, по видимому, едва ли возможно появленіе людей съ болѣе широкимъ взглядомъ на вещи, людей, возвысившихся надъ узкими понятіями и предразсудками Католицизма, до пониманія интересовъ народныхъ и племенныхъ; а между тѣмъ таковыя были, и при томъ въ сословіи, наименѣе либеральномъ, — въ сословіи духовномъ: Езуитъ Игнатій Градичъ, Священникъ Степанъ Ружичъ и неизвѣстный авторъ оды «La felicità somite», воспѣвають подвиги Православнаго Царя Русскаго, Петра Великаго, славу и надежду не только всего Славянства, но и цѣлаго челоуѣчества, предсказываютъ ему и его роду господство надъ всѣми Царями и народами и видятъ въ немъ освободителя братій своихъ по крови отъ ига Мусульманскаго. Произведенія этѣхъ трехъ поэтовъ, по счастью, дошедшія до насъ въ рукописяхъ здѣшней Францисканской библіотеки, служатъ, между прочимъ, доказательствомъ, какъ глубоко въ Славянахъ сознание общаго ихъ происхожденія, и какъ тверда въ нихъ вѣра въ общую ихъ будущность.

Игнатій Градичъ (Ignazio Gradi), сначала Езуитъ, а потомъ Каноникъ въ Рагузѣ, писалъ стихотворенія по Латыни и по Сербски. Въ 1710 г. онъ поднесъ, извѣстному уже намъ, Графу Саввѣ Владиславичу, оду въ честь Петра Великаго, подъ названіемъ «Plam Sieverski». Въ ней онъ уподобляетъ Русскаго Царя всепожрающему пламени, не находящему себѣ ни какихъ препонъ. «Дѣла его», говоритъ поэтъ, «извѣстны всему міру; слава дѣлъ его не погибнетъ, доколѣ солнце будетъ сіять и быстрыя рѣки течь къ морю. Никогда на свѣтѣ не услышатъ о такихъ доблестяхъ, о такомъ могуществѣ, какими обладаетъ Петръ; никогда солнце не откроетъ подобнаго ему витязя».

Воспѣвъ усмиреніе Стрѣлецкаго бунта, победы надъ Карломъ XII и войну съ Турками, поэтъ заключаетъ свою оду слѣдующими словами: «Живи, о славный Царь, во вѣки, живи! да

умножатся твои великія доблести и твои славные подвиги! Живи дѣла Нестеровы, всегда побѣдитель, никогда побѣжденный; доверши твои знаменитыя дѣла пораженіемъ змѣя Турецкаго! Пали и поскѣй невѣрныхъ, которые ненавидятъ правую истину; да задохнутся и погибнуть они въ рѣкѣ своей крови! Живи и учени, чтобы проклятый ходжа не кричалъ болѣе съ минарета и чтобы пали всѣ мечети врага Христіанства! Защити честь Правовѣрныхъ и освободи ихъ отъ рабства, да болѣе распространятся они и расплодятся, благодаря твоей доблести! Живи счастливъ, почетень, славень, о Московскій свѣтлый Царь, да удѣлитъ тебѣ Богъ вѣковѣчные чести и дары. Да будешь ты славно и на семь свѣтѣхъ и въ раю, и да будешь сіять, какъ сіяютъ блаженные.²²

О второмъ изъ упомянутыхъ нами поэтовъ, воспѣвавшихъ подвиги Петра Великаго, имѣемъ свѣдѣнія болѣе подробныя, чѣмъ о первомъ. Стефанъ Ружичъ (Stefano Rosa), Священникъ въ Рагузѣ, извѣстный своими дарованіями, ученостію и безукоризненностію жизни, ум. въ 1770 г. Онъ славился въ свое время глубокими познаніями классиковъ, и памятникомъ этѣхъ познаній осталось разсужденіе его о Логикѣ Аристотеля. Его считали также знатокомъ Сербскаго языка, и вполне справедливо: поощряемый Папою Венедиктомъ XIV, онъ исправилъ Сербскій Бревиарій и Missale, и издалъ Жизнь Христа и Пресв. Богородицы на томъ же языкѣ. Изъ неизданныхъ его сочиненій извѣстны: Manuale Theologicum Latino-Illyricum, explicationes, definitiones et descriptiones exhibens ordine alphabetico, и Dissertazione sulla patria di S. Biagio, въ формѣ писемъ къ І. Алети.²³ Между рукописями старшей Францисканской бібліотеки я нашелъ также оду его Петру Великому, написанную, какъ значится въ рукописи, въ 1717 г.: Petrar Alessiovich alliti petnes slamegnia, diella i cesti Petra Paruoga Zarrai Samadarsgza Russinskoga. Въ посвященіи Петру Великому говорится, что въ имени, которое дали ему при крещеніи, заключалось предсказаніе будущей его славы и доб-

²² Ркп. N 15. «Ralsicsne Piesni, spievane po rasliziem Piesnizim od godiscta 1680 до 1730», стр. 73—101. См. Приложение IV.

²³ Appendini II, 305—305.

лестей, что такимъ образомъ съ самаго рожденія онъ предназначался Провидѣніемъ къ прославленію Русскаго Царства. По числу буквъ, заключающихся въ имени Петра Алексѣевича, поэтъ раздѣлилъ свою оду на 15 знаменій величія Русскаго Царя. Прославляя его подвиги, побѣды надъ Шведами и Турками, авторъ останавливается съ особенною любовію на преобразованіяхъ, произведенныхъ Петромъ въ Россіи, преимущественно же на распространеніи просвѣщенія въ народѣ, чему не мало способствовали иностранцы, призванные имъ со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта. И Ружичъ, подобно Градичу, высказываетъ надежду, что Петръ Великій разрушитъ Турецкое Царство, освободитъ Христіанъ отъ ига Мусульманъ и станетъ господствовать надъ всѣмъ міромъ.²⁴

Неизвѣстный авторъ оды «*La felicità comune. Voto di Pietro il Grande Czar delle Russie*» изображаетъ Петра I посланникомъ небесъ для утѣшенія страждущаго человѣчества: идея величественная и хвала, какой удостоивался мало кто изъ смертныхъ!²⁵

Говоря о поэтахъ Рагузскихъ, воспѣвавшихъ подвиги Петра Великаго, не могу умолчать и объ одномъ Далматинцѣ изъ сосѣдняго города Сплатро (Сплѣтъ), Іеронимѣ Каванини (1640—1714), который, въ своей поэмѣ *Bogatstvo i Ubojstvo*, изданной въ прошедшемъ году въ Загребѣ, посвятилъ также нѣсколько строфъ прославленію Великаго Преобразователя Россіи.²⁶

Блестящіе успѣхи Флорія Беневени завлекли въ Русскую службу и другихъ его соотечественниковъ, изъ коихъ нѣкоторыя достигли высшихъ степеней въ Государствѣ и оказали немаловажныя услуги Россіи: Аппендини упоминаетъ о Натали и Волопичѣ, а мнѣ удалось собрать въ Рагузѣ свѣдѣнія еще о Стулли и Альтести.

Іеронимъ Натали, изъ дворянскаго рода, существующаго понынѣ въ Рагузѣ, вступилъ въ Русскую службу еще въ моло-

²⁴ Ркп. Франц. биб. N 15, стр. 107 — 148. См. При ложеніе V.

²⁵ Ркп. Франц. биб. N 860. См. Приложение VI.

²⁶ D-ra Jerolima Kavanjina vlastelina Spletsko g i Trogirskog Bogatstvo i Ubojstvo, Veleprjesan u 30 pjevanjah. U Zagrebu 1861. Авторъ завѣщалъ посвятить свою поэму Русскому Царю. Желаніе его исполнено нынѣ однимъ изъ его потомковъ.

дыхъ лѣтахъ. Геройская храбрость и искусство, выказанныя имъ преимущественно въ Крыму, во время кампаніи 1735, 36 и 37 г., доставили ему чинъ Полковника и приобрѣли ему уваженіе и дружбу первыхъ сановниковъ въ Государствѣ. Петръ, сынъ вышеупомянутаго Иеронима и Софіи, дочери Вице-Адмирала Де Транна, слѣдовалъ по пути отца. Вступивъ въ военную службу въ 1750 году, онъ, своимъ искусствомъ и храбростью, достигъ быстро до чина Полковника; но особеннымъ образомъ онъ выказалъ свою неустрашимость и привязанность къ Россіи въ 1771 г. 9 Февраля, при взятіи крѣпости Джурджева, за что и получилъ орденъ Св. Георгія 3-й степени, при собственноручномъ, весьма лестномъ, письмѣ Императрицы.

Черезъ три года послѣ того, именно въ 1774, Петръ, съ своею супругою Марією, дочерью Генераль-Маіора Де Мениль де ла Тура, оставилъ, съ разрѣшенія Императрицы, Россію, и поселился на родинѣ, гдѣ, пройдя первыя должности Республики, умеръ въ 1801 году.

Матвѣй Водопичъ служилъ нѣсколько лѣтъ въ арміи при Елисаветѣ Петровнѣ; но въ слѣдствіе невыносимыхъ для него морозовъ, какъ говоритъ Аппендини, или же въ слѣдствіе неудовольствій по службѣ, какъ я слышалъ въ Рагузѣ, оставилъ Россію и поступилъ въ Испанскую армію, дѣйствовавшую тогда въ Италіи. Россія потеряла въ немъ не только храбраго воина, но и весьма искуснаго инженера и архитектора: ему принадлежитъ постройка укрѣпленій Каррагена и многія другія военныя работы въ Испаніи, заслуживающія доселѣ удивленіе путешественниковъ.²⁷

Какъ бы ни были неудовлетворительны свѣдѣнія, собранныя мною о службѣ въ Россіи Стулли и Альтести, тѣмъ не менѣе, за недостаткомъ лучшихъ и болѣе подробныхъ, считаю излишнимъ сообщить объ нихъ и то, что я могъ узнать въ Рагузѣ, предоставляя другимъ пополнить оныя, на основаніи документовъ, хранящихся въ нашихъ архивахъ.

Трое Стулли были на Русской службѣ: старшій братъ, Марко, былъ начальникомъ одного изъ Черноморскихъ портовъ, второй—

Степанъ, достигъ до Адмиральскаго чина, а младшій, Живо, служилъ въ арміи и окончилъ дни свои сумасшествіемъ. Степанъ Стулли отличался геройскими подвигами и участвовалъ въ кампаніи 1812 года; лѣтъ сорокъ тому назадъ, онъ посѣтилъ родственниковъ своихъ въ Рагузѣ, въ воспоминаніе которыхъ остался его Адмиральскій мундиръ, украшенный множествомъ разныхъ орденовъ. По возвращеніи въ Россію, онъ, какъ мнѣ сказывали, былъ отравленъ своими завистниками и недоброжелателями

Одновременно съ нимъ служилъ въ Россіи его соотечественникъ, Альтести. Онъ былъ сынъ чиновника Рагузской Республики и воспитывался въ Италіи, гдѣ получилъ образованіе слишкомъ либеральное для Рагузы, а по тому не могъ здѣсь ужиться, и долженъ былъ искать счастья на чужбинѣ. Въ Константинополь, куда онъ отправился изъ Рагузы, онъ имѣлъ случай познакомиться съ Русскимъ Посланникомъ, которому онъ сумѣлъ такъ понравиться, что былъ принятъ имъ въ частные Секретари, и когда, при разрывѣ съ Турціею, Посланникъ нашъ былъ отозванъ въ С.-Петербургъ, за нимъ послѣдовалъ и молодой Альтести. Здѣсь онъ не замедлилъ обратить на себя всеобщее вниманіе своею запискою, въ которой доказывалъ необходимость для Россіи имѣть портъ въ Средиземномъ морѣ, указывая при этомъ на выгоды, представляемыя Рагузою. Состоя при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ раздѣлѣ Польши. Не знаю, какую именно должность онъ занималъ въ Петербургѣ; но я слышалъ, однако, что онъ пользовался большимъ вліяніемъ и находился въ числѣ приближенныхъ Императрицы Екатерины II, а по тому позволялъ себѣ обращаться весьма надменно съ первыми Государственными сановниками. При Павлѣ I онъ впалъ въ немилость и даже былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ и пробылъ до восшествія на престолъ Александра I; но, видя невозможность возвратить прежнее свое вліяніе при Дворѣ, Альтести продалъ огромныя свои имѣнія и поселился въ Горицѣ, неподалеку отъ Триеста, откуда часто наѣзжалъ въ Венецію, Вѣну и Парижъ. Умеръ въ пятидесятыхъ годахъ, оставивъ по смерти своей Записки о вѣкѣ Екатерины II, которымъ, вѣроятно, суждено погибнуть для потомства.*

* См. о немъ въ Запискахъ Грибовскаго, изд. 2-е, М. 1864 г.

До начала войнъ Екатерины II съ Турціею отношенія наши къ Рагузѣ, какъ видно изъ предыдущаго, были весьма дружественны. Отказъ Республики по дѣлу Саввы Владиславича не навлекъ на нее никакихъ дурныхъ послѣдствій. Рагузинцы продолжали служить въ Россіи и пользоваться большими почестями и довѣріемъ нашего Правительства. Въ 1768 году произошелъ разрывъ между Россіею и Турціею изъ за Доссидентовъ въ Польшѣ. Правительство наше, рѣшась атаковать непріятеля и съ суши, и съ моря, отправило изъ Балтійскаго моря большой флотъ въ Архипелагъ. Вѣсть о появленіи Русскаго флота въ Средиземномъ морѣ была принята въ Рагузѣ, особенно дворянствомъ, и въ главѣ онаго Савиною Поццо, за хитрый вымыселъ Петербургскаго Двора, хотѣвшаго будто бы напугать Республику, которая, не соблюдая строгаго невмѣшательства и имѣя въ виду свои торговые интересы, помогала, зависящими отъ нея средствами, Турціи, снабжая ея порты съѣстными и военными припасами.²³

«Когда въ 1768 году», говоритъ Енгель, «возгорѣлась война между Портою и Россіею, Адмиралъ Орловъ былъ отправленъ съ большимъ флотомъ въ Средиземное море. Встрѣтивъ въ Архипелагѣ множество Рагузскихъ судовъ, занимавшихся перевозкою съѣстныхъ припасовъ изъ Александріи и другихъ Африканскихъ, Восточныхъ и Греческихъ, портовъ въ Константинополь, началъ обращаться непріязненно и со всѣми другими Рагузскими судами. Непрасно Рагузскіе шкипера оправдывались тѣмъ, что они были силою принуждены Пашею Александрійскимъ и др. отвозить жизненные припасы въ Константинополь»....²⁹

«Мы имѣли,» говоритъ Графъ Алексѣй Орловъ въ Конвенціи, заключенной имъ съ Рагузскою Республикою въ 1775 году, «весьма основательные поводы, въ продолженіи послѣдней войны съ блистательною Портою Оттоманскою, обращаться враждебно съ купцами, вашими подданными, на водахъ Средиземнаго моря,

²³ Alcune notizie intorno ad Antonio Natali Allefi segr. della Rep. di Ragusa. Рукоп. Франц. биб. N 266, стр. 721—722. См. Прил. VII.

²⁹ Geschichte des Freystaates Ragusa, 266.

на основаніи ясныхъ и общеизвѣстныхъ правилъ международнаго права.

«1-е. Въ 1769 году, еще до прибытія непобѣдимаго Императорскаго флота въ Средиземное море, Консулъ вашъ при Генуезской Республикѣ позволилъ себѣ совершенно несправедливо требовать и получить отъ сего Правительства секвестръ одного судна, купленнаго въ семь портѣ двумя простыми купцами Русскими и ими на собственныя издержки вооруженнаго для защиты отъ Африканскихъ пиратовъ, и когда отъ васъ категорически мы потребовали не только освобожденія помянутаго судна, несправедливо задержаннаго, и вознагражденія всѣхъ проторей и убытковъ судовладельцевъ Русскихъ, но также наказанія, заслуженнаго Консуломъ, за его поступокъ несправедливый и насильственный, вы тѣмъ не менѣе сохраняли глубокое молчаніе, не дали ни малѣйшаго вознагражденія, не поставили никогда намъ въ извѣстность наказанія, которое заслуживалъ вышеупомянутый Консулъ, и такимъ образомъ вы самымъ молчаніемъ подтвердили и одобрили поступокъ несправедливый, оскорбительный и насильственный, и чрезъ то подверглись справедливому негодованію непобѣдимой Августѣйшей нашей Монархини, противъ интересовъ которой вы поступали такъ враждебно.

«2-е. Прибывъ съ флотомъ Е. И. В. къ берегамъ Мореи и взявъ нѣсколько Рагузскихъ судовъ со всѣмъ ихъ грузомъ, по случаю осады Короны и взятія города и крѣпости Наварина, и узнавъ, кромѣ того, изъ вѣрныхъ истотниковъ, что многіе матросы, ваши подданные, находились въ самой Коронѣ и осмѣлились управлять артиллеріею Турокъ, нашихъ непріятелей, тѣмъ не менѣе, изъ особеннаго снисхожденія, мы хотѣли предать забвенію не только поступокъ Консула вашего въ Генуѣ, но даже и менѣе выносимыя дѣйствія помянутыхъ матросовъ Рагузскихъ, и отпустить на свободу вышеупомянутыя суда, хотя онѣ достались намъ по праву (*di buona presa*), условившись, однако, предварительно съ Генеральнымъ Консуломъ вашимъ въ Мореѣ, что онъ лично доведетъ до свѣдѣнія вашей Республики о нашемъ великодушіи и убѣдитъ ее соблюдать строгую нейтральность, которую мы великодушно предлагали ей во имя нашей Августѣйшей Монархини во время войны, съ дозволеніемъ свободнаго плаванія

Рагузскимъ судамъ; не смотря на то, не безъ особенныхъ тайныхъ причинъ вражды съ вашей стороны къ непобѣдимому народу Русскому, мы никогда не имѣли удовольренія слышать отъ васъ о принятіи столь выгодной нейтральности, и не было намъ дано по этому случаю ни какого отвѣта.

«3-е. На водахъ Наполи ди Романія, когда Турецкій флотъ былъ атакованъ Контръ-Адмираломъ Ельфингстономъ, находящимся на службѣ Августѣйшей нашей Государыни, видѣли, какъ два корабля подъ Рагузскимъ флагомъ сражались за нашихъ непріятелей и противу непобѣдимаго оружія нашей націи.

«4-е. Мы удостовѣрились, что добровольно и по собственному вашему побужденію были уступлены Туркамъ Дульциньотамъ, нашимъ непріятелямъ, многіе корабли Рагузскіе, которые были потомъ уничтожены въ 1772 г. на водахъ Патраса, хотя вы, для прикрытія вашего противузаконнаго поведенія, говорили, что были принуждены уступить силѣ Турокъ, въ слѣдствіе требованія коихъ, противу вашего желанія и по одному вашему безсилію, оныя были уступлены. Я знаю только, что, хотя бы это было и справедливо, молчаніе ваше не можетъ быть ничѣмъ извинено, по тому что ни о воображаемомъ насиліи Турокъ, ни о большихъ военныхъ приготовленіяхъ съ ихъ стороны противу Русскаго флота вы не дали намъ знать, что весьма легко могли бы вы сдѣлать, не подвергаясь нареканіямъ со стороны нашихъ непріятелей, если бы ваша Республика имѣла должное къ Ея Имп. Величеству почитаніе и заслуженное уваженіе.

«По сей и по другимъ причинамъ, о коихъ умалчиваемъ, будучи нами положительно дознано непріязненное расположеніе вашей Республики къ славнымъ цѣлямъ Августѣйшей Императрицы Всероссійской, нашей Государыни, и имѣя право считать Республику нашимъ непріателемъ и союзницею нашихъ непріятелей, такъ какъ Правительство, которое должно и можетъ воспрепятствовать дѣйствіямъ своихъ подданныхъ, и этого не дѣлаетъ, становится, по международному праву, отвѣтственнымъ за этѣ самыя дѣйствія, которыя съ тѣхъ поръ считаются дѣлами общественными, а не частными; а если такимъ образомъ Республика заслужила негодованіе нашей Августѣйшей Государыни, то мы,

въ качествѣ ея уполномоченнаго, считаемъ себя въ правѣ обращаться съ нею непріязненно, соблюдая, впрочемъ, всю ту умѣренность, каковая можетъ согласоваться съ честію и интересами нашей Августѣйшей Государыни, и не уклоняясь ни мало отъ того человѣколюбія и великодушія, каковыя составляли отличный характеръ дѣйствій Е. И. В. во все продолженіе послѣдней войны.»³⁰

Итакъ Россія имѣла весьма основательныя причины неудовольствія на Рагузу, каковыя причины не могли быть безызвѣстны Герцогу Соргѣ, послѣднему Посланнику Республики въ Парижѣ, а по тому намъ совершенно непонятны слѣдующія его слова: «Un manque d'égard envers le C-te Orlow, amiral russe, qui parut, en 1768, pour la première fois dans la Méditerranée avec une escadre, destinée à combattre les Turcs, irrita profondément Cathérine II contre la République.

«Cette princesse, voulant frapper les esprits dans ces contrées lointaines, où sa puissance n'était pas encore connue, ni appréciée par le vulgaire, ordonna à son amiral de confisquer tous les bâtimens ragusains qu'il rencontrerait, et de détruire leur ville de fond en comble.»³¹

Изъ вышеприведеннаго отрывка Конвенціи Графа Орлова, которую, какъ дипломатическій документъ, нельзя заподозрить въ преднамѣренномъ искаженіи фактовъ, ясно видно, что на конфискацію Рагузскихъ судовъ мы имѣли полное право, за несоблюденіе Республикою невмѣшательства, и что Графъ Орловъ поступилъ весьма великодушно, не удержавъ за собою этѣхъ судовъ. Что же касается до приказанія, полученнаго будто бы Орловымъ, разрушить Рагузу, то на это мы не имѣемъ ни какихъ доказательствъ, и считаемъ это если не вымысломъ, то угрозою, имѣвшею цѣлью заставить Республику одуматься и раскаяться. Я думаю даже, что послѣднее предположеніе вѣрнѣе, ибо Рагузин-

³⁰ Composizione nelle vertenze tra la Republica di Ragusa e la Russia, segnata a Livorno dal C-te Orlow nel 1775. См. Прилож. VIII.

³¹ Fragments sur l'histoire politique et littéraire de l'ancienne République de Raguse, 16.

цы, опасаясь гнѣва Екатерины II, обратились къ Вѣнскому Двору за посредничествомъ, и чтобы болѣе расположить его въ свою пользу, они поднесли Австрійской Шацкаммерѣ одежду Стефана II, Короля Венгерскаго; въ то же время ихъ Посланникъ въ Вѣнѣ, Францъ Іосифъ Гондола, Епископъ Падерборнскій, употребилъ всѣ свои старанія, особенно въ 1771 году, чтобы убѣдить Императрицу Марію Терезію, лично его уважавшую, ходатайствовать за Рагузу предъ Петербургскимъ Дворомъ; но такъ какъ въ то время отношенія между обоими Дворами не были особенно дружественны, посредничество Австріи не принесло ни какой пользы Республикѣ, которая, наконецъ, рѣшилась отправить въ С.-Петербургъ Графа Франца Ранину; но Императрица Екатерина II, не хотѣвшая признать его въ качествѣ Посланника Республики, не обратила ни мало вниманія, какъ говоритъ Енгель, на его представленія. Когда онъ готовился уже къ отъѣзду, по словамъ того же писателя, ему былъ присланъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ обычный подарокъ, въ 1000 червонцевъ, который, однако, онъ отказался принять подъ тѣмъ предлогомъ, что Императрица, не хотѣвъ признать его въ качествѣ Посланника Республики, лишила его возможности принять подарокъ, который получаютъ одни Посланники; на память же своего пребыванія при Петербургскомъ Дворѣ онъ просилъ дать ему одну изъ медалей; выбитыхъ въ царствованіе Екатерины II, на замѣчательнѣйшія событія въ Россіи того времени.³²

Изъ вышеприведеннаго разсказа Енгеля можно бы было заключить, что Посольство Графа Ранины въ Петербургъ не увѣнчалось ни какимъ успѣхомъ, между тѣмъ какъ изъ Конвенціи Графа Орлова видно противное. «Опасаясь на послѣдокъ дальнѣйшихъ послѣдствій, которыя могло навлечь на васъ мало обдуманное поведеніе ваше, и прибѣгнувъ, въ слѣдствіе этого, чрезъ посредство вашихъ Посланниковъ³² къ Ея Императорскому Величеству съ просьбою о прощеніи всего прошлаго, приводя при этомъ тысячу оправданій вашего поведенія, каковыя оправданія было угодно Ея Величеству принять во вниманіе, по свойственному Ей великодушію, и предать забвенію все, происшедшее въ

³² Engel, 267.

теченіи прошлой войны, и отправить къ намъ отъ блистательнаго своего трона, съ обычною своею великодушною милостію Графа Ранину, вашего полномочнаго Министра, съ тѣмъ, чтобы, на основаніи инструкціи Ея Величества, мы отправили къ вамъ необходимыя грамоты, касательно забвенія и всеобщей амнистіи всего, доселѣ происшедшаго».

Итакъ, вопреки Енгелю, мы смѣемъ утверждать, что посольство Ранины было не бесполезно для Республики; тѣмъ не менѣе, однако, въ С.-Петербургѣ ничего не порѣшили, а представили все дѣло Графу Орлову, оставшемуся на зимовкѣ въ Италіи. Узнавъ объ этомъ, Сенатъ Рагузскій обратился немедленно къ Папскому Двору съ просьбою, ходатайствовать предъ Великимъ Герцогомъ Тосканскимъ, во владѣніяхъ коего стояла тогда наша эскадра, о принятіи къ участію въ распрѣ Республики съ Россіею, полагая большую надежду на его представительство предъ Графомъ Орловымъ, съ которымъ онъ находился въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ. Папа Климентъ XIV не отвергъ просьбы Рагузинцевъ и не замедлил написать письмо къ Великому Герцогу Тосканскому, Петру Леопольду, въ которомъ убѣждаетъ его вступить за Республику, находящуюся въ большой опасности. Письмо это, найденное мною между рукописями здѣшней Францисканской бібліотеки, гласитъ въ переводѣ такъ:

«Возлюбленнѣйшему во Христѣ сыну нашему здравіе и Апостольское благословеніе.

«Мы извѣстились, что Рагузская Республика находится въ большой опасности, по случаю войны Турціи съ Россіею, и что ей уже нанесено множество убытковъ военачальниками Русскими, угрожающими нанести ей еще большія. Они негодуютъ на нее, вѣроятно, за то, что подозрѣваютъ ее въ оказаніи содѣйствія Туркамъ. Но она, сознавая безпристрастное свое поведеніе въ отношеніи обѣихъ воюющихъ сторонъ, надѣялась наслаждаться миромъ, подобно другимъ націямъ. Когда же ей были сдѣланы

³³ При Ранинѣ состояло двое нобилей, изъ коихъ одинъ, имя котораго я не могъ узнать, скоропостижно умеръ въ С.-Петербургѣ, а другой, Бона, сошелъ съ ума; Секретарями Миссіи были Влайко и Водопичъ Нико.

внезапныя угрозы, она такъ утѣшилась и пришла въ такое отчаяніе, что считаетъ себя на краю пропасти, если ей не удастся, съ помощью извиненій и мольбы, укротить негодующія ихъ души. По сему она отправляетъ двухъ Сенаторовъ, которые въ возможно скоромъ времени придутъ сюда и немедленно послѣдуютъ къ тебѣ, возлюбленнѣйшій во Христѣ сынъ нашъ, и во имя Республики будутъ умолять тебя о помощи по ихъ дѣлу, надѣясь на твое вліяніе и покровительство. Они весьма много полагаются на твое благочестіе и извѣстное великодушіе и убѣждены, что получатъ отъ твоего человеколюбія и милосердія въ этомъ важномъ дѣлѣ такую же помощь, каковую они всегда имѣли, въ случаѣ нужды, отъ твоихъ Августѣйшихъ предковъ. Мы, конечно, вполне одобряемъ эту ихъ рѣшимость прибѣгнуть къ тебѣ и со всею готовностію препоручаемъ ихъ твоему милосердію. Намъ кажется, что мы не исполнили бы своего долга, если бы отклонились умолять тебя съ полнымъ довѣріемъ о помощи, дабы избавить отъ гибели и уничтоженія эту Католическую націю, къ которой мы, по долгу своему, питаемъ въ душѣ великое благоволеніе. Ты бы, конечно, могъ весьма легко имъ помочь, если бы рѣшился замолвить объ нихъ слово предъ командиромъ Русской эскадры, находящейся въ твоихъ владѣніяхъ на зимовкѣ и весьма много тебѣ обязаннымъ, предъ которымъ стоитъ только тебѣ выказать желаніе, чтобы они были внѣ опасности, въ мирѣ и спокойствіи. Ничто не можетъ быть столь благопріятно для нихъ и столь желательно, какъ заявленіе твоей милости и твоего благорасположенія; ничто иное, навѣрное, не можетъ уменьшить, или даже совершенно отстранить, страшную ихъ опасность. Но какимъ путемъ можно того достигнуть, ты, по своей мудрости, легче узнаешь на самомъ мѣстѣ, когда изъ моленій ихъ посланниковъ поймешь положеніе этой Республики; а что ты не откажешь имъ въ своемъ содѣйствіи, насъ удостовѣряетъ въ этомъ достаточно извѣстная твоя душа. Итакъ то, къ чему побудить тебя милость и величіе души твоей, послужить навѣрное и къ утвержденію за тобою мнѣнія всѣхъ о твоёмъ благочестіи и къ возвеличенію твоей славы. Ибо не можетъ быть дѣла болѣе достойнаго Государя, какъ поддержаніе и облегченіе, предствительствомъ и помощію, Республики, столь несчастной и столь опечаленной, а намъ доставишь этѣмъ, конечно, большое удовольствіе

и, сообразно довѣрью, которое мы имѣли къ тебѣ, ты наилучшимъ образомъ намъ отвѣтишь.³⁴

Не довольствуясь однимъ покровительствомъ Папы, Республика обратилась вторично къ Вѣнскому Двору съ просьбою оказать ей возможное содѣйствіе къ благополучному окончанію распри съ Россією. Францъ Гондола, Посланникъ Республики въ Вѣнѣ, умеръ въ 1773 году, и мѣсто его занялъ Діонисій Ремеделли, извѣстный въ то время своею ученостію, особенно же глубокими познаніями въ Богословіи. Аппендини сообщаетъ объ немъ слѣдующія свѣдѣнія: «Въ 1728 году онъ вступилъ въ Доминиканскій монастырь Св. Марка во Флоренціи, гдѣ тотчасъ же принялся серьезно заниматься науками, преимущественно же Богословіемъ. Одаренный хорошею памятью и безустальнымъ трудолюбіемъ, онъ началъ за тѣмъ изучать тѣ языки, познаніе коихъ необходимо для богослова; особенно же онъ пристрастился къ Греческому языку и изучилъ его такъ глубоко, что въ послѣдствіи, въ качествѣ Профессора, преподавалъ его со славою въ Болонскомъ Университетѣ. Отецъ Мамаки, имя, весьма извѣстное у богослововъ и ученыхъ, взялъ его съ собою въ Римъ, гдѣ онъ оказалъ новые успѣхи, и, благодаря своимъ познаніямъ въ Греческомъ языкѣ и Богословіи, Ремеделли, еще молодой человѣкъ, предпринялъ, вмѣстѣ съ Мамаки, превосходное изданіе Твореній Св. Антонія. Какое участіе онъ принялъ въ этомъ трудномъ предпріятіи, и на сколько оказалъ онъ въ немъ заслугъ, можно познать изъ его весьма ученыхъ примѣчаній къ двумъ томамъ, и еще болѣе изъ свѣдѣтельства самаго Мамаки, который, въ предисловіи къ вышепомянutoму изданію, не скрываетъ, какъ много помогъ ему Ремеделли, котораго онъ отнынѣ называетъ молодымъ человѣкомъ быстрого и пронизательнаго ума, познаній не по лѣтамъ и глубокой учености. Отецъ Берти считаетъ его въ числѣ ученѣйшихъ людей прошлаго вѣка. Діонисій получилъ также каѳедру Богословія въ Университетѣ въ Пизѣ, и, что еще болѣе удивительно, изящность его въ обращеніи, благородные и образованные приемы и его благоразумная предусмотрительность дѣлали его способнымъ вести переговоры о важныхъ Государственныхъ дѣлахъ. Отправившись въ Вѣну съ значительными по-

³⁴ Ркп. Фран. библ. N 972. См. Прилож. IX.

рученіями, онъ исполнилъ ихъ съ большою честію и заслужилъ отъ Императрицы Маріи Терезіи всѣ тѣ милости и почести, которыя она обыкновенно оказывала добродѣтели и заслугамъ.»³⁵

Изъ переписки Ремеделли съ Рагузскимъ Сенатомъ, копія которой хранится въ здѣшной Францисканской Библіотекѣ, мы узнаемъ, что онъ отправился, съ дозволенія Великаго Герцога Тосканскаго, изъ Пизы въ Вѣну, въ Ноябрь 1774 года, для ходатайства по дѣламъ Республики. Окончивъ успѣшно въ Генварѣ 1775 возложенное на него порученіе, касавшееся выдачи извѣстной суммы денегъ, причитавшейся Республикѣ по изгнаніи изъ нея Езуитовъ, онъ собрался было возвратиться въ Пизу, для продолженія своихъ профессорскихъ занятій, но былъ удержанъ Республикою въ Вѣнѣ, какъ видно изъ донесеній его, отъ 4 и 18 Февраля 1775 г., до окончанія переговоровъ съ Графомъ Орловымъ въ Ливорнѣ. Ремеделли было поручено ходатайствовать передъ Вѣнскимъ Дворомъ о посредничествѣ его въ этомъ дѣлѣ, весь ходъ коего узнаемъ изъ вышеупомянутой переписки его съ Рагузскимъ Сенатомъ.³⁶

«19-го числа текущаго мѣсяца», пишетъ Ремеделли въ своемъ донесеніи отъ 28 Февраля, «я испросилъ аудіенцію отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, каковую вскорѣ и получилъ. Ея Величество Императрица благоволила принять благосклонно какъ письмо Республики, такъ и выраженіе благодарности за оказанныя ей въ послѣднее время благодѣянія.

«Послѣ долгаго разговора, Ея Величество пожелала узнать, скоро ли я отправлюсь изъ Вѣны. «Не такъ еще скоро, Ваше Величество,» отвѣтилъ я: «моя Республика удерживаетъ меня въ Вѣнѣ, до окончанія распри съ Россією, о чемъ идутъ теперь переговоры въ Пизѣ между Главнокомандующимъ Графомъ Орловымъ и Графомъ Раниною, Посланникомъ Республики; ибо можетъ случиться, что моя Республика, для благополучнаго окончанія дѣла, столь для нея важнаго, будетъ находиться въ не-

³⁵ Appendini II, 90—91.

³⁶ Vint' una lettere autografe del P. Dionisio Remedelli indirizzate alla Serenissima Republ. di Ragusa, Ркп. N 1033. См. Приложение X.

обходимости снова прибѣгнуть къ высокому покровительству и благосклонному посредничеству Вашего Величества.»—«Я не могу» отвѣтила Ея Величество, «вмѣшиваться въ подобное дѣло, а еще менѣе предстательствовать предъ Графомъ Орловымъ. Великій Герцогъ, сынъ мой, можетъ это сдѣлать легко: онъ очень доволенъ Графомъ Орловымъ и, наоборотъ, Орловъ имъ. Я уже писала сыну моему въ пользу Графа Ранины и его дѣла, и сынъ мой сказалъ мнѣ въ отвѣтъ, что онъ расположенъ слѣдовать моимъ внушеніямъ, и кромѣ того рассказываетъ мнѣ, что Графъ Ранина доволенъ Орловымъ, что (продолжала Ея Величество) есть признакъ того, что переговоры Ранины съ Орловымъ окончатся благопріятно для Республики; а въ противномъ случаѣ пусть Республика обратится къ Великому Герцогу, моему сыну.» Таковы были въ точности слова Ея Величества, на каковыя я отвѣтилъ почтительнѣйшею благодарностію и, облобызавъ руку Ея Величества, удалился. На другой день, 20-го числа, я написалъ письмо Графу Ранинѣ, увѣдомляя его подробно объ аудіенціи, которую я имѣлъ у Императрицы, чтобы онъ могъ съ большею увѣренностію вести переговоры. Мнѣ не казалось тогда необходимымъ подробно и столь поспѣшно доносить Вашимъ Превосходительствамъ объ этой аудіенціи...

«25-го сего мѣсяца я получилъ письмо отъ Графа Ранины отъ 13 т. м. Онъ меня увѣдомляетъ въ немъ о чрезвычайномъ отчаяніи, въ которомъ находится, ибо въ Низѣ не исполняли того, что было обѣщано ему въ С.-Петербургѣ, и Графъ Орловъ требовалъ, чтобы Республика приняла Русскаго Консула и дозволила Грекамъ-схизмагикамъ имѣть свою церковь: отъ принятія обѣихъ этѣхъ статей должно, сколь возможно, уклоняться; ибо, по его мнѣнію, въ продолженіи весьма не многихъ лѣтъ онѣ довели бы Республику до окончательной гибели. Онъ прибавляетъ, что съ нарочнымъ курьеромъ уже извѣстилъ объ этомъ Республику, и внушилъ ей прибѣгнуть къ Императрицѣ съ просьбою, чтобы она написала письмо Республикѣ, въ которомъ отклоняла бы ее отъ намѣренія дозволить Грекамъ построение церкви, подъ опасеніемъ лишиться Ея Императорскаго покровительства, каковое письмо Ея Величество было бы достаточно, чтобы убѣдить Графа Орлова отстать отъ его требованій; что, кромѣ

того, для полученія такого письма отъ Ея Величества, онъ снова внушилъ Республикѣ поручить миссію Аббату д'Аялѣ, который, съ помощью своихъ великихъ покровителей, могъ бы дѣйствовать при Вѣнскомъ Дворѣ съ большою пользою для Республики; и что, наконецъ, онъ меня предупреждалъ обо всемъ этомъ, съ тѣмъ, чтобы я здѣсь, въ Вѣнѣ, началъ подготавливать дѣла къ осуществленію его плана».

Далѣ Ремеделли въ своемъ донесеніи старается доказать, что планъ Ранины неудобноисполнимъ послѣ объясненій, которыя онъ имѣлъ съ Марією Терезією; что Республика не можетъ надѣяться ни отъ кого другого болѣе дѣйствительной помощи, какъ отъ Великаго Герцога Тосканскаго, и что, слѣдовательно, къ нему, а не къ кому либо другому, она должна обратиться съ просьбою о посредничествѣ; тѣмъ не менѣе, однако, Рагузскій Сенатъ предписалъ Ремеделли, отъ 27-го Марта, просить покровительства Вѣнскаго Двора. Путешествіе Императрицы съ Ея Императорскою Высочайшею Дочерью Кристиною въ Пресбургъ, Шенбрюнъ и Лаксенбургъ нѣсколько замедлило дѣло. Этѣмъ временемъ воспользовался Ремеделли, чтобы склонить на сторону Республики Министровъ Австрійскихъ, Князя Кауница, Барона Биндера и Барона Шпергазе. По совѣту Биндера, онъ приготовилъ къ пріѣзду Императрицы записку по порученному ему дѣлу (донесеніе отъ 26-го Апрѣля того года). О послѣдующемъ онъ доноситъ въ рапортѣ отъ 6-го Мая:

«28-го Апрѣля, возобновивъ мои старанія, мнѣ удалось свидѣться съ Княземъ Кауницемъ и представить ему все дѣло, изложенное въ Промеморіи, которую имѣю честь препроводить при семъ въ копіи. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что дастъ необходимыя инструкціи Барону Биндеру, съ которымъ я долженъ переговорить по сему дѣлу. На другой день я отправился къ Барону Биндеру, и онъ, послѣ долгаго совѣщанія со мною, убѣдился въ необходимости прибѣгнуть къ Трону Ея Величества, дабы испросить у нея какую либо помощь въ пользу Республики. Впрочемъ, онъ мнѣ совѣтовалъ не просить отъ Ея Величества ни какой помощи Министерской, но чисто личной Ея Величества, чрезъ посредство Ея Августѣйшаго сына, Великаго Герцога Тосканскаго, дабы не подвергнуть непріятности Вѣнскій Дворъ

передъ Петербургскимъ. Сообразно всѣмъ видамъ и внушеніямъ Его Превосходительства, измѣнивъ послѣдній параграфъ Промеморіи, я не замедлилъ просить аудіенціи у Ея Величества, каковая была мнѣ назначена 3-го Мая. Я отправился на нее, и былъ принятъ съ обычною, врожденною Ея Величеству, любезностію и милостію.

«Сколько могъ сильнѣе изложилъ я Ея Величеству содержаніе Промеморіи, и въ отвѣтъ мнѣ было сказано Ея Величествомъ слѣдующее: «Я уже прежде была хорошо предувѣдомлена обо всемъ, что вы мнѣ изложили; ибо сынъ мой, Великій Герцогъ Тосканскій, извѣстилъ меня подробно обо всемъ. Желая добра Республикѣ, оплакиваю бѣдственное ея положеніе. Я сдѣлала для нея, сколько могла. Нѣсколько дней тому назадъ, когда Графъ Орловъ, отправлявшійся въ Пизу, былъ у меня на прощальной аудіенціи, я его увѣщевала, убѣдить его брата, Главнокомандующаго, перестать тревожить несчастную Республику. Онъ же, надменный, слѣлавъ два шага назадъ, отвѣчалъ мнѣ весьма важно, въ присутствіи Посла Голицына:³⁷ «Все кончено; нечего прибавить.» Я замѣтилъ, что съ большимъ удивленіемъ разсказывала мнѣ объ этомъ Ея Величество, повторяя то же самое два раза). Сыну моему, Великому Герцогу Тосканскому, я уже писала о томъ, чтобы онъ предстательствовалъ предъ Генераломъ Орловымъ въ пользу Республики. И дѣйствительно, онъ предстательствовалъ не безъ пользы. Завтра напишу ему еще выразительнѣе, чтобы онъ возобновилъ самое сильное предстательство. Я не могу сдѣлать ничего болѣе. Итакъ вы напишите Республикѣ, чтобы она обратилась къ моему сыну, и чего онъ не будетъ въ состояніи сдѣлать передъ Генераломъ Орловымъ, того никто дру-

³⁷ О Князѣ Д. М. Голицынѣ такъ отзывается его современникъ, Кермпотичъ: «Princeps D. M. de Galitzin etc. fuerat primum Praefectus Pretorio, deinde, ob singularem suam sapientiam ac prudentiam, Legatus ad Aristocratice Parisios missus, quo munere cumulate perfunctus, Viennem ad Caesarem, qua Legatus I ordinis translatus, hodie dum summo cum honore ac plena utriusque Imperialis Aulae satisfactione commoratus. Katarine II i Jose II put u Krim, szpievan po Josi Kermipotichiu, svjetomisniku Liesaninu. U Beczu. Slovotiskom od Jose Hraschanky 1788, 8°, XVIII, 174.

гой не сдѣлаеть. Ни какого другого внушенія, ни какой другой помощи, я не могу дать Республикѣ, какъ только увѣдомить ее, что Русскіе дѣйствуютъ въ согласіи съ Венеціанцами. Препятствія наконецъ, которыя Русскіе могли бы поставить къ осуществленію моихъ правъ на пограничныя провинціи, не обращаютъ особеннаго моего вниманія; ибо я не желаю болѣе, и не имѣю намѣренія, искать другихъ областей, такъ какъ для меня слишкомъ достаточно тѣхъ, которыми я владѣю.»

«Таковы были въ точности слова Ея Величества, и такъ какъ они были перемѣшаны съ различными выраженіями чувствъ сожалѣнія и соболѣзнованія къ Республикѣ, я не преминулъ побудить нижайшими мольбами Ея Величество къ какому ни будь болѣе значительному шагу на вспомошествованіе Республикѣ; но было не возможно отклонить ее отъ чувствъ вышеизложенныхъ.

«Весьма были бы прискорбны для меня слова Ея Величества, если бы письмо Графа Рачины отъ 18-го Апрѣля не принесло мнѣ сколько ни будь утѣшенія. Онъ мнѣ пасалъ, что, послѣ того какъ Его Высочество, Великій Герцогъ, сталъ предстательствовать передъ Графомъ Орловымъ, сей послѣдній сдѣлался любезнѣе и началъ отступать отъ своихъ требованій касательно Греческой церкви, но что настаивалъ на требованіи относительно Русскаго Консула въ Рагузѣ. Я надѣюсь, что и отъ этого требованія онъ отстанеть, когда Его Высочество, въ слѣдствіе новыхъ материнскихъ инструкцій, усилитъ свое предстательство передъ Его Сіятельствомъ, и что, напоследокъ, и изъ этой великой бури выйдетъ невредимою Республика, хотя и вовлеченная въ большія издержки.»

Промеморія, препровожденная Ремеделли въ Рагузскій Сенатъ, при рапортѣ отъ 6-го Мая, и написанная имъ по идеямъ Рачины и по совѣтамъ и внушеніямъ Барона Биндера, была уже однажды издана К. Д. Петковичемъ, въ приложеніи къ его Историческому очерку Сербской Православной Общины въ Рагузѣ; тѣмъ не менѣе я считаю не бесполезнымъ и не излишнимъ второе изданіе текста, въ переводѣ гласящаго такъ:

«У подножія Трона Священнаго Императорскаго Королевскаго и Апостольскаго Величества Вашего, Фра Діонисій Ремеделли

Доминиканецъ, повѣренный въ дѣлахъ Рагузской Республики при Вашемъ Величествѣ, почтительнѣйше докладываетъ, что его Республикѣ угрожаетъ неминуемая гибель, если она будетъ вынуждена согласиться на двѣ статьи, предложенныя Главнокомандующимъ Графомъ Орловымъ отъ имени Россійской Императрицы.

«Въ первой изъ этѣхъ статей онъ требуетъ, чтобы Республика дозволила Грекамъ-схизматикамъ построить близъ Рагузы церковь, въ чемъ имъ отказывали неоднократно со временъ Петра Великаго; ибо основными законами Республики исключена изъ ея области всякая другая религія, кромѣ Католической.

«Во второй статьѣ онъ требуетъ помѣщенія въ Рагузу Консула, который бы покровительствовалъ Русскимъ и Грекамъ, пребывающимъ нынѣ, или могущимъ со временемъ пребывать, на землѣ Республики.

«Непогрѣшительно можно предвидѣть, что исполненіе такихъ двухъ статей поведетъ къ неминуемой гибели Республики; ибо удобство имѣть Греческую церковь и покровительство Консула Грекамъ привлечетъ, въ продолженіи весьма не многихъ лѣтъ, во владѣнія Республики огромное число Греческихъ семействъ изъ сосѣднихъ Турецкихъ областей и даже съ Востока (Levante, Греція), и таковое огромное число Грековъ тотчасъ же овладѣетъ областію, и слабыя силы Республики не будутъ въ состояніи укротить ихъ. Но если бы даже Греки воздержались въ должныхъ границахъ, все таки великое число ихъ выдало бы Республику передъ пограничными Турецкими властями, которыя привыкли считать приходящихъ въ Рагузу Грековъ себѣ подвластными и своими подланными: они бы не потерпѣли ни одного дня видѣть ихъ свободными, и въ столь великомъ числѣ, и гордящимся покровительствомъ ихъ Консула; и еще болѣе имъ бы не понравилось лишиться значительной суммы денегъ, которую бы они получали ежегодно отъ поголовной подати, если бы этѣ Греки перешли во владѣнія Республики, и, слѣдовательно, сами Турки выместили бы свою злобу на Республикѣ наложеніемъ новой дани, или ея погубленіемъ, но, что еще важнѣе, по примѣру схизматической Церкви, принудили бы Республику дозволить также имъ возведеніе мечети, о чемъ столько

разъ они уже просили и въ чемъ всегда отказывала имъ Республика. Возведеніе же мечети было бы не менѣе губительно для Республики, и въ теченіи не многихъ лѣтъ владѣнія ея были бы наводнены Схизматиками и Магометанами, завлеченными религіею и положеніемъ, весьма выгоднымъ для торговли, а Католики, истинные поклонники Креста, остались бы, вмѣстѣ съ Республикою, угнетенными и уничтоженными.

«Очень хорошо познаетъ Республика обширные замыслы Русскихъ побѣдителей изъ требованій, заключающихся въ двухъ вышепомянутыхъ статьяхъ. Они стараются войти тайкомъ во владѣнія Республики, чтобы основать тамъ сильную колонію приверженныхъ имъ Грековъ, которые, по близкому сосѣдству съ Черногоріею и при выгодахъ, представляемыхъ портами Рагузы и мѣстами, удобными для кораблестроенія, могли бы, въ случаѣ новой войны, быть имъ весьма полезными, производя диверсіи въ ущербъ сосѣднимъ областямъ и Державамъ, подобно тому, какъ они въ послѣднее время старались вредить Туркамъ чрезъ посредство однихъ Черногорцевъ.

«Этѣ весьма основательныя опасенія Республики касаются также весьма близко интересовъ Августѣйшаго Дома Вашего Величества и его древнихъ правъ на сосѣдственныя страны, къ осуществленію коихъ Вы могли бы встрѣтить затрудненія со стороны Русскихъ и Грековъ, поселившихся на землѣ Республики. И, кромѣ того, если Греки-схизматики, подданные Вашего Величества, число коихъ весьма велико, выказали себя столь привязанными къ Русскимъ, хотя и отдаленные отъ нихъ, что многіе изъ нихъ переселились въ Новую Сербію Русскую и съ такимъ трудомъ выдавали тѣ богослужебныя книги, печатанныя въ Россіи, въ коихъ заключались публичныя молитвы за Царицу, каковыя читались неукоснительно Греческими подданными Вашего Величества, то чего нельзя не опасаться отъ нихъ, когда они увидятъ въ своемъ сосѣдствѣ Русскихъ, которые не только покровительствуютъ и подстрекаютъ, но даже готовы, приглашать, и поддерживать силою всѣхъ тѣхъ, которые или исповѣдуютъ, или хотятъ принять ихъ вѣру и признать ихъ владычество?

«Рагузская Республика съ высокимъ почитаніемъ и подъ глубочайшею тайною повергаетъ все это къ подножію Августѣйшаго

Трона Вашего Величества, изъ чувства благодарности къ покровительству, которымъ она гордится, изъ полного довѣрія, которое она полагаетъ на могущественнѣйшую защиту Вашего Величества. И въ то же время, имѣя основаніе весьма опасаться за собственное свое существованіе, умоляетъ Ваше Величество, дабы, по великодушію Вашему, Вы защитили ее отъ угрожающей ей опасности.

«Республика не осмѣливается умолять Ваше Величество о помощи путемъ Министерскимъ. Она надѣется получить искомое, если Вашему Величеству благоугодно будетъ дать новыя и настоятельныя внушенія Августѣйшему сыну Вашему, Великому Герцогу Тосканскому, дабы Его Высочество, продолжая благодѣтельное предстательство, съ столь великою милостію уже начатое, предъ Главнокомандующимъ Русскимъ, Графомъ Орловымъ, успѣлъ наконецъ убѣдить его отстать отъ требованій, заключающихся въ вышепомянутыхъ двухъ статьяхъ, которыя навѣрное причинили бы Республикѣ окончательное паденіе.»

Изъ рапорта, при коемъ Ремеделли препроводилъ въ Сенатъ Рагузскій копию этой Промеморіи, видно, что Марія Терезія, вполнѣ соболѣзнуя Республикѣ, не могла сдѣлать для нея ничего другого, кромѣ повторительнаго препорученія сыну своему, Великому Герцогу Тосканскому, употребить всѣ его усилія къ благопріятному для Республики исходу переговоровъ Ранины съ Орловымъ; о томъ же ходатайствовалъ и Римскій Дворъ, сначала во Флоренціи, а потомъ и въ Вѣнѣ, чрезъ посредство Управляющаго Нунціатурою, Аббата Таруффи, какъ пишетъ о томъ Ремеделли въ донесеніи отъ 1-го Іюля:

«Когда онъ (Таруффи) предложилъ мнѣ, по приказанію Римскаго Двора, свои услуги въ пользу Республики, какъ я уже доносилъ Вашимъ Прев. Прев., отъ 14-го Іюня (этотъ рапортъ затерянъ), я, чтобы убѣдиться, на сколько можно полагаться на таковое предложеніе, постарался получить отъ него аудіенцію, на каковой ему угодно было показать мнѣ подлинное письмо Кардинала Статсъ-Секретаря отъ 20 Мая, въ которомъ находилось слѣдующее выраженіе: «что Его Святѣйшеству весьма желательно, чтобы на землѣ Республики Рагузской не было

введено еретическое богослуженіе, что по этому ему (Таруффи) поручалось содѣйствовать Министру Республики въ стараніяхъ его воспрепятствовать, съ помощію Вѣнскаго Двора, введенію таковаго богослуженія.» За тѣмъ онъ возобновилъ мнѣ предложеніе своихъ услугъ по этому дѣлу.

«Узнавъ объ этомъ, я счелъ нужнымъ представить ему, что преимущественно двумя путями, изъ коихъ одинъ прямой, а другой косвенный, Русскіе стремятся ввести еретическое богослуженіе въ Рагузскую Республику: первый построениемъ схизматической церкви, другой учрежденіемъ Русскаго Консульства въ Рагузѣ; что Республикѣ удалось уже отклонить построение церкви; но что она должна была согласиться на учрежденіе Русскаго Консульства въ Рагузѣ; что относительно послѣдняго вопроса онъ, г. Таруффи, могъ бы выказать свое благоволеніе къ Республикѣ, избавивъ ее, при посредствѣ здѣшняго Двора, отъ необходимости принять Русскаго Консула.

«Онъ отвѣтилъ мнѣ, что не можетъ этого сдѣлать по тремъ причинамъ: 1-е, по тому, что инструкціи, полученныя имъ изъ Рима, касались только еретическаго богослуженія; 2-е, по тому, что было бы весьма опасно для Республики отказаться отъ принятія въ Рагузу Русскаго Консула послѣ того, какъ она уже изъявила на то свое согласіе; 3-е, по тому, что наибольшее, чего онъ могъ бы просить отъ Австрійскаго Двора, было бы побудить Ея Величество написать объ этомъ предметѣ Московской Царицѣ, чего не возможно достигнуть отъ Ея Величества, ибо она не слишкомъ довольна Царицею, которой нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ писала Ея Величество, жалуясь на притѣсненія Католиковъ многочисленными схизматиками Польши, занятой Русскими войсками, на каковое письмо Ея Величество Царица дала отвѣтъ очень поздно, и не только ни мало не удовлетворительный, но даже скорѣе философскій и клонящійся къ тому, чтобы убѣдить Ея Величество быть терпѣливою въ дѣлѣ религіи, какъ въ дѣлѣ внутренняго убѣжденія каждаго. Послѣ сего Ея Величество не писала болѣе Царицѣ, и нѣтъ ни какой надежды, чтобы она согласилась теперь писать въ пользу Республики.

«Не смотря на три вышеприведенныя причины,» прибавилъ Аб. Таруффи, «въ первую же аудіенцію, которую я получу отъ

Ея Величества, не премину представить ей, въ общихъ выраженіяхъ, желаніе Св. Отца побудить Ея Величество оказать покровительство Республикѣ въ настоящей распрѣ ея съ Россією.» Подобное благоволеніе Римскаго Двора ни къ чему не поведетъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, какъ слишкомъ позднее.

«Г. Посланникъ Ранина увѣдомляетъ меня, отъ 13 Іюня, что все покончено съ Главнокомандующимъ Графомъ Орловымъ, исключая вопроса о національности Консула, каковъй будетъ также рѣшенъ въ теченіи недѣли.»

Черезъ 15 дней Ремеделли доносилъ Сенату, что Ранина покончилъ уже переговоры съ Орловымъ, и заключилъ съ нимъ трактатъ въ Ливорнѣ, и въ слѣдствіе того, считая дальнѣйшее свое пребываніе въ Вѣнѣ бесполезнымъ, просилъ дозволить ему возвратиться въ Италію, тѣмъ болѣе, что уже истекалъ срокъ отпуски, даннаго ему Великимъ Герцогомъ Тосканскимъ. Совершенно непонятно, по чему Республика продержала его при Австрійскомъ Дворѣ до половины Декабря, и только 15 числа этого мѣсяца, какъ видно изъ его донесенія отъ 5-го Февраля, онъ могъ пуститься въ путь, а черезъ мѣсяць началъ свои лекціи въ Пизѣ.

Изъ Конвенціи, заключенной Графомъ Орловымъ съ Графомъ Раниною въ Ливорнѣ, въ Іюнь 1775 года, видно, какъ обманулся въ своихъ надеждахъ Посланникъ Рагузской Республики, и какъ было бесполезно ходатайство Римскаго, Вѣнскаго и Тосканскаго Дворовъ. На основаніи трехъ нижеслѣдующихъ условій, Графъ Орловъ, въ силу дарованнаго ему полномочія, произноситъ всеобщее прощеніе и забвеніе всего прошлаго: «1-е, чтобы отнынѣ впредь во всякую войну, какая могла бы возникнуть между Всероссійскою Монархією и какою бы то ни было другою Державою, Рагузская Республика соблюдала всегда и во всякое время самое строгое невмѣшательство.

«2-е, Чтобы Россійско-Императорскій Консулъ въ Рагузѣ и ея области пользовался всѣми правами, почестями, привилегіями, исключеніями и пр., какими пользуются Консулы важнѣйшихъ Державъ Европы, не исключая ни одной.

«3-е, Чтобъ вышепомянутому Императорскому Консулу было дозволено имѣть капеллу въ собственномъ его домѣ, въ которой онъ, его семейство и всѣ подданные Ея Императорскаго Величества могли бы присутствовать при богослуженіи по обряду нашей религіи.»

Зная изъ предыдущаго, что не «un manque d'égard envers le C-te Orlow», и не желаніе «frapper les esprits dans ces contrées lointaines», но несоблюденіе Республикою строгаго невмѣшательства, даже прямое участіе, принятое ею въ войнѣ Турокъ противъ насъ, и наконецъ оскорбленіе нашей народной чести противозаконнымъ конфискованіемъ Рагузскимъ Консуломъ въ Генуѣ одного нашего судна, были причиною гнѣва на Рагузу Императрицы Екатерины II; зная все это, читатель не можетъ не удивляться великодушію нашего Правительства, имѣвшаго и право, и силу стереть Республику съ лица земли, и удовольствовавшагося только учрежденіемъ Консульства въ Рагузѣ и правомъ имѣть при немъ Православную капеллу. Вглядываясь еще пристальнѣе въ условія Конвенціи Графа Орлова, нельзя еще разъ не удивляться великодушію нашего Правительства, которое не имѣло ни какой выгоды учреждать въ Рагузѣ Консульство; ибо въ это время торговля и мореплаваніе Рагузинцевъ были въ упадкѣ: предписывая Республикѣ подобныя условія, Императрица Екатерина II руководилась достойною ея мыслью, помочь, по возможности, нашимъ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ братьямъ, тѣснимымъ Турками и насильственно обращаемымъ въ Католицизмъ Рагузинцами.

И Республика очень хорошо понимала, что на глазахъ Православнаго Консула, представителя Великой Славянской Державы, ей будетъ неудобно обращаться по прежнему съ схизматиками, вербовать въ Герцеговинѣ рабочихъ и латинить ихъ; кромѣ того, ей уже нельзя будетъ отговариваться незнаніемъ, если, въ случаѣ новой войны Россіи съ Турціею, или какою-либо другою Державою, Рагузскія суда займутся снабженіемъ военными и съѣстными припасами нашихъ непріятелей, или же въ ихъ ряды вступить Рагузинцы: вотъ почему такъ неохотно Республика приняла великодушно предложенныя ей нашимъ Дворомъ условія примиренія, а вовсе не по тому, что она опасалась поссориться съ Турецкими властями, или же видѣть всю свою область занятою нашими единовѣрцами.

Мы уже имѣли случай говорить объ искорененіи Православія на землѣ Рагузской Республики и о Католической пропагандѣ Рагузинцевъ на Востокѣ. Въ XVIII вѣкѣ, какъ и въ предыдущихъ вѣкахъ, Православнымъ воспрещалось селиться въ Рагузской области, какъ бы они ни были полезны Республикѣ, и того, кто даже временно пребывалъ въ Рагузѣ по своимъ дѣламъ, всячески старались полатинить, какъ видно это изъ двухъ буллъ Папы Венедикта XIV, отъ 24-го Декабря, 1743 года, въ Рагузскій Сенатъ и къ Архіепископу Ангелу Франки.³⁸

Когда въ 1752 году вступилъ на Архіепископскую кафедру въ Рагузѣ Доминиканецъ Гіацинтъ Милковичъ, Православны, желая снискать его благоволеніе, поднесли ему обычные дары; но онъ, страшный фанатикъ, отказался принять отъ нихъ дары и настоялъ еще на томъ, чтобы Сенатъ употребилъ противъ нихъ всю силу законовъ, «*ne quid in contemptum ac perniciem Catholicae et Christianae religionis auderent*»³⁹

³⁸ Въ буллѣ Сенату Рагузскому, изданной сначала Фарлати, стр. 278, а потомъ К. Д. Петковичемъ, въ приложеніяхъ къ его Истор. Очерку Правосл. общины въ Рагузѣ, стр. 11, Венедиктъ XIV выражается такъ о Православныхъ: «*Nihil enim boni expectandum*» ab iis, quos implacabile odium adversus Romanae Ecclesiae filios exagitat, imo valde metuendum est, ne temporis progressu eorum cum vestris civibus consociatio, horum mores religionemque corrumpat ac tandem rebus vestris publicam perniciem afferat.» Архіепископу же Рагузскому, коего хвалить за ревность его къ Римскому престолу, Папа пишетъ: «*Simul autem Fraternitatem tuam sedulo in Domino hortamur, ut semel bene caepta perficiat atque apud istius religiosae Reipublicae moderatores pro viribus insistet, ne in eorum Catholica ditione nullo temporalis utilitatis obtentu schismaticos homines stabiles figere sedes, atque eorum haeresim radices agere sinant; sed eos adversum Catholicam religionem quidpiam molientes a suis finibus arceant, Pseudo-monachis vero, quos Calogeros vocant, suae sectae hominibus sacramenta profano schismaticorum ritu ministrare etiam pro imperio inhibeant. Quantum vero ad schismaticos, quorum moram ad breve tempus negotiationis caussa tolerandam judicabunt, curabit Fraternitas tua ecclesiasticum seligere virum moribus ac scientia probatum, qui potens et aptus sit eos in fide Catholica instruere, atque in sinum Apostolicae Matris Ecclesiae, ejuratis erroribus, reducere.*» Farlati 279.

³⁹ Farlati 280.

Таковы были отношенія Рагузинцевъ къ нашимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ въ то время, когда Графъ Орловъ предписалъ Республикѣ принять въ Рагузу нашего Консула и дозволить ему построеніе, при собственномъ его домѣ, Православной капеллы. Вынужденные обстоятельства дать свое согласіе на этѣ условія примиренія, Рагузинцы таили въ душѣ своей рѣшимость не допустить, по крайности, построенія схизматической церкви въ Рагузѣ, если имъ не удастся отклонить наше Правительство отъ учрежденія при Республикѣ Консульства; въ первомъ они дѣйствительно успѣли, какъ увидимъ въ послѣдствіи; послѣдняго же имъ не удалось ни какимъ образомъ достигъ.

Какъ была не по нутру Рагузинцамъ Конвенція Графа Орлова, мы уже видѣли изъ того, что они обращались то къ Папѣ, то къ Австрійской Императрицѣ, то къ Великому Герцогу Тосканскому, съ мольбами, отклонить нашъ Дворъ отъ настойчивыхъ его требованій, грозившихъ будто бы паденіемъ Республикѣ. Кстати будетъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ лицѣ, къ коему они обращались съ подобными же просьбами; это лице извѣстный самозванецъ, Степанъ Малый, появившійся въ Черногоріи въ 1767 году подъ именемъ Русскаго Царя Петра III. Онъ сумѣлъ воспользоваться привязанностію Черногорцевъ къ Россіи и захватить въ свои руки правленіе.

Князь Ю. В. Долгорукій, посланный Императрицею съ грамотою въ Черногорію въ 1770 году, счелъ полезнымъ оставить Степана Малаго управлять этѣмъ преданнымъ намъ народомъ, изъ чего Рагузинцы заключили, что самозванецъ дѣйствительно Русскій и при томъ важная и вліятельная особа; а по тому, желая заискать его милость, отправили къ нему дары: кофе, сахару, восковыхъ свѣчей, розолію, конфектъ, златотканную одежду и прекрасныя носилки (portantina), стоимшія 60 червонцевъ.⁴⁰ Степанъ Малый, зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и чего отъ него домогаются, сталъ держать себя весьма надменно въ отношеніи къ Республикѣ и, лаская ее надеждами, отъ времени до времени посылалъ ей письменныя и устныя приказанія, отправить къ

⁴⁰ Д. Милаковичъ. Исторія Црне Горе. У Задру, 1836, стр. 170.

нему, въ Черногорію, или извѣстную сумму денегъ, или нѣсколько бочекъ вина и т. п. Переписка его съ Рагузскимъ Сенатомъ сохранилась въ здѣшнемъ архивѣ и, какъ мнѣ сказывали, переполнена выраженіями самыми грубыми и оскорбительными для Республики.

Въ 1788 году прибылъ въ Рагузу Графъ Джика, наименованный нашимъ Генеральнымъ Консуломъ при Республикѣ. Онъ привезъ съ собою письмо къ Ректору и Сенаторамъ Республики отъ Генераль-Лейтенанта Заборовскаго, назначеннаго Командующимъ сухопутными войсками нашими, долженствовавшими прибыть въ Средиземное море и прилежація страны на корабляхъ, отправленныхъ изъ Кронштадта. Въ письмѣ этомъ, отъ 20 Марта, 1788 года, выказывается благоволеніе Императрицы къ Республикѣ и надежда, что сія послѣдняя облегчитъ, по возможности, Русскимъ Коммисарамъ снабженіе нашихъ войскъ жизненными припасами, и что отнюдь не станетъ помогать врагамъ Креста и Всероссійской Имперіи.⁴¹ Тѣмъ не менѣе мы были обмануты въ своихъ надеждахъ, и Республика, вопреки Конвенціи Орлова, нашла для себя болѣе выгоднымъ перевозить на своихъ судахъ съѣстные припасы для Турокъ, нашихъ непріятелей. Въ 1788 году Ламбро-Капціони конфисковалъ въ Адриатикѣ два Рагузскихъ судна съ Турецкимъ грузомъ. Республика отговаривалась по прежнему тѣмъ, что шкипера этѣхъ судовъ поступили вопреки ея волѣ и приказанію, и обѣщала наказать ихъ, въ слѣдствіе чего Императрица приказала возвратить хозяевамъ конфискованныя суда.⁴² Таковой великодушный поступокъ Екатерины II вовсе не былъ заслуженъ Рагузинцами, съ которыми мы имѣли полное право обращаться, какъ съ нашими непріятелями, за нарушеніе ими невмѣшательства, къ строгому соблюденію коего они обязались Конвенціею Орлова.

Блестящая эпоха Екатерины Великой глубоко запечатлѣлась въ памяти здѣшнихъ нашихъ единоплеменниковъ, и доселѣ еще

⁴¹ Письмо это, сохранившееся въ здѣшнемъ Консульскомъ архивѣ, издано К. Д. Петковичемъ въ прилож. къ Истор. оч. Прав. Общины въ Рагузѣ, стр. 17 — 18.

⁴² Engel, 274.

поеть народъ пѣснь о побѣдахъ Русской Царицы надъ «зміемъ Турскимъ.»⁴³ Одинъ изъ лучшихъ ученыхъ и поэтовъ того времени въ Рагузѣ. Аббатъ Bernardo Zamagna, написалъ двѣ оды на Латинскомъ азыкѣ въ честь Екатерины II, изъ коихъ одна еще не издана: «Olbia sive Oczakovia a Russis capta die VII Decembr. 1788,»⁴⁴ а другая напечатана въ Миланѣ: «Elegia de Congressu Josephi II et Catharinae Mosc. Imper. Mohiloviae habito.»

Императоръ Павелъ I, черезъ два года по вступленіи своемъ на престолъ, имѣлъ случай убѣдиться, какъ мало заслуживала Рагузская Республика то великодушное покровительство, которое оказывало ей наше Правительство; ибо до свѣдѣнія его дошло, что Рагузинцы занимались перевозкою съѣстныхъ припасовъ на своихъ судахъ изъ Архипелага на Мальту, занятую въ 1798 году Французами, нашими неприятели. Такимъ образомъ въ самое короткое время они во второй разъ нарушили Конвенцію Орлова, налагавшую на нихъ обязанность соблюдать строгое невмѣшательство. Сенатъ Рагузскій и на этотъ разъ отговаривался невѣдѣніемъ, увѣрялъ, что шкипера поступали противу его воли и приказанія, и обѣщала даже подвергнуть ихъ смертной казни, какъ Государственныхъ преступниковъ: этѣмъ дѣло и ограничилось.⁴⁵

По истинѣ удивительно, какъ удалось Республикѣ такъ нагло обмануть наше Правительство ложными увѣреніями въ то время, какъ Консулъ нашъ находился въ Рагузѣ и могъ и долженъ былъ слѣдить за всѣми ея дѣйствіями и доносить объ нихъ своевременно Императорскому Министерству. Таковое нера-

⁴³ Одинъ изъ здѣшнихъ помѣщиковъ, Маркизь Бона, извѣстный патріотъ, рассказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ эту пѣсню въ селѣ Имотицѣ, близъ Турецкой границы, въ Рагускомъ Приморьѣ. Ту же пѣснь поеть въ Рагузѣ и одинъ старый гусларь.

⁴⁴ Оду эту, найденную мною въ ркп. Франциск. биб. N 273, считаю не безполезнымъ издать нынѣ въ свѣтъ съ Сербскимъ переводомъ Сорги, ркп. N 598 и нѣкоторыми другими стихотвореніями, относящимися къ эпохѣ Екатерины Великой, извлеченными мною также изъ рукописей той же библіотеки. См. Прилож. XII.

⁴⁵ Engel, 278.

дѣніе Графа Джики объясняютъ его строгостью и нежеланіемъ ссориться съ Сенаторами. На глазахъ его продолжали по прежнему притѣснять Православныхъ, которымъ хотя и удалось въ 1790 году завести молеблю въ частномъ домѣ внѣ города, ⁴⁶ однако, еще не было и рѣчи, о публичномъ богослуженіи, и Православные Священники, пріѣзжавшіе изъ Герцеговины, безпрестанно подвергались самымъ возмутительнымъ оскорбленіямъ. Постановленіемъ Сената, отъ 22-го Генваря, 1803 года, Православный Священникъ, Никодимъ Ювановичъ, былъ изгнанъ изъ Рагузы, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбранилось на будущее время появленіе на землѣ Республики Православныхъ Священниковъ. Постановленіе это, не извѣстно, въ слѣдствіе какихъ побужденій, было на другой же день измѣнено такъ: «Дозволяется Священнику Греко-схизматическому пріѣзжать дважды въ годъ въ Рагузскую область и пребывать въ ней всякій разъ по 8 дней.»

Узнавъ объ изгнаніи Православнаго Священника изъ Рагузы, Генеральный Консуль нашъ, Фонтонъ, замѣтившій въ 1800 году Графа Джикю, счелъ таковой поступокъ Республики нарушеніемъ Конвенціи, заключенной съ Россіею, и потребовалъ отъ Сената объясненій. Сенатъ 28 того же мѣсяца отвѣчалъ, что постановленіе отъ 22 числа не касается того Священника, котораго приведетъ съ собою Русскій Консуль, каковому, согласно трактату, заключенному съ Россіею, будетъ дозволено имѣть въ собственномъ домѣ капеллу, гдѣ онъ, его семейство и всѣ подданные Ея Императорскаго Величества свободно могутъ присутствовать при богослуженіи по обряду своей религіи, въ каковой только капеллѣ, отнюдь же не въ другихъ мѣстахъ и не при другихъ лицахъ, можетъ служить вышепомянутый Священникъ.»

9-го Февраля, въ дополненіе къ постановленію отъ 22 Генваря, Сенатъ объявилъ, что «вѣчному изгнанію изъ Рагузской области подлежатъ только Священники, а не монахи, Православные.»

14-го числа того же мѣсяца Сенатъ поручилъ Графу Бондѣ отвѣчать на ноту Фонтонна отъ 10 т. м., повторяя ему прежнія увѣренія, что «Республика вовсе не имѣетъ намѣренія нарушать Конвенцію Орлова, и что, слѣдовательно, Русскій Консуль можетъ

⁴⁶ Ист. вч. Срб. Прав. Общ. въ Раг. стр. 9.

имѣть въ собственномъ домѣ капеллу, въ которой онъ, его семейство и всѣ подданные Ея Императорскаго Величества могутъ присутствовать при богослуженіи по обряду ихъ религіи; что если доселѣ Русскіе Консулы не воспользовались этѣмъ правомъ, то такового права никто ихъ не лишаетъ, и они могутъ построить въ своемъ домѣ капеллу, согласно вышепомянутаго трактату, который всегда нами строго соблюдался и будетъ соблюдаться. Что же касается немногихъ Грековъ, нашихъ подданныхъ, ... то имъ никогда не отказывалось и не оказывается въ необходимой помощи для богослуженія по ихъ обряду.»⁴⁷

Недовольный этѣми объясненіями Сената, Фонтонъ, въ донесеніи отъ ¹³/₂₅ Февраля, жаловался Императорскому Министерству на гоненія, претерпѣваемые нашими единовѣрцами въ Рагузѣ, и, въ слѣдствіе его жалобы, Государственной Канцлеръ, Графъ Воронцовъ, потребовалъ отъ Республики немедленнаго удовлетворенія, грозя гнѣвомъ Государя Императора. Онъ требовалъ также, чтобы Республика отвела въ городѣ приличное мѣсто для построенія Русской Церкви, а дотолѣ считала часовню Православную, находящуюся внѣ города, принадлежащею совокупно Русскимъ и Грекамъ, и уважала ее и Священниковъ, какъ пользующихся особеннымъ покровительствомъ Русскаго Императора.⁴⁸

Угрозы нашего Двора и настоятельныя требованія Фонтонна немедленнаго удовлетворенія увѣнчались, если не полнымъ, то весьма значительнымъ успѣхомъ: Православное вѣроисповѣданіе утвердилось законнымъ образомъ въ Рагузѣ, хотя и должно было подчиниться господствующему вѣроисповѣданію Католическому, въ пользу котораго принуждено было иногда дѣлать значительныя уступки. Такъ изъ протоколовъ Сената (отъ 11 Апрѣля, 1804 года), узнаемъ, что, въ случаѣ смерти Православнаго въ больницѣ, Священникъ нашего вѣроисповѣданія не смѣлъ въ церков-

⁴⁷ Fasc. legati Rogatorum Consilii dal 1803 — 7. См. Прилож. VII.

⁴⁸ Письмо Гр. Воронцова къ Ректору и Сенаторамъ Рагузской Республики отъ 23 Юля, 1803 г., и предписаніе Императорскому Генеральному Консулу въ Рагузѣ, отъ 20 Ноября т. г., изданы К. Д. Петковичемъ въ приложеніи къ его статьѣ, стр. 18—20.

ныхъ одеждахъ входить въ больницу, а долженъ былъ ожидать выноса покойника у воротъ ея, «per non fare una ingiuria pubblica al tempio (lo spedale Cattolico, essendo, riputato in tutti i paesi come una Chiesa) della Religione Dominante del paese;» кромѣ того обряды погребенія по нашему церковному уставу дозволялось совершать только по выходѣ изъ города: тогда только Священникъ могъ облачить свои одежды и начать молитвы по покойномъ.⁴⁹

Какъ бы то ни было, Православіе, благодаря заступничеству Россіи, прочно утвердилось въ Рагузѣ, и здѣшніе Католики-субверсы со страхомъ ожидали исполненія предсказаній Свят. Франциска Асизскаго и Св. Якова Марлійскаго—паденія Республики. И дѣйствительно, предсказаніе вскорѣ исполнилось: Республика пала, но не отъ руки Грека-схизматика, какъ они того опасались, а отъ руки своего же единовѣрца.

Въ слѣдствіе пораженій при Ульмѣ и Аустерлицѣ, Австрія принуждена была заключить, въ 1805 г., миръ съ Франціею въ Пресбургѣ, по коему обязалась уступить Французамъ, въ числѣ другихъ провинцій, Далмацію съ Боккою Которскою. Австрійскій окружной Начальникъ въ Боккѣ, Баронъ Кавалькабо, объявилъ гамошнимъ жителямъ, что 29 Генваря, слѣдующаго 1806 года, всѣ города должны быть переданы Французамъ. Такое объявленіе произвело весьма невыгодное впечатлѣніе въ народѣ, и Боккезы, опасаясь уиатка своей торговли и своего благосостоянія подъ владычествомъ Французовъ, рѣшились призвать на свою помощь Русскихъ, приглашая ихъ занять Бокку прежде, чѣмъ успѣютъ прибыть туда Французы. Вице-Адмиралъ Д. Н. Сенявинъ, находившійся тогда съ флотомъ въ Корфу, съ удовольствіемъ принялъ ихъ предложеніе и отправилъ въ Бокку эскадру подъ начальствомъ Капитана Бели. Между тѣмъ Боккезы успѣли заключить союзъ съ Владыкою Черногорскимъ, охотно принявшимъ на себя начальство надъ соединенными силами Приморцевъ и Черногорцевъ. Австрійцы, слишкомъ слабые числомъ, должны были, въ слѣдствіе требованій Владыки и Бели, передать Боккезамъ всѣ города и села въ Которской бухтѣ. Узнавъ объ этомъ, Сенявинъ

⁴⁹ См. примѣч. 46.

отправилъ на первый случай два батальона стрѣлковъ съ 4 пушками, подъ командою Генераль-Маіора Пушкина, для защиты Капель-Нова и Котора, а 13 Марта и самъ съ частью флота прибылъ въ Бокку.

Такъ рассказываетъ о занятіи Бокки нашими войсками Г. Броневскій, бывшій очевидцемъ всѣхъ событій, случившихся въ Адриатикѣ съ начала 1806 до конца Іюля 1807 года.⁵⁰

Нѣсколько иначе повѣствуетъ объ этомъ одинъ изъ современныхъ Г. Броневскому Рагузинцевъ, также близко знакомый съ дѣломъ: записки его найдены были случайно Г. Казначиемъ между разнымъ хламомъ въ здѣшней Францисканской библіотекѣ.⁵¹

«Французы, вступивъ немедленно во владѣніе Венеціею и Далмаціею, уступленными имъ по Пресбургскому миру, промедлили нѣсколько мѣсяцевъ занять Бокку и Каттаро. Между тѣмъ Боккезы воспользовались этѣмъ временемъ, и, чтобы не принять Французовъ (тамошнее народонаселеніе состоитъ изъ $\frac{2}{3}$ Грековъ и только $\frac{1}{3}$ Католиковъ), пригласили Москвитянъ, находившихся тогда съ военными кораблями разныхъ размѣровъ на Іоническихъ островахъ, занять эту провинцію. Дѣйствительно, Москвитяне не заставили себя много упрашивать, но, тотчасъ же отдѣливъ отъ этой эскадры нѣсколько кораблей и фрегатовъ съ значительнымъ числомъ бригавъ и канонерскихъ лодокъ, приняли приглашеніе своихъ единовѣрцевъ, соединившихся уже съ Владыкою Черногорскимъ и, вступивъ въ Бокку, потребовали отъ Австрійскаго Коменданта, Маркиза Гизіери, чтобы онъ, въ продолженіи $\frac{1}{4}$ часа сдалъ имъ Капель-Ново (гдѣ въ то время онъ находился) съ городомъ Которомъ и остальною подвѣдомственной ему частью Бокки. Изъ особенной милости онъ получилъ двадцатичетырех-

⁵⁰ Записки морскаго офицера. С.-Петербург. 1818 г., 4 части, и Письма морскаго офицера. С.-Петербург. 1825 г., 2 ч. По невозможности имѣть въ Рагузѣ вышепомянутыя сочиненія, я принужденъ былъ удовольствоваться извлеченіемъ изъ оныхъ, сдѣланнымъ Д. Милаковичемъ въ его Исторіи Черногоріи, стр. 239 и слѣд.

⁵¹ Записки этѣ не были еще доселѣ изданы, а по тому считаю не излишнимъ напечатать ихъ въ XIII прилож. къ настоящему труду.

часовую отерочку на размышленіе и рѣшеніе, сдать ли безъ сопротивленія этѣ города, или же воспротивиться силою угрозамъ Москвитянь. Наконецъ видя, что его силы слишкомъ незначительны въ сравненіи съ силами похитителя, ночью отправился въ Рагузу, отдавъ приказаніе своимъ войскамъ сѣсть на суда и направиться въ одинъ изъ портовъ, принадлежащихъ ихъ Государю. Послѣ чего Москвитяне овладѣли всею областію Бокки и начали крейсировать на своихъ корабляхъ у береговъ Рагузской Республики, конфискуя торговые суда всякой націи, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что, если суда принадлежали Державѣ, имъ дружественной, а грузъ Французамъ, или же былъ отправленъ изъ ихъ страны, или направлялся въ ихъ порты, то они конфисковали только грузъ, а суда отпускали на волю; если же все было Французское, то овладѣвали въ одно и то же время и грузомъ и судами.»

Этѣ послѣднія слова нашего автора указываютъ на блокированіе береговъ Адриатики Русскимъ флотомъ. Между рукописями, уже столько разъ упомянутой нами, бібліотеки случайно нашлась копія Декларациі Начальника нашей эскадры въ Боккѣ Которской, Генриха Бели, отъ $\frac{2}{15}$ Марта, 1806 года, слѣдующаго содержанія:

«Съ цѣлію искренно поддерживать хорошія сношенія и согласіе съ Государствами нейтральными и препятствовать неприятелямъ получать чрезъ ихъ посредство военные и сѣстные припасы, Начальникъ эскадры Его Величества, Императора Всероссийскаго, поставляетъ во всеобщую извѣстность:

«1-е, Что всѣ порты и берега, какъ по правую, такъ и по лѣвую сторону Адриатическаго моря, принадлежащіе Французамъ, или нейтральнымъ, въ коихъ они, къ несчастію, укроются, будутъ отнынѣ подвержены вышеупомянутою эскадрою самой строгой и грозной блокадѣ.

2-е, Что ни одно судно вышесказанныхъ Державъ не можетъ привозить въ блокируемыя мѣста ни какихъ военныхъ и сѣстныхъ припасовъ и ни какихъ другихъ товаровъ, каковыя, въ противномъ случаѣ, будутъ неминуемо конфискованы вмѣстѣ съ судномъ.

3-е, Таковымъ объявленіемъ, которое достаточно обнаруживаетъ уваженіе, питаемое Императорскимъ Дворомъ къ Державамъ нейтральнымъ, мы надѣемся отратить отъ нихъ тѣ бѣдствія, которымъ бы они подверглись въ противномъ случаѣ.»⁵²

Декларация эта, обязывавшая, между прочими, и Рагузинцевъ къ соблюденію строгаго невмѣшательства и лишавшая ихъ возможности ловить по прежнему въ мутной водѣ рыбу, сильно встревожила Республику, и безъ того напуганную вѣстію о занятіи Русскими Бокки Которской, и Сенатъ Рагузскій, желая, вѣроятно, выиграть время, обратился къ Консулу нашему съ просьбою доставить ему нѣкоторыя объясненія на статьи вышеупомянутой Декларации. Въ отвѣтъ на ноту Фонтана отъ ⁸/₂₀ Марта по этому предмету, г. Бели далъ нижеслѣдующія объясненія:

1-е. Отнынѣ и до будущихъ распоряженій дозволяется нейтральнымъ судамъ свободно выводить изъ блокируемыхъ портовъ въ порты Державъ дружественныхъ и нейтральныхъ всякаго рода товары; но да будетъ въ такомъ случаѣ священною обязанностию мѣстныхъ властей надзирать при отправленіи своихъ судовъ въ таковыя блокируемыя порты, чтобы ни одно изъ нихъ не осмѣливалось, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, брать съ собою ни какого другого груза, кромѣ необходимаго для путешествія, подъ страхомъ конфискаціи.

2-е. Дозволяется нейтральнымъ судамъ возить пассажировъ неподозрительныхъ въ блокируемыя порты, соблюдая, однако, необходимыя предосторожности къ сохраненію порядка. Багажъ и документы (*le carte*) должны быть осмтрѣны съ большимъ вниманіемъ и визированы.

3-е. Нейтральныя суда, обязавшіяся, до обнародованія блокады, принять грузъ въ портахъ блокируемыхъ, могутъ свободно выйти изъ нихъ и слѣдовать къ мѣсту назначенія, если таковое не занято непріателемъ.

4-е. Въ случаѣ, если нейтральное судно вышло изъ Адриатическаго моря съ грузомъ, назначеннымъ въ блокируемыя мѣ-

⁵² Итальянскій текстъ этой Декларации см. въ Прилож. XIV.

ста, прежде обнародованія Декларациі о блокадѣ, и если оно докажетъ это посредствомъ документовъ то такое обстоятельство будетъ принято во вниманіе, съ тѣмъ, однако, чтобы грузъ былъ проданъ въ собственномъ ихъ нейтральномъ отечествѣ, если такое не занято непріателемъ, или въ одномъ изъ Русскихъ портовъ, или же, чтобы таковой (грузъ) былъ отданъ политическимъ властямъ того мѣста, въ каковое придетъ судно, за законное вознагражденіе. Если же грузъ принадлежалъ бы Французскому подданному, то флагъ судна будетъ уваженъ, но грузъ будетъ конфискованъ, какъ законная добыча (*buona presa*).

5-е. Срокъ для предупрежденія судовъ есть число, въ которое была обнародована вышеупомянутая Декларациія». ⁵³

Занятіе нашими войсками Бокки - Которской, такъ сильно встревожившее Католиковъ Рагузинцевъ, заставило сильно биться сердца нашихъ единовѣрцевъ, и не только въ Боккѣ и соседственныхъ Турецкихъ областяхъ, но даже въ Рагузѣ, гдѣ число ихъ было весьма незначительно (100 человекъ об. п.). ⁵⁴

Подъ покровительствомъ и защитою единовѣрной и единоплеменной Россіи, Православные надѣялись получить, наконецъ, всѣ права человѣческія и гражданскія, въ которыхъ имъ отказывали столько вѣковъ. Мы уже видѣли, что, благодаря нашему заступничеству, имъ было дозволено публично совершать богослуженіе, что въ глазахъ Католиковъ - фанатиковъ было оскорбленіемъ ихъ религіи и должно было, по предсказанію Св. Франциска, повлечь за собою паденіе Республики. Близость нашихъ

⁵³ Тамъ же.

⁵⁴ Въ 1807 году, по офиціальнымъ даннымъ, народонаселеніе Республики простиралось до 31,245 чел., изъ коихъ 14,629 м. п. и 16,616 ж. п., въ самомъ городѣ было 4,175 чел., въ предмѣстьяхъ, Pille 1165 и Plosse 365; остальное народонаселеніе въ Гравозѣ и деревняхъ. Вся масса народонаселенія—Католики; Православныхъ было 68 ч. м. п. и 40 ж. п., а Жидовъ 109 м. п. и 118 ж. п. См. *Tavola statistica generale della città di Ragusa e tutto il suo antico stato per l'anno 1807, eseguita d'ordine del S. Amministratore Generale di Ragusa e Catarro, Domenico Gavagnin, e compilata sotto li 30 Aprile dell'anno 1808.* По каталогу Франц библи. значится подъ N 2572.

войскъ, возстаніе Боккезовъ, союзъ ихъ съ единовѣрными имъ Черногорцами, все это, казалось, оправдывало опасенія суевѣрныхъ Рагузинцевъ, на глазахъ которыхъ, къ тому же слабые числомъ, но крѣпкіе вѣрою въ единоплеменную имъ Россію, Рагузскіе Православные стали поднимать голову, напоминать Католикамъ о предсказаніи Св. Франциска, и даже нашлись между ними такіе смѣльчаки, которые публично стали говорить, что «Богъ Латинъ уже умеръ (*Iddio dei Latini era già morto*)». На такую насмѣшку отвѣчалъ неизвѣстный Рагузскій поэтъ сонетомъ, начинающимся такъ:

«Повѣрь, о невѣрный Грекъ, еще не умеръ
Великій Богъ Латинъ, истинный Богъ»....

Сонетъ этотъ, преисполненный площадною бранью, интересенъ для историка въ томъ отношеніи, что характеризуетъ расположеніе умовъ въ Рагузѣ въ описываемую нами эпоху, и опровергаетъ увѣренія Рагузинцевъ, что Французы заняли ихъ городъ вопреки ихъ воли: поэтъ высказываетъ надежду, что «безбожный Грекъ будетъ наказанъ за свое святотатство необходимымъ Галломъ». ⁵⁵

И дѣйствительно, было о чемъ сокрушаться Католикамъ-Рагузинцамъ, и чему радоваться Православнымъ Герцоговинцамъ, поселившимся въ Рагузѣ и лишеннымъ правъ гражданства: въ теченіи нѣсколькихъ дней были конфискованы нашею эскадрою почти всѣ Рагузскія торговыя суда, занимавшіяся по обычаю перевозкою контрабанды, и тѣмъ былъ нанесенъ страшный ударъ, по свидѣтельству современника, Республикѣ, существовавшей только благодаря ея торговлѣ и мореплаванію; ⁵⁶ съ другой стороны Православные жители Рагузы надѣялись, что, при неминуемомъ паденіи Республики, они сдѣлаются подданными Великой Державы, имъ единовѣрной и единоплеменной, отъ которой они могли ожидать всего лучшаго.

⁵⁵ Рукоп. Франц. библ. N 884. См. Прилож. XV.

⁵⁶ Рукоп. N 256. См. Прилож. XVI.

Узнавъ о занятіи нашими войсками Бокки Которской, Наполеонъ отправилъ туда 40,000 армію, коею, въ слѣдствіе договора съ Вѣнскимъ Дворомъ, было дозволено пройти чрезъ Австрійскія владѣнія въ Далмацію: Французы вынуждены были предпочесть этотъ путь, какъ самый безопасный, кратчайшему пути по морю, по коему крейсировали Русскіе корабли.

Около этого времени Рагузскій Сенатъ отправилъ депутацію въ Бокку къ Сенявину съ поздравленіями и подарками, и просилъ его о защитѣ и покровительствѣ Республики. Сенявинъ, на возвратномъ пути отъ Корчулы въ Нови (Кастель-Ново), прибылъ 6-го Мая въ Рагузу и заключилъ съ Сенатомъ слѣдующій договоръ: «Какъ только узнаютъ, что Французское войско вступило на землю Республики, Рагуза приметъ Русскій гарнизонъ, а Правительство вооружить гражданъ, дабы они воевали вмѣстѣ съ Русскими противъ Французовъ.⁵⁷

Депутація, отправленная Рагузскимъ Сенатомъ къ Сенявину въ Которъ, просила его, какъ мы выше сказали, о покровительствѣ Республики. Къ этому времени я отношу просьбу Республики къ Всероссійскому Императору, объ оказаніи ей защиты и покровительства, и письмо, по тому же самому предмету, къ первому Министру С.-Петербургскаго Двора. Хотя оба этѣ документы, найденные мною въ здѣшней Францисканской библіотекѣ, не обозначены годомъ и не упоминаютъ имени ни Императора, ни Министра, тѣмъ не менѣе, однако, судя по содержанію, я смѣло отношу ихъ къ описываемой мною эпохѣ.

Просьба къ Императору писана по Латыни. Вотъ ея Русскій переводъ:

«Чрезвычайное великодушіе и челобколюбіе, которое Ваше Императорское Величество благоволили постоянно оказывать нашей Республикѣ, побуждаетъ насъ всепокорнѣйше и всенижайше просить и умолять Васъ, чтобы и впредь Вы не лишали Республику могущественнѣйшаго Вашего покровительства. О семъ мы съ особеннымъ настояніемъ умоляемъ Ваше Величество въ настоящее

время, когда непобѣдимыя войска Ваши весьма приблизились къ нашимъ границамъ. Итакъ, полагаясь на Ваше покровительство, мы всенижайше умоляемъ и заклинаемъ Васъ благоволить приказать Вашимъ Военачальникамъ не отступать ни мало отъ той особенной милости, каковую Ваше Величество всегда оказывали нашей Республикѣ, но поступать съ нами съ тѣмъ же благоволеніемъ, каковое Ваше Величество доказали намъ не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ. Лаская себя этою надеждою» и пр. и пр. ⁵⁸

Просьба эта была препровождена, вѣроятно, чрезъ посредство Сенявина, при письмѣ (на Итальянскомъ языкѣ) къ первому Министру С.-Петербургскаго Двора (Государственному Канцлеру?), коего Республика проситъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о неотказаніи ей въ защитѣ и покровительствѣ. ⁵⁹

Казалось бы, что послѣ договора, заключеннаго съ Сенявинымъ, и послѣ прошеній, отправленныхъ въ С.-Петербургъ, о защитѣ и покровительствѣ, Республика, не будучи въ состояніи сохранять невмѣшательство, охотно вступить въ союзъ съ Русскими противъ Французовъ, не имѣвшихъ ни флота, ни артиллеріи, ни кавалеріи; но два, или три, Сенатора, предполагая, что Франція, отправившая столь значительныя силы въ Далмацію, имѣетъ болѣе средствъ защитить Республику отъ непріятеля, нежели Русскій флотъ и малочисленныя войска, находившіяся въ Средиземномъ морѣ, и весьма мало полагаясь на нерегулярное войско, союзное съ Русскимъ, нашли за лучшее принять въ свое отечество Французовъ, на что согласились и остальные Сенаторы. ⁶⁰

Совершенно иначе рассказываетъ объ этомъ современникъ Рагузинецъ. Самъ, если я не ошибаюсь, принадлежа къ числу Сенаторовъ, онъ старается оправдать всѣ дѣйствія Сената и представить Республику жертвою насилія Французовъ:

⁵⁸ Рукоп. N 939. См. Прилож. XVII.

⁵⁹ Рукоп. N 960. См. Прилож. XVIII.

⁶⁰ Милаковичъ 243 — 246.

«Въ то же время (во время блокированія Русскою эскадрою береговъ Республики)», говоритъ вышеупомянутый Рагузинецъ, «Русскіе вознамѣрились поставить свой гарнизонъ въ Рагузу, дабы преградить Французамъ путь въ Бокку. Сенать слегка воспротивился этому ихъ намѣренію, стараясь отклонить ихъ отъ онаго разными подарками и увѣреніями, что Французы не вступятъ ногою на ихъ землю; ибо Императоръ Наполеонъ положительно обѣщаль имъ, что они не потерпятъ ни какого ущерба и ни какого безпокойства, и что онъ возбранилъ своимъ войскамъ переходъ черезъ ихъ Государство. Русскіе успокоились; но Французскій Генераль, Молиторъ, находившійся въ Далмаціи и пользовавшійся полною свободою дѣйствій (*aveva dal suo sovrano la carta in bianco*), предписалъ своему Консулу увѣдомить Сенать, что онъ долженъ пройти съ войскомъ черезъ Рагузскую землю въ Бокку, и просить оной приготовить все, что для него можетъ понадобится. Узнавъ объ этомъ, Сенаторы отправили снова къ Генералу Молитору тѣхъ самыхъ двухъ Сенаторовъ, которыхъ посылали къ нему, тотчасъ же по прибытіи его въ Задаръ (Зару), съ поздравленіями и просьбою не вступать на Рагузскую землю: и на этотъ разъ они просили его отъ имени Республики, оставить ихъ въ покоѣ и не переходить черезъ ихъ владѣнія, чтобы Москвитяне, вмѣстѣ съ Боккезами и Черногорцами, не вторглись въ ихъ страну, чѣмъ они уже угрожали имъ, въ случаѣ если примутъ къ себѣ Французовъ. Между тѣмъ Сенать, не зная, какое рѣшеніе приметъ помянутый Генераль, затотавилъ въ Рагузѣ и отправилъ въ Стонъ большое количество съѣстныхъ припасовъ, на случай, если Генераль не склонится на просьбы двухъ Сенаторовъ, а отдастъ приказаніе войскамъ вступить въ ихъ Государство, то чтобы таковыя войска нашли такимъ образомъ все для нихъ необходимое. Случись же, что, въ силу ли предложенныхъ ему денегъ, или же по тому, что онъ самъ овасался, при вступленіи на Рагузскую землю, быть безславно уничтоженнымъ Черногорцами, онъ далъ имъ положительное обѣщаніе, что Французы не ступятъ ногою на землю Рагузскую. Полагаясь на обѣщанія и положительныя увѣренія помянутаго Генерала, Рагузинцы, успокоенные и совершенно довольные, отослали назадъ въ городъ съѣстные припасы. Но спокойствіе ихъ продолжалось только мѣсяць.

«Въ это время Русскіе, крейсировавшіе на двухъ, или трехъ, военныхъ корабляхъ у береговъ Рагузы, мирно проходили въ городъ, закупали все, что имъ было необходимо, и потомъ возвращались на свои корабли, не нанося никому ни ущерба, ни обиды. Только однажды, именно 3 Мая, * 1806 г., случилась маленькая неприятность: 9, или 10, офицеровъ, хотѣли, изъ любопытства, какъ они говорили, войти въ фортъ Св. Лаврентія (S. Lorenzo), но Венеціане, находившіеся на стражѣ въ этомъ укрѣпленіи, заперли смѣло ворота при ихъ приближеніи. Русскіе, видя, что напрасно предприняли эту прогулку, возвратились назадъ, и объ этомъ не было больше и рѣчи. Рагузинцы наслаждались обычнымъ миромъ до 26 числа того же мѣсяца и года.

«Въ этотъ день, въ полдень, пріѣхалъ курьеръ изъ Слана съ извѣстіемъ о прибытіи туда Французовъ и о шествіи ихъ ускореннымъ маршемъ по направленію къ Рагузѣ. Это неожиданное извѣстіе удивило всѣхъ, а въ особенности дворянство, которое немедленно же собралось на совѣтъ. Народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ихъ рѣшенія; но они, не имѣя времени предпринять что либо другое, рѣшили спокойно ожидать Французовъ и узнать, чего они домогаются. За тѣмъ отправили двухъ Сенаторовъ на Русскій флотъ, стоявшій между материкомъ и островомъ Даксою, съ тѣмъ, чтобы подробно и откровенно объяснить Командиру онаго все, что они знали и на что рѣшились, дабы онъ остерегся непріятелей и размыслилъ о томъ, что предстоитъ ему дѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій день, 27 Мая, въ 9 часовъ утра, проникнувъ черезъ Осойникъ въ Омблу и переправившись черезъ рѣку въ деревнѣ S. Stefano, тысяча солдатъ поднялись на водопроводъ, а оттуда спустились въ предмѣстье Пилле. Завидѣвъ ихъ издалека, Рагузинцы заперли главныя городскія ворота, оставивъ отворенною только калитку, изъ коей вышли два Сенатора, ⁶⁴ съ цѣлю привѣтствовать Генарала и спросить его объ

* Предупреждаю читателей разъ навсегда, что всѣ числа мѣсяцевъ въ разсказѣ объ осадѣ Рагузы нашими войсками должно принимать по новому счисленію.

⁶⁴ Bassegli и Natali, какъ видно изъ Parte del Consiglio dei Pregati dei 26 Maggio 1806 (lunedì).

его намѣреніяхъ. Генераль, по имени Александръ Лористонъ, сказалъ имъ, что онъ желаетъ говорить съ Сенатомъ, и обѣщаль открыть свои намѣренія. Затѣмъ онъ былъ введенъ въ городъ вышепомянутыми Сенаторами и Французскимъ Консуломъ и былъ представленъ Малому Совѣту (Consiglio Minore), составленному изъ 6 Сенаторовъ и седьмага Ректора; имъ онъ объявилъ, что не жалаеть ничего инаго отъ Рагузинцевъ, кромѣ 500 буглокъ вина, для освѣженія войска, утомленнаго путешествіемъ, каковому войску онъ хотѣлъ дать на отдыхъ только одинъ день, и такъ какъ внѣ города нѣтъ удобнаго помѣщенія, то просилъ дозволить имъ войти въ городъ и пробыть въ немъ до слѣдующаго дня. Получивъ на все это согласіе, онъ ввелъ свое войско въ городъ черезъ отворенныя на этотъ разъ ворота. Когда вооруженные солдаты вошли въ городъ, Генераль сталъ откровеннѣе и уже не просилъ болѣе, а требоваль, чтобы ему были отданы ключи крѣпости, чего и достигъ. За тѣмъ разставилъ стражу, которая, вмѣстѣ съ Рагузскими солдатами, охраняла, въ теченіи нѣсколькихъ дней, городскія ворота и укрѣпленія, каковыя въ послѣдствіи были заняты одними Французскими солдатами. Флагъ Св. Власія продолжалъ еще 7, или 8, дней развѣваться на фортѣ Св. Лаврентія, потомъ на той же самой мачтѣ подняли также Французскій флагъ пониже Рагузскаго, что продолжалось до самаго дня осады, въ которой Рагузской флагъ былъ совсѣмъ снятъ и оставленъ только Французскій. Въ теченіи слѣдующихъ 8 дней прибыли новыя войска, такъ что Французскій гарнизонъ увеличился до 1500 человекъ. По недостатку удобнаго для нихъ помѣщенія, двѣичій монастырь Св. Клары (S. Chiara), въ которомъ оставались только три престарѣлыя монахини, былъ ображенъ въ казармы, а церковь монастырская въ арсеналь. Въ Францисканскомъ монастырѣ была помѣщена партія солдатъ въ 40 человекъ, а въ Доминиканскомъ 350 человек., остальные же войска были расположены по укрѣпленіямъ. Генераль и всѣ офицеры стояли на частныхъ квартирахъ.

Овладевъ, такимъ образомъ, городомъ, Французы потребовали отъ Сената значительную сумму денегъ въ заемъ;⁶² а такъ

⁶² Въ рукоп. оставленъ пробѣлъ для цифры этого займа. По словамъ Герцога

какъ въ казнѣ не оказалось таковой, то Сенатъ долженъ былъ отобрать изъ церквей все, бывшее въ нихъ, серебро и вычеканить изъ него Рагузскіе червонцы; но и этого было недостаточно, и Французы ограбили всѣ общественныя кассы, въ томъ числѣ и кассу Общественнаго Призрѣнія (*opere Pie*). «Всѣ лавки сапожни-ковъ и портныхъ, по словамъ нашего автора, остались пусты, по тому что были обязаны обувать и одѣвать солдатъ, и Сенатъ сдѣлался ихъ должникомъ.»⁶³

«Лишь только вошли Французы въ городъ,» говоритъ другой Рагузинецъ, бывшій очевидцемъ всего, случившагося въ то время въ Рагузѣ, «тотчасъ же овладѣли всею артиллеріею и огромнѣйшимъ количествомъ военныхъ припасовъ (*di tutta l'artiglieria ben rispettabile e di una prodigiosa quantità di munizioni di guerra.*)»⁶⁴

На другой день по занятіи Рагузы, 28 Мая, Лористомъ издалъ прокламацію на трехъ языкахъ, Французскомъ, Итальянскомъ и Сербскомъ, въ которой, отъ имени Наполеона, обѣщаетъ «признать независимость и нейтральность Республики, какъ только Русскіе очистятъ прежнюю Венеціанскую Албанію (нынѣшній Которскій округъ), Корфу и другіе такіе острова, и какъ только Русская эскадра оставитъ въ покоѣ берега Далмаціи.»⁶⁵

Сорги, послѣдняго Министра Республики при Французскомъ Дворѣ, еще въ 1798 году Коммисарь *Vicche*, по приказанію гражданина *Comeyras*, потребовалъ отъ Рагузской Республики въ займы 600 тыс. франковъ. Республика, не имѣя въ своемъ распоряженіи таковой суммы, прибѣгла къ мѣрѣ весьма крутой, — къ чрезвычайнымъ налогамъ. Мѣра эта сильно взволновала народъ, особенно въ Конавлѣ, гдѣ Австрійскіе эмиссары, подсланные Генераломъ *de Brady* изъ Котора, подстрекали народъ къ возстанію; къ счастью для Республики, бунтъ этотъ былъ вскорѣ усмирень. *Fragments sur l'hist. de Raguse* 17.

⁶³ См. прим. 51.

⁶⁴ См. прим. 56.

⁶⁵ «*Dichiaro nullameno, che l'intenzione della M. S. J. è di riconoscere l'indipendenza e la neutralità di questo stato, tosto che i Russi avranno evacuato l'Albania ex-veneta, l'isola di Corfù e le altre isole ex-venete, e che la squadra russa lascerà libere le coste della Dalmazia.*» Прокламація эта, напечатанная Рагузскимъ книгопродавцемъ Мартекини, была прибита на всѣхъ углахъ города.

Узнавъ о занятіи Рагузы Французами, Черногорцы и Боккезы ⁶⁶ вторглись въ Конавле 30 числа того же мѣсяца и, не встрѣтивъ здѣсь почти ни какого сопротивленія, направились къ Цавтату (Ragusa vecchia). Въ Ободѣ встрѣтили ихъ Французы и заставили ихъ отступить. 2 Юня, получивъ изъ Новаго (Кастель-Ново) подкрѣпленіе, Черногорцы и Боккезы сдѣлали новое нападеніе на Французскія войска и, послѣ жаркаго дѣла, обратили ихъ въ бѣгство, по направленію къ Жупѣ (Vreпо). Цавтатъ остался въ рукахъ побѣдителей. Такъ рассказываетъ уже, столько разъ упомянутый нами, Рагузинецъ о первыхъ стычкахъ, которыя имѣли наши войска и союзные намъ Черногорцы и Боккезы на Рагузской землѣ. Изъ сочиненія же Г. Броневскаго видно, что оба раза мы остались побѣдителями, что Французы и Рагузинцы потеряли убитыми 250 человекъ, и что, при приближеніи Маіора Забѣлина съ 4 ротами стрѣлковъ и столькими же ротами егерей, непріятель безъ боя оставилъ Цавтатъ ночью 2 Юня. Слѣдующіе три дня Черногорцы и Поморцы, подкрѣпленные небольшимъ числомъ нашихъ солдатъ, преслѣдовали непріятеля почти до самыхъ стѣнъ города, именно до горы Бергата, на коей Французы затворились въ укрѣпленныхъ шанцахъ. Во время бѣгства непріятель потерялъ убитыми 8 офицеровъ и 300 солдатъ; кромѣ того, Черногорцы отняли у нихъ 1 знамя и 150 ружей. ⁶⁷

Конечно, никто не повѣритъ разсказу Рагузинца о безчеловѣчномъ будто бы обращеніи нашихъ союзниковъ съ жителями занятой нами страны; по его увѣренію, вырывали даже будто бы мертвыхъ изъ могилъ и снимали съ нихъ одежды, уже начинавшія гнить. Конавле и Жупа, житница Рагузы, по словамъ другаго Рагузинца, не болѣе правдиваго, были совершенно предааны огню и мечу. ⁶⁸

⁶⁶ Съ ними были еще, по словамъ Г. Броневскаго, двѣ роты нашихъ стрѣлковъ и одна рота егерей. Милаковичъ. 246.

⁶⁷ Милаковичъ. 247.

⁶⁸ Предупреждаю читателя разъ навсегда, что извѣстія объ осадѣ Рагузы нашими войсками заимствованы мною изъ двухъ рукописей здѣшней Францисканской библіотеки, напечатанныхъ въ прилож. XIII и XVI къ настоящему труду.

17 Іюня н. сч., по прибытіи новаго подкрѣпленія изъ Котора, войска наши, вмѣстѣ съ Черногорцами и Приморцами, атаковали непріятеля въ укрѣпленной его позиціи на горѣ Бергато и, послѣ жаркаго дѣла, продолжавшагося нѣсколько часовъ и стоившаго Французамъ очень дорого, овладѣли траншеями, вытѣснивъ изъ оныхъ непріятеля, искавшаго спасенія въ бѣгствѣ въ Рагузу. Въ руки побѣдителей, по словамъ Броневскаго, достались 19 пушекъ и около 90 плѣнныхъ. Болѣе 800 человекъ Французовъ и Рагузинцевъ пало на мѣстѣ, и въ томъ числѣ Генераль Дельгогъ (Delgogue), Подполковникъ Гае (Gaie), Адъютантъ Лористона, и 18 офицеровъ. Съ нашей стороны было убито и ранено до 150 человекъ.⁶⁹

На другой день послѣ этой блистательной побѣды, одержанной нашими войсками надъ непріятелемъ, почти вдвое сильнѣйшимъ, Маіоръ Забѣлинъ, съ частью нашего войска и съ небольшимъ числомъ Черногорцевъ, очистилъ отъ Французовъ все пространство отъ предмѣстья Плоче до Гружа (Гравозы), гдѣ стояла наша эскадра, состоявшая изъ пяти военныхъ кораблей и нѣсколькихъ Боккезскихъ судовъ. Въ то же время Черногорцы перервали водопроводъ, снабжавшій весь городъ водою, а наши войска обложили городъ съ суши и съ моря, лишивъ, такимъ образомъ, осажденных всякой возможности получать извнѣ съѣстные припасы.⁷⁰

При приближеніи нашихъ войскъ къ Рагузѣ, все окрестное народонаселеніе стеклось въ городъ, гдѣ должно было выносить и голодь и жажду, и гдѣ ежеминутно ожидало смерти отъ Русскихъ бомбъ и картечей, направляемыхъ съ горы Св. Сергія, господствующей надъ городомъ. Не смотря на огромное количество и величину бомбъ и картечей, брошенныхъ въ городъ съ нашихъ укрѣпленій во все продолженіе осады, съ 17 Іюня по 6 Іюля, по увѣренію нашего Рагузинца, погибло будто бы только 23 человека въ Рагузѣ, въ числѣ коихъ не было ни одного важ-

⁶⁹ Подробности см. у Милаковича. 243 — 253.

⁷⁰ Милаковичъ. 253 — 254.

наго лица, тогда какъ Французскія ядра причинили будто бы намъ огромныя потери, въ чемъ усомнится, конечно, всякій, кто только знаетъ положеніе горы Св. Сергія, на которой были наши укрѣпленія и у подошвы которой раскинута Рагуза съ своими двумя предмѣстьями.

Ночью 18 Іюня войска наши, въ числѣ 900 человекъ, высадились на островъ Крому, находящійся супротивъ города и въ недалекомъ отъ него разстояніи, и съ разсвѣтомъ пошли на приступъ траншей, построенныхъ на немъ Французами.

Силы непріятеля были втрое слабѣ нашихъ; но вскорѣ подоспѣло къ нимъ подкрѣпленіе, высланное изъ города, въ числѣ 200 человекъ, и войска наши, не благопріятствуемыя положеніемъ, принуждены были отступить.

«Всю землю Республики,» говоритъ нашъ Рагузинецъ,» наводнилъ, подобно стремительному потоку, разный сбродъ людей, не менѣ дикихъ, какъ варварскихъ и безчеловѣчныхъ. Русскіе были во главѣ этой гнусной сволочи (*di quella infame ciurma*), состоявшей изъ Боккезовъ, Черногорцевъ, Православныхъ Морлаковъ, Турецкихъ подданныхъ и даже самихъ Турокъ, людей, привыкшихъ къ воровству, разбою, грабежу, убійствамъ и всякимъ злочинствамъ. Часть этого бича Божія расположилась на горѣ Св. Сергія и въ несчастныхъ окрестностяхъ Рагузы, другая же часть разсѣялась по всей Рагузской землѣ, начиная отъ Конавле (которое они за нѣсколько дней передъ тѣмъ опустошили) до города Стона, который, однако, остался невредимъ, благодаря храбрости Приморцевъ, заставившихъ непріятеля отступить до мѣста, называемаго Чепикуче, неподалеку отъ Слана. Вся остальная часть земли, сдѣлавшаяся жертвою этѣхъ варваровъ, была совершенно опустошена: частныя дома, монастыри и церкви были ими ограблены и сожжены. Все, что они могли только перевезти на лодкахъ, или на лошадяхъ, было ими похищено, а остальное, неудобное для перевозки, какъ, на пр., мебель, было предано мечу и огню. Они были столь падки къ желѣзу и всякому другому металлу, что отъ Конавле до Стона, по слѣ ихъ бѣгства, не нашлось во всей странѣ ни куска желѣза и ни одного колокола. Многихъ убили, а многихъ жестоко изму-

чили, чтобы дознаться, гдѣ скрыто золото и серебро. Тѣ немногіе, которые остались въ окрестностяхъ Рагузы, подражали примѣру первыхъ и даже превзошли ихъ въ страсти къ пожарамъ: отъ Св. Якова до Гружа было сожжено 230 домовъ.»⁷¹

По словамъ другаго Рагузинца, «въ одномъ Гружѣ, гдѣ были сожжены всѣ, находившіяся еще на верфи, суда, было нанесено Республикѣ убытку на полмилліона; но самая жалкая для Рагузинцевъ потеря, ничѣмъ не вознаградимая, была потеря библіотеки Бенедиктинцевъ, монастырь коихъ находился въ равстояніи одной мили отъ города: библіотека эта славилась богатымъ собраніемъ первопечатныхъ книгъ и рукописей. Въ предмѣстьѣ Пиле, въ Гружѣ и Рѣкѣ (Омблѣ) еще доселѣ видны развалины сожженныхъ нашими союзниками дворцевъ нобилей.

«Чтобы заставить этѣхъ несчастныхъ жителей указать мѣста, гдѣ скрыты сокровища,» говоритъ тотъ же Рагузинецъ, «варвары огрубали имъ члены, жгли лице и другія части тѣла горячимъ желѣзомъ и доходили даже до такого звѣрства, что сожигали живыхъ младенцевъ на глазахъ родителей.»

Самый предубѣжденный читатель не можетъ не замѣтить, что подобная картина жестокости нашихъ союзниковъ крайне преувеличена; что авторъ писалъ этѣ строки подъ вліяніемъ еще свѣжихъ воспоминаній о потеряхъ, вѣроятно, имъ самимъ понесенныхъ, при видѣ, можетъ быть, еще дымившихся развалинъ собственнаго его палаццо; тѣмъ не менѣе въ словахъ его есть доля правды: мнѣ самому случалось слышать отъ стариковъ, помнящихъ еще то время, о жадности къ добычѣ Черногорцевъ и другихъ нашихъ союзниковъ, которыхъ намъ было весьма трудно удерживать въ должныхъ границахъ. Нужно вспомнить, что, кромѣ желанія обогатиться, ими руководила еще другая мысль —

⁷¹ По официальнымъ даннымъ,⁷ на всей землѣ Рагузской Республики было сожжено Черногорцами 666 домовъ: въ предмѣстьѣ Пиле изъ 147 домовъ было сожжено 134, на Пюче изъ 82 — 9, въ окрестностяхъ Рагузы изъ 205 — 51, въ Жупѣ изъ 578 — 188, въ Ободѣ изъ 30 — 16, въ Конавле изъ 710 — 235, въ Сланѣ изъ 1000 — 30 и въ Стонѣ изъ 440 — 3. *Tavola statistica della città di Ragusa per l'anno 1807.*

месть за всѣ оскорбленія, претерпѣнныя ими, какъ Православными, въ продолженіи столькихъ вѣковъ отъ фанатиковъ-Католиковъ Рагузинцевъ. Кромѣ Черногорцевъ, Боккезовъ и Герцеговинцевъ, въ числѣ нашихъ союзниковъ были, какъ мною положительно дознано, и Конавляне, самые непокорные подданные Республики, еще не за долго передъ тѣмъ возстававшіе противъ притѣсненій своихъ помѣщиковъ и воспользовавшіеся несомнѣнно случаемъ отмстить имъ. Что не только не подстрекали, но, напротивъ, всячески удерживали наши военачальники не привыкшихъ къ порядку и послушанію союзниковъ нашихъ, доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующій рассказъ, мною слышанный отъ одного старика, еще помнящаго то время.

«Я былъ ребенкомъ,» говорилъ онъ мнѣ, «когда по всей странѣ разнесся слухъ о нападеніи Русскихъ и Черногорцевъ на Республику.... Всѣ въ страхъ и ужасъ, при приближеніи ихъ, зарывали въ землю все, что имѣли подрагоцѣннѣе, а сами искали спасенія въ стѣнахъ города. Отецъ мой, жившій рыболовствомъ, коимъ прокармливалъ огромное семейство, не хотѣлъ разстаться съ своимъ домомъ и съ своими сѣтями, единственнымъ его достояніемъ, купленнымъ имъ столькими трудами въ продолженіи всей его жизни. Итакъ мы ждали дома прибытія непріятелей. Не прошло много времени, и съ горь спустились Черногорцы и другіе ихъ союзники и начали грабить и жечь дома. Отецъ мой взялъ съ собою въ лодку все наше семейство, захватилъ сѣти и наловленную имъ въ этотъ день рыбу, и отправился на Русскій фрегатъ, стоявшій неподалеку въ Камамотскомъ заливѣ (дѣло было въ Рѣкѣ), просить командира сжалиться надъ несчастными жителями, едва добывающими себѣ хлѣбъ насущный рыболовствомъ, и воспретить Черногорцамъ жечь ихъ дома. Просьба моего отца была услышана, и командиръ фрегата немедленно же отправилъ роту солдатъ, съ приказаніемъ Черногорцамъ возвратиться къ своимъ мѣстамъ. Такимъ образомъ отецъ мой спасъ всю нашу страну (Рѣку) отъ разоренія.»⁷²

⁷² Въ рукоп. Франц. биб. N 2980 въ одномъ изъ примѣчаній къ элегии Карла Сальвадора, *Ancilla vel Massera Ragusana*, въ коей заключаются намеки на осаду Рагузы въ 1806 г. читаемъ слѣдующее: «Il modo col quale

Если заподлинно извѣстно, что наши военачальники удерживали по возможности нестройныя толпы нашихъ союзниковъ отъ всякаго рода злочинствъ, если, кромѣ того, допускается народами наиболѣе образованными истреблять во время войны все, что можетъ послужить въ пользу непріятеля, то мы не можемъ не уличить въ недобросовѣстности и недоброжелательствѣ къ намъ современнаго Рагузскаго поэта - аристократа (всѣ его стихотворенія пропитаны духомъ аристократизма времяъ Республики), Графа Медо Пуцича (Conte Orsato Pozza di Zagorje), впрочемъ, человѣка весьма почтеннаго и хорошаго патріота, изливаго накипѣвшую у него на душѣ злобу къ намъ, вѣроятно, за сожженіе нашими союзниками какого ни будь фамильнаго его палаца, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Tada udre Moškòv da ga čera
 Izemaljskom i pomorskom rukom.
 Sagna sobom čete Crnogorske,
 I zasjedne oko Dubrovnika,
 Divlji jastreb u golubje gnjezdo.
 Slabo štete učini Francuzu,
 Dok napokon pred njim ne uteče;
 Al našincim šteta bi golema,
 Kudgodj prodje Moškòvska vojnica,
 Čeljad goni, pali kuće, dere,
 Lomi, krade, šičar i pljen nosi...
 Izgorješe brodove u Gružu,
 Izgorješe gosposke polače,
 Izgorješe Konò vas i Pile
 Na puškomet od gradskijeh vrata,
 Izgorješe Ploče i Bosanku,
 Izgorješe Rieku, Brgat, Župu,
 Zaton, Šumet, Obod i Konavle,
 Te štogod im do ruke dopade,

si faceva la guerra in quell' epoca, determinò i Francesi a rappresentare, ed a dire, gesti per mezzo di Barca parlamentaria all'Amiraglio Russo Signiawin. Dopo tre giorni rispose, che lutti i disordini, contra de' quali si reclamava, erano commessi dai Montenegrini e dai Bocchesi.»

Bez inata, bez junačkog boja,
 Kradimice, počno, iz potaje,
 Pokle čeljad od straha uteče
 U planine, u grad, na otoke,
 Izgorješe... šičar odneseše...
 Pa za sve to, baš im prosto bilo....
 Čemu se je nadat od zvierenja.»⁷³

Но возвратимся къ прерванному нами разсказу объ осадѣ Рагузы.

6 Юля, около 6 часовъ вечера, прибыло въ Рагузу подкрѣпленіе изъ 3000 человекъ, подъ начальствомъ Генерала Молитора, и заняло всю землю Республики, очищенную нашими войсками. Успѣхъ предпріятія Молитора одни приписываютъ искусной его военной хитрости, говоря, будто бы онъ, раздѣливъ свои войска на три, или четыре, части, заставлялъ каждую изъ нихъ обходить по нѣскольку разъ Шуметь и Ильину Главицу и такимъ образомъ обманулъ нашихъ военачальниковъ, которымъ будто бы показалось, что Французовъ болѣе 20,000, каковой силѣ мы не были въ состояніи оказать сопротивленія, а по тому должны были поспѣшно обратиться въ бѣгство, оставивъ въ рукахъ непріятелей весь обозъ и артиллерію; другіе же приписы-

⁷³ Svijeta. Pjesne Meda Pucića. (U Karlovcu 1862), 38—39. Въ Русскомъ переводѣ этотъ отрывокъ гласитъ такъ: «Тогда ударилъ на него (Француза), съ цѣлю прогнать его, Москвитянинъ и съ суши, и съ моря. Собралъ толпы Черногорцевъ, засѣлъ около Дубровника, дикій ястребъ въ голубиное гнѣздо. Мало вреда причинилъ Французу, пока, наконецъ, не обратился предъ нимъ въ бѣгство; но наши потери были громадны. Куда бы ни шло Московское войско, людей разгоняетъ, сожигаетъ дома, бьетъ, ломаетъ, крадетъ, уноситъ добычу, уводитъ въ плѣнъ. Сожгли корабли въ Гружѣ, сожгли господскіе дворцы, сожгли весь каналъ (водопроводъ) и Шиле на пушечный выстрѣлъ отъ городскихъ воротъ, сожгли Плоче и Босанку, сожгли Рѣку, Бергать, Жупу, Затонъ, Шуметь, Ободъ и Конавле, и все, что имъ попадалось въ руки, безъ сопротивленія, безъ боя, по воровски, ночью, тайкомъ, пока народъ отъ страха убѣгаетъ въ горы, въ городъ, на острова, сожгли... добычу унесли... Да проститъ имъ Богъ за все это!... Чего можно надѣяться отъ звѣрей?»

вають внезапное очищеніе нашими войсками владѣній Респуб-блики чуду Св. Власія, покровителя Рагузы; настоящая же при-чина нашего отступленія была слѣдующая: За нѣсколько дней до того было получено изъ Петербурга приказаніе возвратить Бокку Австрійцамъ; узнавъ объ этомъ, союзники наши пали духомъ и большею частію разошлись по домамъ; оставшееся же войско наше было слишкомъ слабо (около 2,300 чел.), чтобы отважиться на какое либо предпріятіе противу города, хорошо укрѣпленнаго и имѣвшаго значительный гарнизонъ; когда же подоспѣло къ нему подкрѣпленіе, превышавшее наши силы, и за-шло намъ съ тылу, самымъ благоразумнымъ съ нашей стороны дѣломъ было оставить немедленно землю Республики и уда-литься въ Кастель-Ново, какъ это и было слѣдано.⁷⁴

Въ продолженіи двадцатидневной осады Рагузы, пало болѣе 2,000 человекъ, какъ Французовъ, такъ и Рагузинцевъ, и убыт-ку нанесено Республикѣ на 8,655,000 Франковъ.

По очищеніи нашими войсками Рагузскихъ владѣній, гар-низонъ Французскій былъ значительно усиленъ, такъ, что достигъ цифры 13,000 человекъ, которые были расположены какъ въ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Форты Св. Сергія, Жар-ковицы и Кромы были немедленно же укрѣплены. 2-го Августа прибылъ въ Рагузу Генераль Мармонъ, принявшій главное на-чальство надъ всѣми войсками, расположенными на землѣ Республики. Всякому извѣстенъ титуль Мармона — «Duc de Ra-guse»: титуль этотъ онъ получилъ за уничтоженіе Республики, что случилось 31 Генваря, 1808 года. Въ этотъ пріснопамятный для Рагузы день Мармонъ отправилъ въ Сенатъ своего Адъютанта съ такимъ лаконическимъ приказомъ: «Le Général en chef de l'ar-mée de Dalmatie ordonne ce que suit: Le gouvernement et le Sé-nat de Raguse sont dissous, etc, etc.» Гражданское управленіе стра-ною было ввѣрено Французскому Консулу Брюеру (Bruère). Со-ставленъ новый трибуналъ изъ лицъ, выбранныхъ самимъ Мар-мономъ: Николая Поццо (Пуцича), Якова Натали, Петра Стулли и Антонія Керса.

Такъ пала Рагузская Республика послѣ двѣнадцативѣковаго существованія, ознаменованнаго столько же полезными изобрѣтеніями, богатою литературою и обширною торговлею, сколько фанатизмомъ и вѣроломствомъ ея жителей, за коими донинѣ осталось прозвище «sette bandiere» (семь флаговъ). Предсказаніе Св. Франциска исполнилось: Республика пала единовременно съ утверженіемъ въ ней Православія, но пала жертвою своего вѣроломства и отъ руки своихъ единовѣрцевъ, у коихъ искала спасенія!

Эпоха Александра Благословеннаго оставила мало воспоминаній въ Рагузской литературѣ: я нашелъ только оду Аббата Бернарда Заманьи: «De virtute ac humanitate Alexandri Russiae Imperatoris»⁷⁵ и элегію Якшича, извѣстнаго Французскаго партизана и автора многихъ официальныхъ одъ: «Pro victoria, a Gallis parta captisque ac interfectis Moschis in obsidione et oppugnatione civitatis Pharae, vulgo Lesinae, in Dalmatia, die 2-da mensis Maji 1806.»⁷⁶

⁷⁵ Издана въ собраніи стихотвореній Б. Заманьи. Рагуза 1814. См. Прилож. XIX.

⁷⁶ Рукоп. Франц. библ. N 571. См. Прилож. XX.

Дополненіе къ стр. 61.

Что Конавляне не только участвовали во всѣхъ грабежахъ и злочинствахъ, произведенныхъ нашими союзниками, но даже руководили имъ, доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующій разсказъ одного изъ наиболѣе безпристрастныхъ нобилей Рагузы:

«При появленіи Черногорцевъ и Боккезовъ въ Конавлѣ, тамошніе жители немедленно поднялись цѣлою массою и присоединились къ нимъ, служа имъ проводниками и указывая на мѣста, гдѣ они могутъ наиболѣе поживиться. Одинъ изъ крестьянъ моего дѣда, по имени Малковичъ, окружилъ съ цѣлою толпою своихъ собратій домъ нашъ и первый началъ стрѣлять въ окна, приговаривая: «Посылаю тебѣ золотыя яблочки!»

«Малковичи доселѣ живутъ въ нашихъ помѣстьяхъ и, по примѣру своихъ предковъ, занимаются грабежемъ и разбоемъ въ сосѣднихъ Турецкихъ областяхъ, къ чему ихъ подстрекаетъ и побуждаетъ само Правительство.»

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Рагузская Нумизматика доселѣ еще мало изслѣдована. Первыя свѣдѣнія сообщилъ о ней, сколько мнѣ извѣстно, Quiclet съ своимъ Voyage à Constantinople par terre. Paris, 1664. Енгель (Geschichte des Freystaates Ragusa. Wien, 1807) описалъ нѣсколько монетъ Рагузскихъ, хранящихся въ Вѣнскомъ Минцкабинетѣ (стр. 342—344). Лучшія же свѣдѣнія объ этомъ предметѣ находятся въ сочиненіи Нейгебауера: Die Süd-Slaven und deren Länder. Leipzig, 1851, стр. 94, 97, гдѣ, между прочимъ, читатель найдетъ и сравнительную таблицу цѣнности Рагузскихъ монетъ. Здѣшній книгопродавецъ, Мартекини, объщаетъ, въ приготовляемомъ имъ къ печати изданіи, «Альбомъ Рагузы», помѣстить также изслѣдованіе о Рагузской Нумизматикѣ. Въ ожиданіи онаго, считаю не излишнимъ сообщить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, еще столь мало обработанномъ, свѣдѣнія, извлеченныя мною изъ двухъ рукописей здѣшней Францисканской бібліотеки, № 256 (Descriptio Ragusina MCCCCXL, извѣстнаго въ свое время Профессора De Diversis, стр. 84) и № 228 (Prolegomena in Sacram Metropolitim Ragusianam, edita a P. Cervia 1744, стр. 149—158).

Во время Де Диверзиса были въ употребленіи въ Рагузѣ слѣдующія монеты: grossus, серебряная монета, цѣнностію въ три Венеціанскихъ солда; medianus, также серебряная монета, цѣнностію въ половину предыдущей: обѣ съ изображеніемъ на одной сторонѣ Спасителя, а на другой Св. Власія, покровителя Рагузы; наконецъ употреблялась еще мѣдная монета follagus, съ изображеніемъ на одной сторонѣ человѣческой головы, а съ другой R., цѣнностію въ $\frac{1}{10}$ Венеціанскаго солда. Эти follagi, называвшіеся въ простомъ народѣ minza, начали выходить изъ употребленія во время Червы. Они назывались первоначально

oboli, и Рагузинцы начали их чеканить еще въ IX вѣкѣ, на что они получили право отъ Павлимира Белы, изображеніе коего находилось на одной сторонѣ монеты съ надписью: «Racusii Moneta», а на другой были представлены три башни съ городскими воротами, а кругомъ надпись: «Civitas Racusii». При увеличеніи торговыхъ сношеній и благосостоянія Республики, начали чеканить, въ началѣ XI вѣка, серебряную монету hyperperus, съ изображеніемъ съ одной стороны головы Спасителя съ надписью: «Jesus Christus», а съ другой головы Св. Власія съ надписью: «S. Vlasius Ragusii.» Въ 1272 г. гиперперъ равнялся 12 денаріямъ, въ XIV вѣкѣ цѣнность его нѣсколько уменьшилась. Въ этомъ вѣкѣ начали чеканить серебряные гроши (grossus), цѣнностію въ 30 оболевъ. Половинный грошь назывался mezanius, а тройной artilius, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Польскаго Короля Сигизмунда III, дозволившаго въ 1592 г. Республикѣ чеканить эту монету, а на другой изображены двѣ башни съ городскими воротами и двумя крестообразно сложенными ключами съ надписью: «Gros. Arg. Rip. Civi. Rige». До 1352 года былъ также въ употребленіи soldinus argenteus, равнявшійся цѣнностію медзанину. Въ началѣ XVIII вѣка стали чеканить ducatus aureus (золотой только по имени), цѣнностію въ 40 грошей, съ изображеніемъ съ одной стороны Св. Власія и надписью: «Auxiliis tuis a Deo,» а съ другой герба Республики съ надписью: «Ducatus Reipub. Ragusinae». Къ тому же времени относится начало чеканки скутата (scutatus), цѣнностію въ 36 грошей, и полускутата (medius scutatus) съ изображеніемъ на одной сторонѣ Христа и надписью: «Tuta salus, spes et praesidium», а на другой Св. Власія съ надписью: «Protector Reipubl. Ragusinae». Занѣсколько лѣтъ до 1744 года, когда Черва писалъ свое произведение, начали чеканить follari rettorali, цѣнностію въ 60 грошей, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Ректора Республики и надписью: «Rector Rei. «Racusin.», или же Св. Власія, а на другой гербъ Республики съ надписью: «Ducat., et sem. Reip. Rac». Золотыхъ монетъ Рагузинцы не чеканили, хотя получили на то право отъ Угорскихъ Королей.

Лучшія собранія Рагузскихъ монетъ находятся: у начальника здѣшняго округа, Г. Решетаря, книгопродавца Мартекини и Игу-

мена Францисканскаго монастыря О. Кузмича. Сіе послѣднее собраніе, которое рекомандую нашимъ нумизматамъ, продается за весьма сходную цѣну. Но единственно полное собраніе Дубровницкихъ монетъ и медалей принадлежать Г. Казначичу, въ коемъ, между прочимъ, есть и полталеръ Ректорскій, чрезвычайно рѣдкая монета; о немъ не упоминаетъ даже и Черва.

II.

1. Объ обращеніи въ Католицизмъ Стонскихъ жителей говорится въ рукописи № 229 слѣдующее: *

Cum illa terra antequam perveniret ad manus dominorum de Rhacasio fuerit subiecta Schismaticis et Patarenis per annos forse trecentos, nec erat mentio ibi de cultu Catholicae Fidei, immo calighieri et sacerdotes Rasiani ibi habitabant. Postmodum vero, Deo disponente, cum praedicti Domini Punctam illam occupassent sub certo tributo dando Regi Rasciae, vel Bano Bosnae, singulis annis mille perperos. Et insuper volentes Punctam illam conseruare et tenere contra potentiam Schismaticorum, et Haereticorum, fecerunt castra dua fortissima et perduxerunt murum magnum cum turribus ab uno castro usque aliud per unum milliare; in quibus aedificiis, et aliis necessitatibus expendiderunt circa centum uiginti millia ducatorum de camera communi. Et sub pacto tenendi ibi calughieros et sacerdotes praedictos, tamen, sicut Catholici, uti uolentes Fidem ibi Romanam plantauerunt, et propterea collocauerunt Fratres praedictos et locum eis construxerunt, qui Fratres, Dei gratia operante, populum illum conuerterunt et baptizauerunt, et usque modo conuertunt uenientes quotidie de terris Schismaticorum ad terram illam, et hoc pure propter Deum nullius lucri causa. Videtur eis praedictam curam illius populi dimittere non debere, iuxta consilium doctorum eis datum, donec per Apostolicam Sedem de populo illo aliud fuerit ordinatum, ad hanc autem conclusionem tenendam roborantur priuilegiis Apostolicis, de quibus infrascriptae clausulae sunt extractae....

2. Censo annuo, che si pagava ai Monaci Greci del Monte Santo.

* Правописаніе подлинниковъ, издаваемыхъ нынѣ мною, строго удержано вездѣ.

...Onde il Senato di Ragusa per ovviare a tanti scandali, zelantissimo, che nel suo dominio non vi sia altra religione, che la sola Cattolica Romana, in quest'anno (1347) trovò modo di licenziare da Stagno li Monaci Basiliiani, ed il loro Convento di S. Nicolò diedero alli Frati Minori di S. Francesco. Partiti li sudd-ti Monaci da Stagno si portarono ad abitare nel loro Convento di S. Michele in Gerusalemme.

Il censo di ipperperi 500, li quali per la sudd-a compra di Stagno il Senato di Ragusa pagava annualmente al Rè di Rassa, Steffano Dusan lo donò e cesse al Monasterio di S. Michele in Gerusalemme, ma tutti li Monaci di questo Convento morti di peste, il sudd-o annuo obbligo fù trasferito alli Monaci detti Svetogorci di Macedonia, delle due abbazie di S. Maria de 'Filandari e di S. Paolo; ed il sudd-o censo cominciò il Senato di Ragusa a pagare alli sudd-i Svetogorci di Macedonia nel 1465, come si ha dal libro de' Pregai di quest'anno. Per cautela poi di sudd-o obbligo delli Sig-ri di Ragusa alli Svetogorci di Macedonia, divisero un zecchino d'oro, la metà del quale li Sig-ri ritennero apresso di se; l'altra metà pure divisa in due parti, una diedero alli Monaci di S. Maria, altra a quelli di S. Paolo; talche ogni volta che vengono a ripetere il sudd-o censo, uniscono le sudd-e parti del zecchino e trovatolo vero, li ammettono alla riscossione; ma li Monaci prima di ricevere le sudd-i ipperperi 500 devono fare li seguenti regali: onze 24 di zaffrano alli Sig-ri del Min. Cons., onze 3 al Segretario, onze 16 alli Seg-ri Tesorieri, et una onza per cadauno, cioè, al Dragomano della lingua Slava, al Cap-o delle Ploce, al Cap-o delli rivieri, al custode delle Carceri (Kljucar). Più un piatto reale de' pignoli, altro di cerase e terzo di nocelle alli Sig-ri del Min. Cons., tre piatti simili alli Sig-ri Tesorieri, ed alli sudd-i Dragomano, Capitanj e Ključar, fanno parte di sudd-i tre frutti. Ayuti poi li sudd-i ipperperi 500 o P 150, fanno la ricevuta in questa forma:

Va ljeta od porodjenja Jezusa Kàrsta Blaženoga..... mieseca Lulja na.... Bože vo ime tvoje, da se zna kako pridjose Svetogorci od manastiera Hilendara Duhovnjakah..., a od Svetoga Pavla Duhovnjakah..., poslani od Svete Gore od starjih naših, i primismo svieću od Gospode Dubrovačke, dadoše dukatah P 150, koje čine cekinah

zlatnich... pisanich na posljedne vrieme, koji po nas pridju od Svete Gore, i to ostavismo vrieme na godišta od porodjenja Jezusa Kârsta..... na..... Lulja. I za vjerovanje ostavismo naše pečate, tako primismo više rečenu svieću od Gospode Dubrovačke.

Istoria e Privilegii dell'osservante Provincia di Ragusa.

3. Въ рукописи № 265 сохранились расписка въ полученіи Святогорцами «свѣчи одъ Господе Дубровачке» и письмо Игуменовъ Аѳонскої Горы Сенаторамъ Рагузскимъ, при отправленіи монаховъ за полученіемъ оной:

Ricevuta delli Monaci di Monte Ato di gr. 262 dan. 28 fatta alla Signoria di Ragusa e scritta in Serviano sotto li 21 Agoste 1768 st. v. (1 Sett. n. st.). Formola solita in ogni biennio.

Kgniga ucignena od Kalughjera od Svete Gore.

(LS)

(LS)

od Rosestva Hristova na 1768 Augusta 21.

Bosce, va ime tvoje, kako pridose Svetogorzi od Monastira Hilendara Partenie Jeromonah, i od Svetoga Pavla Vasilie Monah poslani od Svete gore od stari nasci, i primismo svjечju od Gospode Dubrovacke, i dadasce nam grosca 262 i 28 dinara, i slovam govorim grosca dvesti i sceset i dva, i dvadeseti i osam dinari. Pisasmo na posledne vrieme koi po nas pridu od Svete gore, i sa verovanje ostavismo nasce peciate tako da se sna, i to ostavismo od poroghjena Isussa Hrista na 1768 Meseza Augusta na 21, kako primismo urecenu svjечju od Gospode Dubrovacke.

NB. Passati gia tre anni vennero altri sul principio di Aprile 1772. Si noti, che tardando ancor per molti anni passato il biennio a venire li monaci non si dà loro di più delli soliti. gr. 262. 28. E dal di dell' ultimo pagamento si comincia a computare il biennio seguente; e ciò è qualche oscuramente indicano colle parole sottorigate (p. 24).

Formola della lettera, che scrivono gl' Igumeni di Monte Santo.

Detto Monte Ato nella Macedonia alla Signoria di Ragusa, quando mandano i Monaci per ricevere la solita elemosina.

Extra: Plemenitijm i mudrijm i svake cjasti dostoinijm visoko i slavnago Grada Dubrovnika obranomu Knesu, i vasom privedrim vlastelom.

Intus: Plem. i mudr. i sv. cjasti dost. visoko u slavnago i Bogohranimago Grada Dubrovnika obranomu Knesu, i vasom vlastelom smerno poklognegne.

Joge va Svete Gore Atona Zarska, i suasctena zarkva Manastier Hilendar vascia Bogomoglia, u suetoi Zarkvi Molabnizi Bosgii i vascego Gospostva, molimo Gospodina Boga, i Blascenu Gospu o vascemu mnogolitnomu scivotu i sdravgliu; i smiregnu slavnago i Bogohranimago vascego Grada. Sada Premilostivi Gospodo i vlasteli, scto vasce gospostvo posila sviechju Svetoj Gospi u Svetu Goru, da se pri toj svieci Gospodin Bog i Sveta Gospa sa Gospostvo, i sdravglie vasce, i sa vas ostali Grad molli, sctobi Bog i Blasgena Gospa mnoga litta u sgivotu i u sdravgliu mirno pridarsgiala i pokrilla od vragh vidimih i nevidimih, a naspacesce od slyh i lukavyh i Bogomerskich Esik. Togo radi poslahom do vascego svietlago Gospostva Bratta nascega.... da se pokloni vascemu plemenitomu Gospostvu, a vas kako je Sveta Gospa nastavilla i naucilla, da ego primite, i recenu sviechju poscgliete, kakoste i dosad; a mi vasako dolseni esmo Boga moliti, Svetu Gospu sa vasce sdravglie, i sa vas ostali slauni Grad, sctobi Bogh, i Blasgena Gospa mirno ucinilla na mnoga litta vascego Gospostva. Amin.

U Svetoj Gori Atona....

Smireni Ighumen Hilendarski №№. (p. 29).

III.

О преслѣдованіи Православныхъ въ Разузѣ и Католической пропaгандѣ Рагузинцевъ на Востокѣ говоритъ Черва въ своихъ «Prolegomena,» гл. XIX, стр. 193—196:

«A Photiano etiam schismate quanto abhorruerint Ragusini, ex veteribus monumentis habemus. Ipsi enim Slavo-Graecos Principes Bosniae, Russiae, Chelmii, ut ad Romana Sacra verte-

rentur saepius hortati sunt, nullumque lapidem non movere, ut a scismate discederent. Comparatos sibi agros Stagnensem, Maritimum, Canalitanum, a scismaticis olim hominibus habitatos, statim, ut suae ditioni accesserunt, repurgandos curarunt, lege lata et religiose ad haec tempora observata, ne in suae ditionis locis alia, quam Romana, sacra colantur, et nemo plane Ragusinus, nemo cliens, nemo popularis, aut subditus censeatur, nisi qui Catholicam Fidem Romano ritu observetur, et profiteatur. De iis etiam, cum se occasio dabit, non pauca commemorabimus.

...Non solum autem in omnibus ditionis suae locis Catholicam Religionem sanctam dictam custodiunt, sed etiam in Turcarum regionibus huic amplificandae, propagandae, servandae student Ragusini, quod quasi praecipuum laudis eorum monumentum, Lucae a Linda locupletissimi verbis referam; qui, de Ragusina agens Republica, haec habet:

(Descrizione universale del Mondo e delle Republ. p. 581).

«Tutto che paghi alla Porta del Turco all' anno 12 milla scudi d'oro, o sia soltanini con questo (la Repub. di Ragusa) si compra il poter trafficare per tutto il suo Impero con esenzione di gabelle di qualunque sorte liberi e franchi tutti li sudditi, di quella da tutti i pesi et aggravii (Bodini de Republ. lib. II, cap. 6 Hist.), a qualli sono soggetti i medesimi Turchi, e con esenzioni tali, ch' oltre che i Ragusei in tutti li stati dell' Imperio Ottomano godono tutte le franchigie, ne pagano alcun dazio, a loro i concesso mantenere le chiese, et in quelle celebrare i divini uffizii, e pubblicamente le messe, e far altri funzioni, con tutte quelle solennità, come s' usa nel mezzo del Christianesimo, e non solamente nelle città, ma anco tra la milizia, e nel mezzo del campo, e degli eserciti, dove interviene il medesimo Principe Imperatore de' Turchi, è permesso agli Ambasciadori di Ragusa far celebrar le messe, e tutto ciò che appartiene al culto divino, secondo gli instituti del Christianesimo, e ciò s' è praticato in tempo, che Sultan Osman andò al invadere la Polonia dell' anno 1621, nel cui esercito trovandosi gli Ambasciadori della Rep. di Ragusa, nel mezzo del campo medesimo sotto i proprii padiglioni facevano dai loro Capellani pu-

blicamente celebrare la messa, alla quale liberamente intervenivano tutti quelli Christiani, che sotto la loro protezione si trovavano nel detto campo. Sotto il patrocinio loro vivono in tutto il paese ed Imperio del Turco tutti quelli Christiani, che sono rimasti in Oriente, mantenendosi quelle poche reliquie del Christianesimo con infinito dispendio di quella Religiosissima Republica, nella purità della Fede Cattolica, protetti, favoriti e mantenuti della medesima, mantenendo in tutte le città più principali di detto Impero Ottomano diverse colonie di loro sudditi, li quali proteggono gli altri Christiani, ch' in quelle habitano con le loro famiglie, e col mantener le chiese, Capellani, Predicatori, et altri Ministri nel Ministero Evangelico e nel servizio di Dio, mantengono tant' anime di que' Christiani nel proposito della Santa Fede, spendendo denaro innumerabile ogn' anno.»

IV

Plam sieuerski toies Pieuagnie u hralu Mosckouskoga Velicjianstua, prikasano Prisivietlomu i Priusuisenomou Gospodinu Gospodinu Sauui Vladislauichiu, istoga Velicjianstua Suietniku, Slatne ostroghe vitesu, Knesu i Vlastelinu Slovinskomu, od Ignazzia Gradichia Dubrouvcianina Druscbe Jesussoue, litta Gospodinoua 1710. Pripisano na X Prosjizna Litta Gospodinoua 1730 u Rimu.

Piesan.

Posred mrasa, sniegha i ledla,

Sime gdiesu yiekouite,

Jasno goriet plam se gledla,

Pun suietlosti plemenite.

J samanse nagn podisce

Silla orúgia vittesckoga,

On sue pali, sue usgise,

Tià dò morra oceanskoga.

Pace ù mörri iace gori,
 I suu krepos mehma odkriua,
 Bog Nettuno gniegha duori,
 I blaghamu suà dariua.

Nebessamu sue maiuechie,
 A s' gliubavim ossobitom
 Sipgliu is krila cesti i srechie
 S'obilnostim ciudnouitom.

Neka suietlos ta gniegoua
 Jakne sunze s' gar' s' nebesi,
 Kopna sctoie, sctoie ploua,
 I prosuietli, i uresi.

Alli nije plam oghgnieni,
 Komu piesan huale snuje,
 Negh Mosckouski Zar hrabreni,
 Kise plamu prilikuje.

Oghgnia ù plamu sgestokoga
 Tako i Bog uiečni i prau
 Suega Puka Israelskoga
 Voieuodise uiernu obiaui.

Nije dake nepristoino
 Krunni suojoj, Slauni Zarre,
 Vilicianstua scto dostoino
 Bi Bosgiemu dneui ù stare.

Sad tue blagho sarze prosti
 Drobna ptiza s'tanke huoié,
 Ako uedroi tuoi suietlosti
 Is Dubraue piesan poie.

Prem biahu gniekieh lità
 Sui Gradoui i Darsgiaue,
 Bes obranne i bes scita
 Mosckouskieh krunà glaué.

Tim postase smechie i bune,
 Naudosti i neuierre,
 Suak hlepechi Zarske Krunne.
 Blagha dio dà proscdere.

I slobodan proch rasloghu
 Tascta ohollas ciemse goji,
 Seto nije dragho suietu i Boggu,
 Samosilno dà osuoij.

Pace sà istu smarsit Krunnu,
 I jedinstuo gnie prisueto,
 Motrit tajnu sujem nabunnu,
 Nekratise smiegnie kletu,

Neka slauna Mosckouia,
 I Gradoui gnie cestiti
 U troglaujeh mnosectuo smja
 Scgniom budese prituoriti.

Sedmoglaui smaj sarditi
 V Lernenskoj barre stasce,
 Kom se gliudska moch oprieti
 Ni junasctuo nesudiasce.

I prem iednu od tjech glauà.
 Guosdie britko dà ossiezasce,
 Gnie nà miesto ziela i sdraua
 Drugha toicias isuirasce.

Takò dà ona sua Darsgiaua
 Ziechia scteta huda smaja,
 Kè biasce mnogha slaua,
 Napunnise tughe i uaja.

Suakse iscte sahraniti,
 A od imagniasie i nestauglia
 Kopglia i striele kad braniti
 Niesu vriedne nicije, sdrauglia.

Udes alli nedopusti,
 Taki rasap dà se sgodi,
 I Darsgiaua dà opusti,
 Ka raskosce suake plodi.

Sato odredi dà gnie obranna,
 Bade vites primoghuchi,
 Koga suietá suaka strana
 Glasi diella pieuajuchi.

Doghié on, uighié i umori
 Oghgnienome strielom smaja,
 Timse miesto sue prituari
 U raskosce mirna Raja.

Sad skup harni ù uessegliu
 Lernenskich sujech diklizà,
 Suom prinossech Branittegliu
 Vienze od Rusà i ruscizà.

Medniem glasom sapieuasce,
 Velech tuesmo robignize,
 Tisi dobro suako nasce,
 Mi dobitak tué desnize.

Dokle suietlos budde siatti,
 K' morru barse techi rike,
 Glasichiemo i pieuati
 Tue krepostj, slaue i dike.

Dobitniksi mnokrat bjo,
 I ciudnaje tuoia srechia,
 Alli ersi pridobio
 Smaja, ciasce tua naiuechia.

Dostoinoje tuoia kripas
 Nad oblazim stollovati,
 Nek suncianu suietla lipos
 Nà celluti bude siatti.

Puk je tebbi nasc sapiso
 Innokupno vasie drusgbu,
 Jesik, piesan, pamet, miso,
 Sarze, gliubau, uierru i slusgbu.

Tako usdarie dikle isbrane,
 Dobrocinzu poklonisce,
 A Lernenske gorre i strane,
 Isto glasech sue samniscè.

Nù sc tò jesik harnieh vilà
 Istomaccit nedoticè,
 To ù mùku, dragha i milla,
 Sarcianomu, duscia recchè.

Hrabrenij uele uechie
 Moskouskije Zar i ukasà,
 Kad domachie smaknù smechie,
 Ne alli tughia bez porasa.

Nu er pakglieni Kragl nemili
 Htjasche ù Moscki ciaschien bitti,
 I gniegouoi hudoì silli
 Sue Mosckousko podlosgiti.

Veliaoga is jesera
 Vas na pieghe zarne i bliede,
 Karzatijeda i cemera,
 Od cto glaua Smai iside.

Dà potlacci, dà raskine
 Krunnu Zarstua Mosckouskoga,
 Imme slauno dà poghine
 Zarra i Kraglia istocnoga.

Alli pottom gniega upasi
 Zarske Krunne vlas hrabrena,
 Nagnje sunnu ter porasi
 Tai cjas Smaja stoglauena.

Taka krepos i mochi taka
 Nesaciuje vik na suiti,
 A ni slicna, ni iednaka
 Vitaseche sunze odkritti.

Samoje dika iedinoga
 To poroda, triebaje rieti,
 Komu pleme Zarsko podà
 Zarretuti na sem suieti.

Pristoinoje s' gar s' nebesà
 Dañu suiesde cello okrunne,
 Nek uiecnoga sred ureša
 Slaue usgiua sue podpunne.

Nepriategl tad pakglieni
 Gliudskjeh usrok parui scetè,
 Koga muccè plami oghgnieni
 Od pocetka parujeh lieta.

Videch saman da biiasce
 Suescto smotri i osnouà,
 Cim satarti Zarstuo mniasce
 Tughe puscke bez ollouà.

Pace videch porasgentu
 Neman od stò rukà,
 I vlas Zarsku potuarghienu,
 Jak uboden Binò mùkà.

Sàto ù gnieuo oghgniem pahà,
 I slobega uartgnia mori,
 Glauom tresse, uje i maha,
 I rasargbom trieska, gori.

Scripoglie subim, nogam lupa,
 Netarpgliua karzat ijeda,
 Glasom garmi, oko slupà,
 Pars sagnja, usni ujeda.

Sàtjem nà sbor sarde soue,
 I nemani naigardje,
 Gnimmu suoie misli noue
 Dà obiaui i odkrije.

Vitorogha is pod cella
 Naiprje pogled gardo isbeci,
 Pak ko strascian tries i striela
 U ouake prasnù riecic:

Pored Moscke suietla grada,
 Stò ki biahmo usadili,
 S' prieke sgodde etto sada
 Rusgnosmoga isgubili.

I tarpieti taku sctettu
 Vlas pakgliena dase prighne,
 I dà tescku nà osuettu
 Suoju sillu nepodighne?

Prikor tòbi nienouiti
 Bjò nasce oholasti,
 Vriedan sà sue ponasiti
 Netakmiece nasce ciasti.

Sam Mosckouski Zar dà smije
 Opriecitse nascioi mochi,
 I dà zieni, dà umje
 Suemu Paklu uarha dochi.

Dopustiti to nikako
 Nejmamo, drusgò milla,
 Satart ima ter suakako
 Moscko smiegnie nascia silla.

Verni sàto moioi Krunni
 Nà uboistua sprauitese,
 Ter mà uoglia da se ispunni,
 Bes karsmagnia potescetese.

Suaki od vas suescto gorre
 Mosge, i hughie misli, i tuori,
 Morre sgesci, uaglia gorre,
 Karsci, pali, topi, orri.

Netrebuje dà ù diglie
 Besieda se mà prostira,
 Suaki od uas leti udiglie,
 Gdi ga soue ciàs i uirra.

Tisifone i Megera
 Tad i aletò sarde klete,
 Koji od iutra dò uecera
 Umarliem motre scetete.

Netarpechia punne i jeda,
 Gdi se sbucia uasaj Pako,
 Garda stassa i pogleda,
 Besciditi stasce ouakò.

Netrebuje silla mnogha,
 Strascni Kragliu i moghuchi,
 Zarstua suega Mosckouskoga
 Kako chiesse Krunna stuchi.

Oghagn Suecki, Turska sabglia
 I Tatarska scgnima striela,
 Lasno tuardoj Moscki ugrabglia,
 Nascioi vlasti scto ie otela.

Kraglie Suecki uasda sprauan
 Sà sue nascje suiette sliedit,
 On je vites hrabren, stauan,
 Vriedan uasoi suiet ubiedit.

Gniegga chiemo najparuoga
 Sunnat s' voiskom dà hrabrenom
 Nà Zarra udrè Mosckouskoga,
 I sillom ga satrè oghgniennom.

Snamo da se gniegga boi
 Sasson, Pogliak, Niemaz uarli,
 I karuaui die ssu boij,
 Dà on parui tece i harli.

Alli neka Moscka prje
 I gnie Zarstuo bude sbieno,
 Mir, Otmansko scgnim koglieno
 Cinichiemo dà rashje.

Kad se uoiske stace take
 I nà samu od sujech strana,
 Ki chie sille bitti iake?
 Odoglietim kàli obranna?

Hitrieh sardà, misli opake,
 Kragl oholli, biesni i gardi,
 Lako mudre, uriedne i iake
 I pohuali, i potuardi.

Alli s' take hude odluke
 Pakglienoga sborra i viechia
 Doghie Paklu gorre muke
 Usrok, tescka i nesriechia.

S' viscgnie odluke praue i suete
 Pod nebbom se cesto sgaghia,
 Dà kò tughie motri sclette,
 Sebbi istomu slò poraghia.

Kako Sieuer plahi, kadà
 Priko mrasnjih leti gôrâ,
 Sue pred gniemu starmo padà,
 On put sebbi suad otuorà;

Vpretanu mi ako srette
 V dubraui iskru oghgnienu
 Vsmnasciaiu i gniom sclette
 Cini suhu i selenu.

Pace sillom vihra biesa
 Strahouiti oghagn narli
 Plame usdisce dò nebesà,
 I sue harra, scescè i parli.

Tako Suecki Kragl i mladi
 A pò suietu Pakglienomu
 Planù, hotiè dà dosadi
 Suemu Zarstuu Mosckouskomu.

Sprauglia on sà to prescno i sbira
 Vojsku suescto mosge uechiu,
 A pametim nerasbira,
 Kakuu mosge nachi srechiu.

Mni dà vojska ta gniegoua
 Toliko je vredna i iaka,
 Da chie safart mnosg gradouà,
 Mnosg vitesà i junakà.

Da gniegouoi nije sille
 Silla ka se mosge oprieti,
 Prem da bi se siedinile
 Vojske ki su sue na suieti.

S' takom glauom punnom biesà
 Vodi okrugnien voieuoda
 Voisku punnu poina uresa.
 Scto joi Suecka mlados podà.

Jur ù sarzu vihra iacci
 Suud slobodan skace i tece,
 Karcsi, uoglia, orri, tlacci
 I Mosckouske glaue siece.

Sarna i klupka dascede oghgniena
 Garme topoui, i strieskaju,
 Mosckouskaje karu rasliena,
 Sua prid gnime strena ostaju.

Josc sa uisce misli i zieni
 Da nije sille, néchie bitti,
 Da gniegoua kipa sienni
 Smietichiese oprieciti.

Gliudska naráu ù snù pasi,
 Chiuti, sluscia i bešiedi,
 Na uissine gofske uslasi,
 Na pristogliu Zarskom siedi.

Stupà, tarci, skace, leti,
 Slatko pieua, tanze uodi,
 Vika, soue, kàra, prieti,
 Sad je nà oghgnu, sad na uodi,

I sto innjeh stuari cini,
 Sa sue da se i nekrechie,
 Negh pociua ù tiscini,
 Kako dà nechuti ueschie.

Alli kad se san odili
 Suescto u gniemu dogodise,
 Sue nakasni dasu bili
 Gliudska dobro, suies stauise.

Sa miso nas uechkrat uarrà,
 S' oholastim sadrusgena,
 Dim onaje, viettar, parrà,
 Slika tascta i himbena.

Pouietarze pò kom leti,
 Ne samo orrò kragl od ptiza,
 Neghli ki se ni uidiati
 Moghu, komar i muscija.

Nù Kraglieuich Suecki i mladi
 S' vojskom prije negh doleti,
 Gdi gha obstriescè gliuti iaddj,
 Htie Lescku krunnu oteti.

Tim Augusta on ussilli
 Nà dom Chiackov da se urati,
 Nek Stanislau gnieghou milli
 Lesckom krunnom budde siatti.

Gniegga okrunni, er Pogliacke
 Sue darsgiaue stahu u smechi,
 Ni desnize bj junacke
 Vriedne oppriet se toj nesrechi.

Daje mnoga on se stauglia,
 Vlas gniegoua, moch i silla,
 Koia krunne disge i stauglia
 Pogliackoga ù sred krila.

Raste s' togga ù gniem uechia
 Smionos, obies i sloboda,
 Darsgi ù Moscki ista srechia
 Da ga ceka slaua i sgodda.

Alii naghie sue innako,
 Er nettomse s' Mosckom srette,
 Prem da se udri uarlo i iako,
 Neisbroine podnié scette.

Nù er tughu tughu raghia,
 I bolesiu naslieduje,
 Nà suietu se rietko sgaghia,
 Da se s' tughom napreduje.

Prem dà Suecki vitesoui
 I Kragl gnihou sarze imaju
 Vsaditse nà rat noui,
 I opprietse lauu i smaju.

Sarnu opet hughie i gorre,
 Mosckouskajh siecce silla,
 Porasceni suie se orrè,
 Rasruscena kò gomilla.

Tim bregoue nà sue strane
 A s' junasctua Mosckouskoga
 Sà isgled suietu ioscje hrane
 Sueckieh rukà, glauà i noghà.

Samouoghnos Kraglia mlada
 Bes obsira i suietnika
 Suak cias gorrè vojskom ulada,
 Er ju sretta sgodda prika.

Tako bjusci uechiekrati,
 Gardno, i ruscno rasbien bjo,
 V sctò mosge uechie usdati,
 Ki mu ostaje voiske djo?

Vssiglienje s' mallo drughà
 Sà moch glauu suu sahranit,
 Biesgiat ragnien i pun tughè
 Pod krilo se Tursko stauit.

I saman se Turska silla
 I Pogliacka sua satecè
 Na obrannu Kraglia milla,
 Ki se gnima smierno utecie.

Er Mosckouska mudra slaua
 Suiem se umje hitro oprieti,
 I Petroua Zarska glaua
 Suakoi silli odoglieti.

Ah neuogni Kraglieuichiu.
 Gdi su tuoie slaune odluke?
 Kad uegliase podlasgichiu
 Sue Mosckouske menni puke?

Dobra srechia, kà gniekadà
 V desnizi tuojoj stasce,
 Suegh uessella, blagha i mlada
 Od tebbe se nediegliasce.

Plam Mosckouski kad ugledà,
 Strah je obide, ter obrati
 Nà tragh stupaj suoi ureda,
 I uech s' tobom nehtiê stati.

Srechiu, uelim, mnoghu, s' koiom
 Cias i diku gniegda steccè,
 Sad s' pogardom ona tuojom
 Ostauti i uteccè.

Gorka boles tue neuoglie
 Ah kolika i kakua je,
 Ka ti sarze hidà i koglie,
 Tò Nesterou Bender snaje.

Gorrostasni gniegda gliudi
 Bjahu se iur pripeli,
 A s' orusciem ù posgiudi
 Nebbo Jouu da bi oteli.

Jednu sà to postauisce
 Varhu drughe oni gorrù
 Sà nebeske nà naiuisce
 Vspreti se strane goru.

Tadà Joue, Bog ueliki,
 Ziechia oholle smionosti,
 Kù smotrisce gliudi priki,
 Rasgnieuisse gliuto dosti.

Tere tako s' gar s' nebesa
 Hudo diello kad upasi,
 Prottiunike punne biesa
 Trieskouima sue porasi.

Kascech suietu isgled tadà
 Cim se oholli gluidsko smiegnie,
 Dà tolikò niscè padà,
 Koliko se uisce pegne.

Joue ill je ciudda ona
 V Sieueru ponnoujo,
 Illi se je Bogga ù Joua
 Zar Mosckouski prituorio?

Er nje bilo uik nà suiti
 Vlasti umarle tac hrabrene,
 Ka je moghla pridobiti
 Sille mnoghe siedigniene.

Zar Mosckouski sam on je,
 Nedobitna koga slaua
 Pridoliuat sille umje
 Okrugnienjch uechie glauà.

On krepostim desne suoie
 Sue Mosckouske uedre Zarre
 Nà daleko priteko ie,
 Rimske i slaune sue Cessare.

Gliudska mudros dake njedna
 I besieda snanne glaue
 Sadouoglit nije vriedna
 Dostoianstuu take slaue,

Slaue, koia ù suietlosti
 Sue ceteri strane suietà
 Slicna raiskoj cestitosti
 Nà sunciannom kollu oblieta.

Trubgliom tere plemenitom
 Suuda setò me sarze sgeli,
 A s' pohuallom pricestitom
 Bes pristanka glasi i ueli:

Sgiui, slauni Zarre, ù uieke,
 Sgiui, neka rastu uechie
 Tue kreposti priuelike
 I cestite tuoie srechie!

Nesterova sgiui littà,
 Suegh dobitnik, nigda ù uaju,
 Cini diella tue cestita,
 Da dotuscé Turskom smaju.

Neuiernike pali i siezi,
 Koj marse prauu istinu,
 Cin da suoie karui ù riezì
 Saduscese i poghinu.

Sgiui i cini, Hoggia kleti
 Dà s' munara uech neuika,
 Da sse oborre sui mecetti
 Karstianskoga protiunika.

Prauouiernu cias obrani,
 I gnin is rabstua oslobodi,
 Nek se uechma rasprostranni
 I krepostim tuom rasplodi.

Sgiui, srechian, cestit, slauan,
 O Mosckouski vedri Zarre,
 Bogh ie udielit tebbi sprauan,
 Viekoviečne ciasti i dare.

Nek nà suietu i ù Raju
 Slauno budesc stollouati,
 I blasgeni kô siuaju,
 Scgnima pored budesc siatti.

(Рукоп. Франц. Библ. N 13: Raslike Piesni, spieuane po rasliziem piesnizim,
 od godiscta 1600 do 1730, стр. 73 — 101.)

1687

V.

Pettar Alechssiouich.

allí ti petnes slamegniâ, diellâ i cesti Petra Paruoga, Zarra i Samodarsgza Russinskoga, spieugnie pò Stiepu Rusichiu, Popu Dubro-uackomu, godiscta 1717. Посвящено Петру Великому (107—114).

Pettar Aleksiouich.

Piesan sklopïena od samjeh slaunjeh slamegniââ po Bukuizî Slouinskoj.

Porod oda slauunjeh

Euuo vites cestiti

Tuarghia uspeta

Alannima suuda suiti

Resi isglede suojuh

Ah iasna kreposti

Liuvenni sujm isglede

Etto hrascesc tuoie diedde

Krunnisc sadosti

Suuko rasuchie

Istocna scibika

Osmanouichiaa s' vsda

Viscniega moch i dika

Ishuaglien ti po tebbi

Ciuchien pod nebbi.

H. —

Slamegnie paruo.

Nije slicnosti, nije sklada

Tako liepa, tako milla

V' narauí kà sue ulada,

I ka nasie porodila.

Kako je oni, koga suude
 Bog s' pocetka utemegli
 Meghiu diezom dà usbude,
 I gnihouiem rodittegli.

Ноч Mattere, Ozza hochiesc
 Chiud i krepos ugledati,
 Ceddejm pasi, priliepochiesc
 Suu gnich sliku tuj posnatti.

Er vitesi vitesoue
 Satuaraju samo i plode,
 Prihrabrene ter orloue
 Vik golubi ne isuode.

Ah ci kogniu, ah ci lauu
 Occinose sarze uidi,
 Illi pasisc gnih sabauu,
 Il sctò ù gnoj sgegria slidi.

Tim nije ciudda nijednoga
 Alehsiouich ako je sada
 Slaue stekò uarh suakoga,
 Koj gospodi i koj ulada.

On je vnuk pricestiti
 Starjeh Zarràa, koi uladasce,
 Narod oni glasouiti,
 Ki suahoga dobiuasce.

Pri junascstuu od koiega
 Naiuarlje smienstuo padé,
 I sua iakos suieta onega
 Rascinise isnenade.

Ere nettom is Sieveru
 Jakno barsa mugnia istece
 Ju' cidan hip suudiera
 Vechi djo semglie obtcecè.

Nà glas gniegou sdarhtascese
 Sua kragleustua i darsgiaue,
 U suakoga strah ugliesè
 Skloniscese suacijè glaue.

Takò dà on meghiu innime,
 Cim pod sobbom krunne gledda,
 Od slaunoga stecè ime,
 I slauan se pripouieda.

Nije, nije strane, koia
 Nesamniua suud iedna gha,
 Suud se usnesc, sctò dostoià
 Gniekad Slaunjuh moch i snagha.

Gniekad, uelim, kap uidisce
 Sui umarli strah tekuchi,
 I rasuchiem suiedocisce
 Suojem gnihou màc goruchi.

Samieratte danas imà
 S'uspomenom od ouoga
 Meghiu innjem Vladaozima
 Sabglia Zarra Rossinskoga.

I moi Piesni sadostaje
 Napommenut i glasiti,
 Alehsiouich Petar da je
 Oda slaunjuh ròd cestiti.

Slamegnie 2.

Dok sunciane duokignize
 Pò nebbu se uidu siatti,
 Muce sueri, muce ptize,
 Sue se ù niemi mùk obrati.

Nemoi samo vietriz koj
 Gdie go dierse dà sabauì,
 Ter gnihouu liepos goj,
 I romonom kratkjem slauì.

Alli nettom suoie kollo
 Sunze obiavi is Istocci,
 Vkascese nebbo gollo
 Na suacie tadar occi.

A tò, ere, kè duore ga
 Sà gnim hodech suiesde mille,
 Gdie nije on siaju i od gniega
 Suietliti su naucille.

Meghiu drusghom rasdionom,
 Leti slauiz pò duorai,
 Gliuvenjem suem romonom.
 Da ga oglasi i proslai.

Vstaje suietlos, ghinne tminna,
 Slatò resi uarhe od gòrà,
 Noua rados sujem pocina,
 Vesseglie se nouo otuora.

A umarli podisgiuse
 Od snà dugha rasobrani,
 I ueselli satiecciuse
 Vsgiuati zdrak suncjani.

Tako slaunoga od naroda
 Dok vitesi, ki su ostalli,
 I gdi hochie ces i sgodda
 Sue junasctuo pokasali.

Na zdrak maò od kreposti
 Semglia oholla mucialaje;
 Nemoi, dà kà s' lakomosti
 Stranaih neкто hualilaje.

Nù Alehsiouich nettom sinù
 I s' sabgliome disce ù ruzi,
 Starjeh vitez glas isghinù,
 Slaùà ostà pri unuzi.

Boinik saupi i segnim suaka
 Mudra pamet ciuse riti:
 Ouo ie suietlos bes oblaka,
 Ouo vites pricestiti.

Suiet se usbučia, i ù slaui
 Samni uesseo suud okoli,
 Videch i jednoj ù darsgiaui,
 Gdi nie mochi, da mu odoli.

Pace i mnosctuo nebrieno
 K' samomu se gniemu obrati,
 I s' junasctua saneseno
 Poghiè pod gnim uoieuati.

Vstautese, piesni moie,
 Slauna Zarra trascit diku,
 Neisreceno ono scto ie,
 Nemosgese isriet uiku.

Dost je, dosti glas, scto ie pieuo,
 Dà budete kratko riti.
 Alexiouich Petar cuvo,
 Euvo vites sujem cestiti.

Slamegnie 3.

Mnosctuo puka, graghie usmnosgne,
 Sces kraglieustua, sces darsgiaua,
 Kè ti, ò Zarre, broje podlosgne
 Pod nebesim krepka slaua.

Niesu, ah niesu tuarghia uspeta,
 Koiu piesan mà klikuje,
 Kù nà occjeh suega suieta
 Ime tuoie biglieguje;

Er puk suaki pomagnkaua,
 Graghie oholle vrieme plieni,
 I kraglieustuo i darsgaua
 Jakno miesez sebbe mieni.

Tkagod hochie snatti, koia
 Tuarghia je ouo dragha i milla
 Kojom se je krunna tuoia
 Tako liepo sasctitila,

Nek nà sarze tuoiè pasi
 Nad innjem obgliublieno,
 Sarze, kè se plemstuom glasi,
 Sarze plemstuom sadoieno.

Ter sposnaiuch, dà nje pleme
 Nà pristogliu stollouati,
 Nehg ù dusci s' iedinieme
 Snagniem, blagos prauu immatti;

Blagos onu, ono snagnie,
 Kjem se dicitua scibika,
 Od koiega diello uagnie,
 Suud ukasà tuoia dika.

I ritichie pò raslogu,
 Da podloscna miesta tebbi
 Biusci tebbe stekla, mnogu
 I tuarsgiu su stekli sebbi.

Er ie ouo stuar naiuechia,
 Koju primi ciouek s' gara,
 Kù netruje boi ni srechia,
 Ni protiuono vrieme harra.

O Kraglieui, ò Gospodo,
 O Junazi glasouiti,
 Kojem je vicsgni podò
 Da budete gospoditi.

Pace i ui, ki ù dosciasta
 Vladachiete kadgod lieta,
 Puk ugodna uam 'usrasta
 Tià dò suarhe segaj suieta.

Suiesti ù uascoi usdarsgite
 Mé sadascgnie uspomenne,
 Rusku staunos dà slauite,
 Staunos, koia uik neuenne.

Neidde napried mè pieuagnie,
 Ouo mje dosta riti;
 Od otaisctua sue spoznagnie
 Saòchie vdes uasc odkritti.

Ciem ne samo Petar slauni,
 Negh Petrouo imme ù uike
 Slomitichie puk isdauni,
 I sue satart prottiunike.

Slamegnie 4.

Alannima zar ne suiti?
 Stanislauni ono nije?
 Sueckom krunnom ki se usctiti,
 I sue naghie poghibje.

Koj caissom suakjeme
 V sarzu se iadno stresa,
 S' branitegliom ter suoieme
 Ceka vdaraz tescka udesa.

Augusto njeli paka
 Ono usdignut, koj sadà
 Gospoduje uarh Pogliaka
 I scibikem kraglskom ulada?

Koj desnizom primoguchi
 Vicniose pod nebesi,
 I Lescinskoj suietloi kuchi
 Otte krunnu, kà ga resi?

Ah sue je ouo slauno dillo
 Slauna Petra, kom suudiera
 Pod noghe se priklonillo
 Sue moguisctuo od Sieuera.

I on usuiscen nad inime.

Jakno sunze uarh stuoregnia,
Od suietlosti daua suime
Sakon i duh od sgiuegnia.

Nù ù nacin takò mjo,

Dà i otrovni prottiunizi
Vsgiuaju imat dio
U gniegouoi uieanoi dizi.

Cim se dosta srečne glase,

I ù trudu pokoi praue,
Ustaiuchi s' suoie porase
Sred tue, ò Zarre, sgiuiet slaue.

Ah sgiuietchie, er prinieti

Sakon slauna od boinika
I dobiuen scgniega bitti
Slaua je sueghier priuelika.

Pace i ia, Kraglieuichiu,

Primoguchia tuoia dilla
Klikujuchi, slauan bichiu,
Taka je immena tuoga silla.

Alli sà sad piesan moia

Nechiu napried dà uech grede,
Doklin vrieme boglie ù suoia
Miesta dragha neuvede.

Slamegnie 5.

Ako je oko, kè uidilo

Dragh periui sklada ploda,
Komu krunna suechie millo
A uresaj bjo dan podà.

Gdino kasee slatka cina

Nacin raane od lieposti,
Sad s' bielochiom od cemina,
Dicne Ruse sad s' skladnosti.

To je slika poglavita,
 Od ke neima ghisdauije,
 Slika, uelim, pricestita
 Od sadagnie Mosckouije.

Kà diellima slauna dosti
 I kgniscnjem, i boinieme
 Viekouito stiecciuch ime
 Sarzalo ie vgliudnosti.

Nù sarzallo, ke pòd nebbi
 Vmarliem bi skrouno bilo,
 Vladannie ga kadar nebi
 Zarra Petra prosuietilo.

Ki ga onadar suiem obiaui,
 I uresi ko dostoia,
 Kad ù miesto sue postaui
 Nauk od kgnighaa i od boia.

Er dienje sabgliom kossi
 Ruka uladana od mudrosti;
 Slaua hualu lascgnie isnossi,
 S' lakjem perom od kreposti.

Vidielismo toi uidilli
 V' Garziech i ù Rimgliani,
 Koj sà sobbom glas isbrani
 Dò uieka su ostauilli.

Nigi sà drughe tac posnano,
 Tac usmnoseno gnihouo ime,
 Negh er s' sabgliom pero snanno
 Imali su nad innime.

Pace i od skora Kragl Franacki
 Tesiem putom huale suoie,
 A i iesik suoi semgliacki
 Pò suem suietu rasnioie.

Sascto, ah Bosge, nasci dieddi
 Oui nacin nedarsgiâsce,
 S' kéli hude gnimi sledi
 Kriuina se nauk broiâsce?

Koliko bi slaunij bili,
 Dà pisaoz megheu gnima
 Gnihoua su suiedocilli
 Pomniem pismom diella suima?

Nu setò uelim? Piesni moie
 Imallo je tako bitti.
 Pettar, Pettar parui imaje
 Suojh isglede uresiti.

Slamegnie 6.

Mislim, Zarre glasouiti,
 I primiscgliam suak cias uechie,
 Dragos liepu, sdrak cestiti
 Od kreposti tue parscechie,

I sanessen misli od plae
 Ciak k' dubini rasmiscgliagnia,
 Nahodim se tescke od strahe,
 Bes pokoja i bes snagnia.

V koliko sgegilia tece
 Harli, trudi i nastoj
 Rasabrati, setò ti stece,
 I setò plemstuo tue dostoj.

V isto dobba, kada suiesti
 Dohititi mochi nije
 Priuisoke take cesti,
 Cesti Viscgniem najmillje.

S' kjem se mudros uiekovita
 Od daunina sagliubila,
 I kè sebbi dugha u litta
 Poglauno je odredila.

Sà vmarljem obiauiti
 Moch pò gnima mnosc ciudesa,
 I scto ie uechie sà stuoriti
 Rai suoi milli uarh nebesà.

Danu ù suemu neposnagniu,
 I ù nemiru moja duscia
 Po skrounomu utiezagniu
 Gnieku draghu slados kuscia:

Pokli od tebbe satrauiena
 Cjem nastoj tebbe odkritti,
 Vidi dae sua uechia sgienna,
 Neghie mosge samisliti.

Vidi, ah orle od Sieuera
 Vidi sdrakko primilosna,
 Da triebuju tuoia pera,
 Tkò iscte jarnos tuu dà posna.

S' togga ù sebbi podniscena
 Klogniajuchse Zarstuu tuomu,
 I od gniegga sapagniena
 V nacinu gliuuenomu.

Sueghchie uappit sarza dragha,
 Suegh chiuchiegne suedociti,
 Suegh suakoga sred Rusagha
 Klikouati, bugariti.

Ah, iasna kreposti!
 Ah dobro me millo!
 Nebeska liposti?
 Nebesko suietillo?

S l a m e g n i e 7.

Cias ako je ù narau,
 Ako je dika nà suem suiti,
 Bit obgliubglien i s' gliubau
 Drusjeh umiet samamiti;

Koj nossi sdrak uresni,
 Koliko je dician sobbom,
 Tkò nà isuarsnos od gliuvesni
 Isniose suojm podobom?

Snam Lessandra uelikoga
 S' toga diella, s' te ossude
 Da e sadosti od suakoga
 Huaglien bjo suegh i suude.

Snam takodier i dobiti
 Ko e bes truda uechi djo
 Mesc Rimglianom glasouiti
 Parui Cessar ucinio;

Nù er dobba sred staroga
 Niesu oni gliudi imalli
 Jox isuarsnos snagnia onoga
 Danaske se koje huali;

I onda lasno bj kò szienim,
 U pocetzim od skladnosti
 S' blagjem diellom i gliuvenim
 Krunnu dobit od slaunosti.

Nà oceju od suakoga
 Tai chie samo rietse ù slai,
 Pri narodim suieta ouoga
 Tko sad isgled da e gliubai.

Sctò kako je istinito,
 Ako ugodno suakom budde,
 Zar Rossinski stanouito
 Bitchie huaglien suegh i suude.

V' sadascgnia er vremena
 Visce suake kraglieuine,
 Kù bogastuo huali i szienna,
 On je isgled od milline.

On draghostim odmetnike
 I sue uierne slatko ueste,
 Innostranze on raslike
 Sa šujeh stranà gniom pritesge.

I srechnosti moie odkrillo
 Pieuagnie se ù ouoi sgoddi,
 Kad da bi mu dano bilo
 Sue pò tanko isriet odi.

Nù er ustase s' bogliom cesti
 Skoro ù diglie oglasiti,
 Dobrouglnò sad chie odsiesti
 I mùkom se prikloniti.

Slamegnie 8.

Pomas hitra, stup, zklò, voda
 Kasgiu oblicia, kasgiu slike
 Nebrojenjeh od narodà,
 I cegliadi od raslike.

Nù kasagnie toi isdaua,
 I sà isprasno sud se broj,
 Jedno, er slika uierna i praua
 V' sred dusce samo stoj.

Gdju gledda suud i suieti
 Nelasgiui uid od tiela,
 Neghli oko od pameti;
 Negh uiecnoga suies od cella;

Drugo, er stvar, kà bi sgiua,
 I koje diella glas klikuje
 Himbeno se prikasgiua,
 Slikom, koja nediegliuje.

S' togha isuagnie sne prilike
 Od starazaa prósciasjtjeh,
 Koje martue suckolike
 Staju i uisse po duorjeh.

Prida mnoom su stuar isprauna
 I ueoma szjenne od malle,
 Mallo uriedna, mallo ciasna
 I dostoina njedne od huale.

Daj mi slikku dieddaa tuojuh,
 Kà gnihoua cini diella,
 Kà u cestih suietkounjeh
 Sarza e krepka, uedra cella.

Toi chie biti slikka praua
 I dostoina suake dike,
 Kù chie uresit krunna i slaua
 I usuisit pò sue uike.

Prem kako je usuisila
 Dostoinoga Peira sadà,
 Koj moghuchia sred suietlilla
 Russki narod s' ciastim ulada.

A tò ere suojuh diedà
 Plemenitoj ù odluzi
 V si, i nossi uporeda
 Smiegnie ù sarzu, sabgliu ù ruzi.

Ter kako oni dobba ù stara
 Biechiu suieta poghiblio,
 Tako i on prem sadara
 Sujem se strascian ucinio.

Toj suiedoce vitesoui,
 To slotuorni isti maci,
 To vladaozaa sui duoroui,
 A mà piesan netomacci.

Slamegnie 9.

Velicianstuu duha tuoga
 Stuar bi malla, Zarre, bila,
 Sred sgiuiegnia cestitoga
 Tujeh starjeh kasat dilla.

Kadà diellim nouieme
 Gnima nebi krunu ujo,
 I stò, siedisc nà kojeme
 Tuom draghostim uresia.

Er sa sue je liepa ù sebbi
 Krepos, nebi suietla bila,
 Kad ju suietla krunna nebi
 Drasiem zdrazim uresila.

Dànu Ruski Zarri ieda
 Niesu odprje krunnu immali?
 I niesulli punni skladda
 Plemenito dielloualli?

Dielloualli ah ah oni su
 Plemenito suegh i suude,
 Slaunu krunnu nosili su
 V' uedrinni sred rasblude.

Alli ti si, Petre slauni,
 Od gnihouve krunna krunne,
 Er ù tebbi sdrak poglauni
 Ja samieram slaue ispunne.

Jako su oni v' sebbi
 Slauni drughe bes napraue,
 V' istinnu riet je trebi,
 Da ssi slaua ti od slaue.

Slaua, koia daje uiku,
 Gnih trudima pomagnkalla,
 Gnihouu bi suukoriku
 Slauu tamnos pokriuala.

Prem kakòno kraglieuinu
 Persiansku prikrila je,
 I od Garkaà liepu szinnu
 Obratila ù nisco je.

Koij onadà poghinusce,
 I sabgliajm pucè ù ruzi,
 Kad vitesi samaknüsce
 I umri è plemstuo ù vnuzi.

Neiscti napried, piesan moia,
 Sà sad drugho pieuat nechie,
 Sgiui ugodua sred pokoia,
 Isti nechiesc ciutti uechie.

Slamengie 10.

Josc dà mùcim, diella glase,
 Dà ù Sieueru, ki se stuara
 Tries gorcije' sred porase
 Na naiblisçnie uarche udara.

I polace usuiscene
 Britkjem plamom cim rastuori,
 Naikrepcije sille krene,
 Naikrepcije sille obori.

Istinito setò ako je,
 Kako, ò Zarre, umuknuchie,
 I neuapit piesni moie,
 Dasi Suecko ti rasuchie?

Kraglieustuo ono suoju glauu
 Pod noghe je tue sklonillo,
 Kad se boju ù karuauu
 Od tue ruke pridobilo.

I suoe tescko guosdie odkada
 Pod tuom britkom sabliom pucè
 Ottisclo je sue nasada,
 I tamnostim slom se obuuce.

S' nemilla ti iaoh vdesa
 Pod Poltauom tuoi stiegh uighiè,
 I sred boina uz nebesa
 Nà sgestoko poglie isighiè.

Er vitese ne samo je
 Sue hualiegnie pogardilo,
 Negh gnih i scgnim lièpo suoie
 Boinicko ime isgubilo.

S' cessa i Kragl potom toga
 Vas isragnien obarnüse,
 Nà Ahmetta Otmanskoga,
 Ter obrannu sebbi usè.

Tescke obranne? Koje od smechie,
 Koga od iaddu nìje bila?
 Vechie ga je ismucilla,
 Nego boine sue nesrechie.

Ah! ne chiu ga, dike tuoie,
 Petre, kasciuch, spomignati,
 Sà pò putu piesni moie
 Is nouaga neragnati.

S l a m e g n i e 11.

Rusko sunze sini, sini
 V'uedrinah od Istoka;
 Dan dà suanne ù millini
 S' rumenilla tuoga oka.

Alli tko chie meni datti
 Prighisdaue tej lieposti,
 Dà usbudдем usgiuati
 I ia opchiene sred radosti?

Dà vnuca pricestita
 Tuoga sarza i imenna
 Vidim diella plemenita
 Od suakoga pohuagliena?

Ah stotine duije godina
 Scto mi dano nìje sguuii ti?
 I iosc malo? dragha cina
 Vidiobih sue nà suieti.

Sue, sue, uelim, uidiobich
 V' pokoju duha moga,
 Er dobiti usgiuibih
 Kraglieuichia Rossinskoga.

On odreghien nà stò slauni
 Kò nam suiesde, kò Sibilla,
 Kò Prorozi uele dauni
 Prostrietichie suoia krila?

I ù Sapadu Rimsko ime
 Cim nà suacje ghinne occi
 Vsletiechie prìd suoime
 Nà Cessarstuo od Istocci.

Vgledatchie suiet sue krunne
 Prid noghah mu sniscne stati,
 I s' slaunosti tac ispunne
 Suako mjesto samniuati.

Oue, ò Petre, danu nechie
 Cesti sà inno dopastiti,
 Tuoga Vnuka negho crechie
 Tuom se slauom posctapiti.

Er stupajm tuojem hode
 Tuoj um, tuoi suiet i tua dika
 Bitchie suake sred prigode
 Gniemu sakon i scibika.

Sà to piesan mà klikuje,
 Cim dò sadar gniegga glasi,
 I radosno spomigniuje,
 Dà scibika Istocna si.

Slamegnie 12.

O' vmarli pogledate
 Ne pieuagnia red od moga,
 Negh nacine domiscgliate
 Od uladagnia Otmanskoga.

Ter Istocna smaja huda
 Docim s' parua ui uidite
 V' ohollastì odasuuda
 Plame ismetat trieskouite.

I gdi jednjeh suom samieri
 Britkom truje, parli i strasci,
 A drusjeh ù potieri
 Jadno lomi, silno plasci.

Opetoga uidiusci
 Isnenade sausdana,
 Gdi sse iadno mùci ù dusci
 I sred suoga preda stana.

Sa mnome se sadrusceni
 Sgiua sarza uesselite,
 I Ruskoga srak gliuveni
 Sunza ù jedno proslauite.

Koij Istoku cim se obiaui,
 I od sebbe suarscè i suarnù,
 Starjem jaram dat neprauì,
 Kuchiu Otmansku tminna ogharnù;

Tminna, uelim, mièsezere
 Suncianomu pri suietillu,
 Jiedne sdrake uech nesterre,
 Negho bliedi ù martuillu.

Negh sà duorbu sobbom uodi
 Niemu pustosc, slò predagnie,
 Ko e poraghia i kè plodi
 Trud, iad, muku i skonciagnie.

Sultan Ahmet s' toga usroka
 Ne malahnu tughu prima,
 Er je ù obliciu stuar uisoka,
 A nisoko sarze ima.

I predajuch stat nà pogliu,
 Jedua skoro cias doceka,
 V' bielomu Drenopogliu
 Dà podpisce mir dò uieka.

Pace i danas sniscen toli
 Prid Cessarkjem stiegom tece,
 I nemosge dà odoli,
 Da se oprieci, ni dà utece!

Jeda viscgni blagh i mio
 Skoro bud te dopustiti,
 Dà tè, o Zarre pricestiti,
 Gniegov buddesc poghibio!

Neka, kò te uas suiet sadà
 Otmanskome usdom soue
 I piesan te moia rada
 Strenitegliom drasiem slaue.

Slamegnie 13.

Riec je stara, dà tkogodi
 Duh sgiuuchi ima ù sebbi,
 Priuiscgniega toj dohodi
 Dik, i moch bit pod nebi.

A tò er stuor se gniegou sudi,
 Soue, broj i klikuje,
 I ù dobba suako i suudi
 Diellajuchi gnim diellaje.

Nà patem se nù ako stau
 Meghiu innjem dà dicianje,
 Tkò diellima i narau
 Vechie Bosgioj prilicianje;

Rietichiemo istinito,
 Da e Viscgniega moch i dika,
 Tko Viscgniega ossobito
 Zielouita ies prilika.

Suaki ciouick ia snam, da se
 Boggu slician ima rieti,
 I dà s' toga nasiuase
 Od sujeh stvarj kragl nà suieti.

Nù mislechi nisctor magnie
 Scto ie Bog, sctoli paka gorgnie,
 Gniegouoie diellouagnie,
 I unutargnie naduorgnie.

V' istinu suekolike,
 Kadgod bismo gliudi obaseli,
 Zielouite Bosgje slike
 Veoma bismo rietke nascli;

Pace nijednu, kadgod bi nam
 Alehsiouich s' oka uteko,
 Ki nad innjem uspominam
 Primoghuchiuje slauu steko.

On sadara sam Russima
 Bosgiaustueni ciem kip kasce,
 Kraglieuichim meghiu innima
 Stollujuchi sia naidrasce.

Plemme ù duscì, moch ù ruzi,
 Sà uresaj suoj liep hrani,
 I podlosgni gniemu puzi
 S' gniehouieh su diella snanni.

Sàto i piesnim nepristauni
 Moiom uapi suak i uika:
 Sgiui, sgiui, Petre slauni,
 Ti si Bosgia môch i dika.

Slamegnie 14.

Millos s' praudom siediniti
 I stuccitjh u poredi,
 Munra blagos uciniti
 Sue dà ulada sapouiedi;

Dà tkò slusgi, gliubi ù szienni,
 Tkò dostoj usta occito,
 Dà moghuistuo usnosito
 Nossi sobhom plam gliuveni;

Priuidegnie barsa tieka
 Suproch biesti hitro isniti,
 Innostranne is daleka
 Britke mugne ugasifi;

I lasgiuoi protiu tusgbi
 Nepraednu proch ganuchiu,
 Sobhom imat nebbo ù drusgbi,
 I praednos suemoguchiu.

Sred Rossinske semglie draghe
 Scto riet imam? Odkle ishodi?
 Alli od suiesde kegod blaghe,
 Alli od suiesdi, kà gospodi?

Snam ù okolli sctò glas poie,
 Nù zar slauni rieti ne dà,
 Er od slaue uechi suoje,
 Iscto dà i gnoi sapouieda.

Nù i riecim iosc ako bi
 Suu slobodu dopustio.
 Od gniegoue slaue tko bi
 Viku isreko stoti djo?

Gniegoua se moch ù suiesti
 Sà gniechouich hualà iscte,
 Sà ù gniegouo moch isliesti
 Od vedrine siedaliscte.

Sàto, ò sniscne piesni moie
 Scto mosgete uech pod nebhi
 Isrieti mu? Samo ouo je,
 Da je ishuaglien sam pò sebhi.

Slamegnie 15.

Cujem, cujem is dalece
 Sgiamor Puka Rossinskoga,
 Gdi ù okoli suud obtiece,
 Nossech hualu Zarra suoga

Oni ueli: ouo je prauì
 Sin slaunjeh; oui opeta
 Klicce: ouo je nascia uspeta,
 Slaua i ottaz ù gliubauì.

Jedni glase: vik drasgega
 Nje vladaza suiet uidio,
 Pod bigliesim suoga stiega
 Dokle nasce usuisio.

A družim oglas cine,
 I uarh toga pristaugliaju,
 Sue dobiti, sue nacine,
 Scto stekosce i scto uffaju.

Odkud punno toj duoregnie
 V' cestiem besiedami
 Gliuvenoje ah chiuchiegnie,
 Er ie narau harna ù nammi.

Er ie harnos raslosgita,
 Gliuvesnime sgiue i dahne
 Is kolieuke iosc malahne
 V' gliudskomu sarzu upita.

I Alehsiouich glasouiti
 Sred uedrjeh cestitosti,
 Cim suoijeh gliubko scititi
 Od suoijeh je chiuchien dosti.

O visoki, slauni Zarre,
 Podlosgnjeh tebbi u broju
 Etto i ia grem sadare
 Poklonit ti gliubau moju.

Ah ne moi se rasarditi,
 Primi, primi sà ciàs mnoghu,
 I nauiechiu, kù na suieti
 Tebbi slicnu nachi moghu.

Er i Viscgni goru broj
 Pociastien se suoi ù dizi,
 Nahodechi slughe, koj
 Gniegoui su gliubounizi.

Viernoj sgegli sarza moga,
 Kà okko mechie nà tuu Krunnu;
 Velicianstuo Zarstua tuoga
 Isuarsnoschie dat ispunnu.

Tako i Viscgni Kral od nebi
 Vsdisge nas nà uisoko,
 Ni disgechi szienne sebbi,
 Ni paddajuch nâ nisoko.

Er gniegoue Bosgianstuene
 Sdrak gliubauì ciem istiece,
 Ne od stuari obgliubgliene,
 Negh od sebbe plemstuo stiece.

(Рукоп. Фран. библ. N 15, стр. 119—148.)

VI.

La felicità comune: Voto di Pietro il Grande,
 Czar del Russie.

Decasilabi.

Mesto, afflitto da fieri contrasti
 Il gran Volga suoi passi muovea
 E col volto scomposto scendea
 Alle genti dell'Asia terror.

Chioma incolta, ben folta la barba
 Congelata cuoprivagli il mento,
 E dell' alma l'interno tormento
 Più crudele faceasi a mostrar.

Di barbarie l'aspetto ferrigno
 Non sa bene se stesso occultar.

Le foreste coi campi vicini,
 Che a lui fanno gradita corona,
 Pel vigor che dal cuore sprigiona
 Gemon stretti da sua crudeltà.

Quali agnelle che vedono i figli
 Lucerati dall'unghia assassina,
 Farsi pasto di fame canina,
 Taccion prese da affanno e timor.

Troppo grave si è un barbaro orgoglio
 Per dar sfogo ad un giusto dolor.

Quando il Padre sovrano de' Numi
 Cui è dolce del mondo la cura
 Degli oppressi n'udi la sventura,
 E così suo stesso parlò.

E fia ver che d'un fasto brutale,
 Questa ancor ampia parte del mondo,
 Avvilta sia sempre dal pondo,
 Nè conosca se libera appien?

Non son queste le leggi divine,
 Da me impresse dell' uomo nel sen.

Ite tosto miei fidi compagni,
La bell' alma di Pietro erudite,
E di vostro favor riempite
Ogni colle, ogni bosco, ogni pian.

Questa sola fia degna a' consigli
Di mia mente sovrana e celeste,
Questa sola strappare le meste,
Alme opprese dal Volga crudel.

Agl', impulsi d' onore, s' enfiamma
Di virtude quel cuore fedel.

Tu potente gran Nume dell' armi,
Rendi ad esso soggette le genti:
Sia Fortuna cortese agli ardenti
Voti amici alla sorte dell' uom.

Sia d' Astrea la grand' opra sublime
Odio, sdegno, discordia maligna,
E d' averno ogni furia sangigna
Stretta in ceppi gelosa frenar.

Troppo all' ombra d' orgoglio tiranno
Baldanzose si videro andar.

Abbian Diana, Minerva ed Apollo,
Loro asilo di Pace nel grembo
E le caste mie figlie sul lembo
Del suo soglio s' assidano ognor.

Che le Parche ravvolgano lente
Di sua vita, lo stame reale,
Onde lungi dall' onda letale
L'aure goda, mia cura sarà.

Chi la sorte dell' uom ha nel seno
Tardi il regno di Pluto vedrà.

Voi miraste che quinci divisi
 Vi reggete del Pelago il freno,
 Voi pur foci arenose del Reno,
 Qual de' Numi la cura si fu.

Acque dolci del Meno, dell' Istro,
 Da stupor v' arrestate alle sponde,
 Poichè udiste, che in Pietro s' asconde
 Sorte amica d' afflitto mortal.

Virtù frutto di seme celesta
 Occultare se stessa non val.

Tu barbarie gelata del polo,
 Ti scuotesti all' arrivo di lui;
 Ma trovò tua perfidia in costui
 Degna pena, che infliger sa il Ciel.

Lo splendore d' illustri trionfi
 Te coperse d' eterno rossore;
 E di rabbia ripieno il tuo cuore
 Taciturno tornò d' onde uscì.

Ebbe sempre tal sorte funesta
 Contro il Cielo pugnare chi ardi,

Spaventose mandò dalle fauci
 Vo ci miste di rabbia, di sdegno,
 Il gran Volga, che senza ritegno
 Impetuose cuoprirono il suol.

Ma chi i raggi di sorte felice
 Ebbe scorti dal cielo discesi
 Rise; e i lacci, che fur da lui teti,
 Sciolse colmo di vero piacer.

Di barbarie l' aspel ferrigno
 Non può un cuore tranquillo veder.

VII.

Въ біографіи Антонія Натали Аллетти, Секретаря Рагузской Республики (Alcune notizie intorno ad Antonio Natali Alletti, Segr. della Rep. di Ragusa), заключаются слѣд. свѣдѣнія о разрывѣ Россіи съ Рагузою, послѣдовавшемъ въ 1774—75 г.

§ 15.... (Въ послѣдній день 1770 г.) Per lettera spedita dal Console di Livorno a tutta fretta si riseppe, che in quella città il Conte Alessio d'Orlov, Generale della marittima armata Russa, aveva dichiarato guerra alla nazione Ragusea, come nemica della sua Sovrana, e ciò il di.....

§ 16. Dopo la morte del Sassone Augusto, Rè di Polonia, seguita il di..... tutto quel regno al solito diviso in più partiti nel promuovere al Trono diversi pretendenti, e più del solito involto in gravissime dissensioni. Essendo in quel Regno d'ogni sorte d'Eretici e moltissimi in particolare seguaci dello Scismo Greco, questi tutti fecero lega fra di se prendendo il nome di Dissidenti, e colle armi alla mano, pretesero tutti li privilegi, ed impieghi dai qualli per motivo di religione erano da tempi antichi in vigore delle leggi, ricevute nelle solenni diete in perpetuo esclusi. A loro si unirono alcuni Signori Cattolici col pretesto, che la quiete della patria esigeva, che si rilasciasse con prudente temperamento in qualche parte il rigore di si sante costituzioni. Contro di essi si dichiararono e si misero in armi la massima parte della nobiltà Cattolica, capo de quali era il Palatino di Vilna il Principe di Carlo di Radzivil. Si venne ad attacchi sanguinosi fra le due armate, ma a lungo andare gli Eretici prevalsero, sostenuti dalle armi Moscovitiche, venute loro in ajuto. Non potendo sperare li Cattolici ajuto di veruna Potenza Cristiana, ricorso ebbero al Gran Turco, il quale accetto la loro difesa; e non volendo la Corte di Pietroburgo far ritirare le sue truppe dalla Polonia, con pubblico manifesto (cosa dai Turchi non prima usata), dichiarò guerra alla Moscovia, e fece entrare nella Polonia molte squadre di armati. L'Imperatrice della Russia accettò questa occasione per combattere il Turco non solo per terra, ma ancor per mare, perottenere altre diversi altri vantaggi il libero commercio sul mar Nero, cosa da un pezzo desiderata dai Moscoviti: come effettivamente

essendosi e per terra e per mare la vittoria dichiarata per i Russi. Le riuscì:

§ 17. Ordinò a tal fine essa Imperatrice, che una poderosa armata navale sciogliesse dalli suoi porti del Baltico, e venisse contro li Turchi sin nell' Arcipelago. Questa spedizione non mai per prima tentata, benchè venisse più volte nei fogli dei pubblici avisi regis, trata ed assicurata, non si volle credere a Ragusa da molti nobilii anzi si teneva come una milaneria della Corte di Pietroburgo. Anzi quando già le navi Russe certamente erano nel Mediterraneo, il g-u s-e Savino Pozza, teneva per favola questo fatto saputo da tutto il mondo, e quindi ne egli, ne il suo forte partito si dettero pena a considerare li danni, che da quest'armata potevano recarsi agl' interessi della Nazione Ragusea, e molto meno a prevenirli.

(Недостаеъ конца.)

VIII.

Composizione nelle vertenze tra la Republica di Ragusa e la Russia, segnata a Livorno dal Conte Orlov nel 1775.

Noi Alessio Conte d' Orlov, Plenipotenziario per S. Maestà Imperatrice Catterina Seconda, Sovrana di Tutte le Russie, Supremo Generale Comandante delle sue armate nel Mediterraneo, e di tutti i gli ordini Imp-li Cavaliere etc. etc. etc.

Ai spettabili ed egregj Rettore e Senatori della Illustre Republica di Ragusa facciamo noto, come avendo noi avuto giustissimi motivi nel decorso della passata guerra contro la Fulgida Porta Ottomana di trattare ostilmente i vostri sudditi commercianti nelled aequae del Mediterraneo, ed essendoci trovati autorizzati a far ciò per le chiare e manifeste regole del Gius delle Genti.

1. Perchè sin dall' anno 1769 anche avanti l'arrivo dell' invitta Flotta Imperiale nel Mediterraneo il vostro Console appresso la

Republica di Genova si fece lecito e permesso, contro ogni termine di ragione, di domandare ed ottenere da quel Governo il sequestro di una barca, comprata in quel porto da due semplici negozianti Russi, e da essi a proprie spese armata per propria difesa contro i Pirati Africani, e Voi specialmente ed espressamente richiesti non tanto del rilascio di detta barca, ingiustamente detenuta, e dell' in denizzazione di tutti gli interessi e spese dei Proprietarii Russi, quanto del castigo meritato dal Console per il suo atto ingiusto e violente, conservaste non ostante un' alto silenzio, non deste mai la minima sodisfazione, non notificaste a noi in alcun tempo il castigo, che meritava il sud-o Console, e così venne da voi tacitamente ratificato e confermato l' atto ingiusto, lesivo e violente, ed il vostro animo ostile contro gl'interessi della Vincitrice e trionfante nostra Augustissima Sovrana, della quale così vi meritaste il giusto resentimento.

2. Perchè giunti noi con la Flotta dell' Imp-le Maestà sua alle rive del regno di Morea, ed avendo preso diversi bastimenti Ragusei con tutto il loro carico all' occasione dell' assedio di Corone, e presa della città e castello di Navarino, ed avendo innoltre avuto sicuri riscontri, che non pochi marinari, sudditti vostri, si erano introdotti in Corone istesso, ed avevano avuto l'ardire di impiegarsi nel maneggio del artiglieria dei Turchi, nostri nemici; con tutto ciò essendoci piaciuto per un atto di moderazione di gettare un velo non solamente su la trasgressione del vostro Console a Genova, ma ancora su quella men sopportabile dei mentovati Marinari Ragusei, e di rilasciare liberamente i detti bastimenti, quantunque di buona presa, dopo però avere prima convenuto col vostro Console Generale in Morea, che egli medesimo in persona propria avrebbe fatto presente la nostra generosità alla vostra Republica e le avrebbe fatto accettare la perfetta neutralità, che noi generosamente in nome dell' Augusta nostra Sovrana le offrimmo nel decorso della guerra colla libera navigazione alla Bandiera Ragusea; non ostante non senza secrete ragioni d' animo ostile per parte vostra verso l' Invitta nazione Russa non avemmo mai la sodisfazione di sentire da voi accettata la vantaggiosa offerta neutralità, nè su questo fu data mai respota alcuna.

3. Perchè nelle acque di Napoli di Romania essendo attaccata la flotta Ottomana dal Contramiraglio Elfingston, al servizio dell' Au-

gusta nostra Sorvana, furono veduti due vascelli con bandiera Ragusea combattere in favore dei nostri nemici e contro le armi invitte della nostra nazione.

4. Perchè noi fummo accertati, che spontaneamente e di vostro proprio moto furono concessi ai Turchi Dolcignotti, nostri nemici, molti vascelli Ragusei, che furono poi distrutti nell' anno 1772 nelle acque di Patrasso, quantunque voi per coprire la vostra irregolare condotta diceste di essere stati costretti di cedere alla forza dei Turchi, i quali li richiedevano, ed ai quali erano stati rilasciati contro vostra roglia e per mera debolezza. So che quando anche fosse stato vero, era senza scusa alcuna il silenzio usato con noi giacchè nè della supposta violenza fattavi dai Turchi, nè dell' armamento grande, che si faceva da loro contro la flotta Russa, ci deste mai indizio alcuno, come arveste potuto agevolmente fare, senza incorrere nella disgrazia dei nostri nemici, se la vostra Republica avesse avuto per Sua Maestà Imperiale la dovuta venerazione et il meritato riguardo.

Per questa e per altre ragioni, che noi crediamo opportuno di tacere, essendosi da noi manifestamente scoperto l'animo ostile della vostra Republica contro le gloriose mire dell' Augusta Imperatrice di tutte le Russie, nostra Sovrana, e potendo noi riguardarla, come nostra nemica, e come parte ausiliaria dei nemici nostri, giacchè una nazione, che deve e può impedire le azioni dei suoi sottoposti e non lo fa, per gius delle genti, divenuta risponsabile delle azioni istesse, le quali da li in poi si reputano azioni pubbliche e non private, ed essendosi così meritata l' indignazione della nostra Augusta Sovrana, noi, come suo Plenipotenziario et ci credemmo autorizzati a trattarla da nemica, facendolo però con tutta quella moderazione, che si poteva conciliare, col decoro ed interesse della nostra Augusta Sovrana, e non dipartendosi mai da quella umanità e grandezza d'animo, che è stato il carattere costante, che l' Imperiale M-ta S. ha conservato in tutto il corso della passata guerra.

Ma avendo voi finalmente temute le ulteriori disgrazie, che poteva attirarsi la vostra poco misurata condotta, ed essendo in seguito ricorsi per mezzo dei vostri Ambasciatori avanti la M-tà J. implorando, perdono per le cose passate, ed aducendo della vostra condotta mille

scuse, le quale è piaciuto al suo Imp-le e generoso animo di accettare e di porre in oblivione tutte le cose passate nil decorso della sudd-ta guerra, ed avendo però colla sua familiare generosa clemenza, spedito a Noi dal suo sublimissimo Trono il Conte di Ragnina, Vostro Ministro Plenipotenziario, acciocchè a tenore delle sue Sovrane istruzioni vi spedissimo le necessarie lettere patenti concernenti l'oblivione e generale amnistia di tutte le cose sin qui passate, prevj però l'infrascritti patti e condizioni:

1-o. Che d' ora in poi in qualunque guerra, che potesse insorgere tra la Monarchia di tutte le Russie e qualunque altra Potenza, la vostra Republica conserverà sempre ed in ogni tempo una sincera e perfetta neutralità.

2-do. Che il Console Imp-le di tutte le Russie goderà in Ragusa e suo territorio tutte i diritti, onori, privilegi, esenzioni, et che godono i Consoli delle pui distinte Polenze d'Europa, nessuna ecce-tuata.

3-zo Che a d-to Console Imp-le sarà lecito e permesso di avere in casa propria una Capella, ove ed Egli e la sua Famiglia, e tutti sudditi di S. M. Imp-le potranno attendere al servizio Divino secondo il rito della nostra religione.

Pertan'o in vigore della nostra pl-nipotenza e dell' autorità concessaci dall' Imp-le M. S. e ferme stanti le condizioni e patti espressi di sopra, pronunziamo e dichiariamo abolite, dimenticate e ridotte a perfetta e totale amnistia tutte le cose passate sin qui tra l'invitta Nazione Russa e la vostra Republica, di modo che in futuro no se ne debba rinovare memoria alcuna, e concediamo nell' Augusto Name della nostra Sovrana, piena e libera navigazione a tutti i vascelli di bandiera Ragusea, i quali d' ora in poi saranno riguardati per la parte nostra, come vascelli di nazione amica, e potranno godere relativamente ai sudditi di S. M. Imp-le dei medesimi diritti, appunto dei quali godevano avanti il principio della guerra.

E per l'esecuzione di questa Imp-le terminazione, ed all' effetto, che la vostra Republica goda tranquillamente gli atti della sua Imp-le clemenza, abbiamo spedito gli ordini opportuni a tutti i Comandanti delle squadre. Capitani di nave e d'ogni altro vascello, et acciocchè

per l'avvenire non sia in verun conto molestata la bandiera Ragusea, in conformità degli ordini Sovrani.

In fede di che abbiamo sottoscritto le presenti di nostro proprio pugno e munite col sigillo delle nostre armi.

Dato a bordo della Fregata Imp-le Nadezda alla rada di Livorno questo di Giugno 1775 v. s.

Conte Alexy Orlov.

(L. S.)

IX.

Al Dilettissimo in Cristo Figliolo Nostro Pietro Leopoldo Arciduca d'Austria, Gran Duca di Toscana,

Clemente Papa XIV.

Dilettissimo in Cristo Figliolo Nostro salute ed Apostolica benedizione.

Ci è stato riferito, che la Republica di Ragusa si trova in gran pericoli per la guerra, che versa tra i Turchi e tra i Moscoviti, e che già i Comandanti Moscoviti hanno apportato alla med-a moltissimi danni, e che gli minacciano di inferire ancora danni molto maggiori. Loro forse si sono sdegnati, perchè sospettano, che dalla med-a sono stati ajutati i Turchi. Ma essa riconoscendosi di non aver aderito nè all' una, nè all' altra parte, sperava di dover godere la pace, siccome le altre Nazioni.

Essendogli poi all' improvviso stata fatta quella intima, così si è atterita e costernata, che crede di esser poco lontana dal precipizio, se non potrà con qualche mezzo di scuse e di preghiere placare li loro animi contro di se sdegnati. Spedisce perciò due Senatori, i quali quanto prima arriveranno costà e subito veranno da te Dilettissimo in Cristo figliolo Nostro, e a nome della Republica implo-

reranno alla loro causa il tuo ajuto, autorità e patrocinio. Loro sommamente confidano nella tua pietà e nella nota grandez delza tuo animo, e si persuadono, che dalla tua umanità e clemenza riceveranno in questo premurosissimo affare quel soccorso, che sempre nei loro bisogni hanno avuto dai tuoi augusti maggiori. Noice rtamente questa loro risoluzione di ricorrere da te così approviamo, che con tutto l'impegno abbiamo intrapreso di fare presso di te per loro, e parti nostre paterne nel comiserarli e raccomandarteli. A Noi parrebbe di mancar al nostro dovere, se indugiassimo di implorare con fiducia il tuo ajuto per liberare dall'eccidio e dalla strage quella Cattolica Nazione, verso la quale e dobbiamo essere, e siamo in fatti d'animo assai propenso. Gli potrai al certo facilmente giovare, se ponerai per loro qualche buon ufficio d'impegno e di raccomandazione presso il Comandante dell' armata Navale Russa, il quale si trova per svernare costì, et il quale se è molto obbligato, e se gli mostrerai di desiderarli salvi, ne' di giudicarli indegni di vivere quieti e tranquilli. Niente li può essere più opportuno e più desiderabile di questa dichiarazione della tua grazia e benignità; niente che o al certo sminuisca, o ancora totalmente tolga la gravezza del loro pericolo. Ma qual mezzo sia più adatto per conseguir ciò, tu con la tua saviezza più facilmente sul luogo lo conoscerai, quando dalle preghiere dei loro Inviati comprenderai lo stato di quella Republica, e che vorrai poi usare quel mezzo, ce lo persuade di certo l'animo tuo assai cognito. Quello adunque, a che si indurrà la clemenza e la grandezza dello stesso tuo animo, servirà al certo e per confirmare le opinioni di tutti della tua pietà et ad acrescer sommamente la tua gloria. Imperciocchè non si può esser cosa più gloriosa e regia di quello, che sostenere e sollevare coll' assistenza e con l' ajuto una Republica cotanto misera e afflitta. A noi certamente farai con questo cosa gratissima, e corrispondendo alla nostra fiducia, che abbiamo avuto di Te maravigliosamente controcambierai.....

(Недостаеъ конца.)

(Рукоп. Фран. библ. № 972.)

X.

Vent' una lettere autografe del P. Dionisio Reme-
delli, indirizzate alla Serenissima Republica di Ragusa.

La combinazione di due fatti accadutimi nel breve giro di una settimana, me mette in necessità di diriger questa mia ossequiosissima all' EE. VV. colla massima sollecitudine, vale a dire, con barca espressa da Fiume, se ivi altra non vi sarà pronta alla partenza; giacchè gli oggetti, de quali in essa si tratta, interessan molto, a mio parere, la quiete della Republica e contribuiscono assai alla scelta de mezzi, che L' EE. VV. vorranno ben presto metter in opera per sottrarsi dalle nuove a ragion temute vessazioni de Russi. Anticiperò la narrativa dei due fatti accadutimi, e quindi sotto porrò al Loro perspicassissimo discernimento le mie debolissime riflessioni.

Il pmo fatto si è, che alli 19 del cadinte io cercai l'Udienza dalle LL. MM. JJ., la quale mi fu prontamente accordata. La Maestà dell' Imperatrice Regina degnossi di ricever con contrasegni di benignissimo gradimento e la Lettera della Republica e li ringraziamenti che io. Le umiliai per le beneficenze ultimamente praticate colla Republica. Dopo varj discorsi volle S. M. sapere, se io ero per partir presto da Vienna: Non così presto, Sagra Maestà, risposi io: La mia Republica me trattiene in Vienna sin a tanto, che giunga a sapere qual termine avranno le differenze co' Russi, le quali si vanno ora componendo in Pisa fra il General Comandante Conte Orlov, e il Conte Ragnina, Inviato della Republica, potendosi dar il caso, che la mia Republica per il buon riuscimento di un affare per Essa troppo importante, si trovi in necessità di nuovamente implorare l' alto patrocino e la benignissima interposizione di V. M. Io non sono al caso, rispose Sua Maestà, di potermi ingerire in tal' affare, e molto meno d' interpormi presso il Conte Orlov. Il Gran Duca, mio Figlio, è bensì al caso; Egli è molto soddisfatto del Conte Orlov, e viceversa il Conte Orlov di Lui. Io scrissi già al mio Figlio a favor del Conte Ragnina e del di lui affare; e il mio Figlio in risposta mi dice di esser disposto a secondare le mie insinuazioni, e

mi racconta in oltre, che il Conte Ragnina è contento dell'Orlov, il che (proseguì a dirmi S. M.) è indizio, che il trattato del Ragnina coll' Orlov terminerà con soddisfazione della Republica; e in caso diverso la Republica non ha da far' altro, che dirigersi al Gran Duca, mio Figlio. Tale precisamente fu il discorso fattomi da S. M., a cui rinovai li più ossequiosi ringraziamenti, e dopo il bacio dell' Imp-le Destra mi ritiraj: e nel giorno dopo 20 dello spirante scrissi al Sig. Conte Ragnina, informandolo compendiosamente del discorso, fattomi S. M., affinchè Egli potesse prender norma vieppiù sicura nel maneggio dell' affare. Non mi parve allora necessario di trasmetter così presto anche all' EE. VV. il minuto dettaglio di si fatta udienza. Pensavo di far ciò dopo qualche settimana: ma il secondo fatto accaduto, mi fece ben presto mutar parere, ed eccomi al racconto di esso.

Ai 25 di questo mese io ricevetti una lettera del Sig. Conte Ragnina dei 13 dell' istesso cadente mese. Mi avvisa con essa della somma costernazione, in cui ritrovasi, perchè non se gli mantenevan in Pisa le cose stategli promesse in Petersburg, e perchè il Conte Orlov pretendeva, che la Republica accettasse un Console Russo ed accordasse una Chiesa per uso dei Greci scismatici: li quali due articoli a tutto potere dovean evitarsi, perchè al parer di Lui, nel giro di pochissimi anni avrebbero ridotto la Republica all' ultimo estermio. Mi soggiunge di aver con un corrier espresso sera di ciò consapevole la Republica e di averle suggerito di ricorrer all' Imperatrice Regina, e di pregarla, voglià scriver una lettera alla Republica per dissuaderla dall' accordare la Chiesa ai Grecci sotto pena di rimaner priva dall' Imp-le sua protezione. E che si fatta lettera di S. M. basterebbe per far desister il Conte Orlov da tal pretensione, che in oltre per conseguir tal Lettera da S. M. aveva di nuovo suggerito alla Republica di conferir l' Agenzia al Sig. Ab-e d' Ayala, il quale col mezzo de suoi gran Protettori avrebbe agito con impegno presso la Sovrana a favor della Republica. E che in fine di tutto, ciò Egli mi preveniva, affinchè io qui in Vienna principiassi le pratiche opportune per disporre le cose a dovere.

Io non starò a combinar li due fatti sin qui esposti, nè a conciliar qualche apparente sontragizione, che vi è tra essi. Li primi abbordi, che devonsi suporre fra il Conte Ragnina e il Conte Orlov,

potrebbero conciliar benissimo tale apparente contradizione. Dirò dunque solo, che avendo io le più convincenti riprove dell' abilità singolare e del discernimento del Sig. Conte Ragnina, sono persuasissimo, che se Egli fosse stato consapevole del discorso a me fatto da S. M., avrebbe egli al certo suggerito all' EE. VV., tutt' altro fuorchè quello, che effettivamente Le ha suggerito. Dopo che la Maestà dell' Imperatrice Regina, si è meco apertamente dichiarata, e cosa troppo chiara, che nel solo Gran Duca di Toscana potrà la Repubblica ritrovare il più pronto, il più opportuno ed il più efficace sostegno nell' affar premuroso di cui si tratta. E per conseguenza pare, che a quel Real Sovrano solamente possa e debba rivolgersi la Repubblica con lettere supplichevoli, ed il Conte Ragnina co suoi maneggi. E il pretender d' indurre S. M. a frammischiarsi in questo affare, sarebbe, a mio parere, un voler perder tempo inutilmente, e un dilungar l' affare, con pericolo di nulla ottenere, o di non trovar più in Pisa i Russi co' quali poter trattare, dovendo forse essi retroceder verso il Baltico, e di ritrovarsi in fine nella dura necessità di far nuora spedizione a Pettersburg.

Con sottoporre al purgatissimo discernimento dell' EE. VV. tali miei debolissime riflessioni, io vengo ad evitare un giusto rimprovero, che potrebbe essermi fatto di aver taciuto in tempo, in cui mi correva l' obbligo di parlare. Il partito, a cui si appiglieranno l' EE. VV. quello sarà l' ottimo presso di me, ed un sol cenno, che mi giunga da parte loro, mi determinerà ad agire o a rimaner nell' inazione, a tratener mi in Vienna, o a partire, ad eseguir in somma i Loro riveriti comandi coeremente a que' sentimenti, che mi diedi l' onore di significarle coll' ultima mia dei 18 dello spirante. Con che pieno di ossequio profondamente me Le inchino.»

«Con staffetta sino a Fiume e di là con barcae spressa se altra ivi non vi sarà pronta alla partenza ricoreranno l' EE. LL. la presente mia ossequiosissima, in cui vengo a darle un minuto conto del risultato de miei maneggi presso la Maestà dell' Imp-ce Regina sull' importante affare, di cui L' EE. V.V. si degnarono d' incaricarmi.

Alli 28 Aprile avendo replicate le diligenze mi riesci di abboccarmi col Sig. Pr. di Kaunitz, e di rappresentargli tutto l' affare, esposto in un Promemoria, di cui gliene accludo la copia. La di

lui risposta fù, avrebbe date le opportune istruzioni al Sig. Br. di Binder, e che io me la intendessi col medesimo. Portatomi dunque nel giorno dopo dal Sig. Barone, nella lunga sessione, che teuni con lui, convenne Egli della necessità, che io aveva di ricorrer al Trono di S. M. per implorar alcun soccorso a favore della Repubblica. Mi consigliò però Egli a non chieder da S. M. verun soccorso Ministeriale, ma puramente personale di S. M. verun soccorso Ministeriale, ma puramente personale di S. M. diretto all' Augusto Figlio Gran Duca di Toscana, e ciò per non comprometter questa Corte con quella di Russia. A tali vedute e suggerimenti di S. E. avendo io addattato l' ultimo articolo del Promemoria, cercai tosto di esser insinuato presso S. M. per l' udienza. Questa mi fù fissata per il di 3 di Maggio. Vi andaj e fui accolto colla solita innata gentilezza e clemenza da S. M.

Con quanta maggior energia io potei rappresentar a S. M. il contenuto nel Promemoria, ed in risposta mi fù dalla S. M. fatto in sequente discorso: «Jo ero di già ben informata di quanto ella mi espone, perchè il mio Figlio Gran Duca di Toscana mi ha minutamente informato di tutto. Perchè io voglio bene alla Repubblica, compiangio le angustie, nelle quali si trova. Ho fatto quanto ho potuto a favor di essa. Pochi giorni addietro licenziandosi da elle per andar a Pisa il Principe Orlov, lo esortai a indurre il Fratello Generale a desister dalle molestie della povera Repubblica. Egli altiero con far due passi indietro Mi rispose pieno di serietà in pressenza dell' Ambasciadore Gallitzin: «Tutto è terminato, nulla vi è da aggiungere» (osservai, che con molta sorpresa mi raccontava ciò S. M. raccontandomi per ben due volte l' istesso racconto). Al Mio Figlio Gran Duca di Toscana scrissi già, perchè s' interponesse presso il General Orlov a favore della Repubblica. Egli di fatto vi si interpose non senza qualche profitto. Domani tornerò a scrivergli colla maggior efficacia, perchè replichi la più forte interposizione. Nulla di più Io posso fare. Ella dunque scriva alla sua Repubblica, che si dirigga al Mio Figlio, e quel che Egli non potrà fare presso il Generale Orlov, nessun altro potrà farlo. Non altro suggerimento, ne' altro soccorso Io posso dare alla Repubblica, ma avvertirla solamente, che i Russi nel loro procedere sono in una perfetta intelligenza con i Veneziani. L'impedimento,

in fine, che i Russi potrebbero frapporre alla rivendicazione de miei diritti sulle Provincie confinanti, se riguardano da me con molta indifferenza, perchè Io non ho più nè la voglia, nè l'intenzione di rivendicare altri Stati, troppi son quelli, che ho di già rivendicati.

Questo è precisamente il discorso fattomi da S. M., e perchè fù frammischiato da varj sentimenti di commiserazione e di benevolenza verso la Republica, non tralasciai di tornar alla carica per indurre colle più umili preghiere la M. S., a qualche più significante passo in sollievo della Republica. Ma non fù possibile di smoverla dalli fin qui esposti sentimenti.

Grandissimo sarebbe stato il mio cordoglio in udire sì fatto discorso di S. M., se un a lettera del Sig. Conte di Ragnina dei 18 Aprile non mi avesse recato qualche alleviamento. Mi scrisse Egli, che dopoche S. A. R. il Gran Duca s' interpose presso il Generale Conte Orlov, S. E. principio ad esser assai più blanda ed a receder dalla pretensione della Chiesa Greca, ma che insisteva sulla pretensione di un Console in Ragusa. Io voglio sperare, che anche da tal pretensione Egli desisterà quallor S. A. R. a tenore delle nuove Materne insinuazioni interponga nuovi più efficaci uffizj presso S. E., e che in fine anche da questa grandissima burrasca nè sortirà illesa la Republica, ancorchi incomodata nelle gran spese. Al qual proposito non devo tralasciar di dire all' EE. VV. per atto di mia ingenuità etc.

Promemoria presentata dal P. Dionisio Remedelli a S. M. J. R. A. ai 3 Maggio 1775.

Umiliato al Trono della Sacra Cesarea Regia ed Apostolica Maestà Vostra F. Dionisio Remedelli Dominicano, Incaricato d' Affari per la Republica di Ragusa presso la M. V. riverentemente espone ritrovarsi la sua Republica minacciata di totale soversione, qualora essa venga costretta, ad accordare li due articoli proposti dal General Comandante Conte Orlov a name dell' Imperatrice delle Russie.

Nel primo di essi articoli pretende, che la Republica permetta ai Russi di costruire presso la città di Ragusa una chiesa per uso di Greci Scismatici, la quale dal tempo di Pietro il Grande in poi più volte richiesta, fu ad essi sempre negata, per che dalle leggi fon-

damentali della Republica viene esclusa dal territorio della Republica qualunque religione non Cattolica.

Nel secondo articolo pretende di collocare in Ragusa un Console, che protegga i Russi ed Greci esistenti, o che esister potranno nel territorio della Republica.

Si prevede infallibilmente, che l' esecuzione di tali due articoli porterà seco il totale estermínio della Republica. Mentre il commodo della chiesa Greca e la protezione del Console accordata ai Greci, attirera in pochissimi anni nello stato della Republica un grandissimo numero di famiglie Greche dalle provincie Ottomane confinanti e da Levante ancora, e si fatto grandissimo numero di Greci tosto diverrà padrone del territorio, nè le piccole forze della Republica saranno vevoli a domarli: ella quando anche i Greci si contenesero fra i limiti del dovere, il gran numero di essi comprometterebbe la Republica con i comandanti Turchi confinanti, i quali avezzi ad esercitare sopra i Greci venienti a Ragusa la loro naturale padronanza ed a considerarli come proprj sudditi, non potrebbero soffrir nemmeno per un sol giorno di riguardar li liberi e in si gran numero e baldanzosi sotto la protezione del loro Console; e molto più ancora li dispiacerebbe di vedersi privi di un danaro considerabile, che riscuoterebbero ogni anno dalla testatica imposizione, si essi Greci non fossero passati nello stato della Republica, e per conseguenza i Turchi stessi se la prenderebbero colla Republica o con imporle nuovi tributi, o col cercare la sua distruzione; e qualche è di più, sull' esempio della chiesa scismatica, sforzerebbero la Republica ad accordare ad essi ancora l' erezione della moschea, tante e tante volte cercata e ad essi sempre negata dalla Republica. L' erezione poi della moschea sarebbe equalmente un sicuro estermínio della Republica, ed in pochi anni lo stato di essa verrebbe ingombrato dai Scismatici e dai Maometani, attirati dalla religione e dalla situazione assai comoda per il commercio, ed i Cattolici, veri adoratori della Croce, resterebbero colla Republica oppressi ed annichilati.

Ben si accorge la Republica delle vaste idee, concepite dai Russi vittoriosi dalle loro pretensioni contenuti nelli sudditi due articoli. Cercano essi d' introdursi alla sordina nello stato della Republica per

ivi stabilire una forte colonia di Greci a loro divoti, i quali così vicini al Montenero col comodo dei porti della Republica e dei siti atti alla costruzione delle navi, potrebbero in occasione de una nuova guerra esser li di gran giovamento, per far le diversive a danni delle Provincie e dei stati vicini, siccome ultimamente procurarono di fare contro i Turchi per mezzo dei soli Montenegrini.

Questi ben fondati timori della Republica riguardano altres troppo da vicino gli interessi dell' Augustissima casa di V. M. e di suoi antichi diritti sopra i paesi confinanti, mentre volendoli una volta rivendicare potrebbe esser frastornata da Russi e dai Greci, annidati che essi fossero una volta sul territorio della Republica. Ed oltre a ciò se i Greci Scismatici sudditi de V. M., i quali sono in gran numero, erano cotanto affezionati ai Russi benché lontani, che molti di essi si sono espatriati per andare a stabilirsi nella Nuova Servia Russa, ed han deposto con tanto stento que' libri liturgici stampati in Russia, nei quali si contenevano precî pubbliche per la Zara, che da essi Greci sudditi di V. M. si recitavan senza esitanza, cosa non dovrà temersi da loro, quando vedessero annidati nei loro contorni i Russi, che non solo proteggano e fomentono, ma sieno anche pronti ad invitare ed a sostenere colla forza tutti coloro, che o professano o vogliono abbracciare il loro Rito e porsi sotto la loro dominazione?

La Republica di Ragusa riverente ed ossequiosa depone tutto ciò con altissima segretezza a piedi dell' Augusto Trono di V. M., per quel stretto obbligo di clientela, di cui si pregia, e per la piena confidenza, che ripone nella potentissima protezione di V. M. E nel tempo stesso soprofatta da giusti e forti timori della propria distruzione, implora dal clementissimo cuore della V. M. alcun forte riparo alla minacciatî sovversione.

Non ardisce la Republica di supplicare V. M. per un soccorso eseguito per le vie ministeriali. Spera essa Republica di ottener l'intento qualor la M. V., si compiaccia di dare un nuovo ed efficace impulso all' Augusto Figlio Gran Duca di Toscana, affinché S. A. R. continuando ed incalzando la benefica interposizione de buoni uffizj di già con somma degnazione principiati presso il Comandante Russo Conte Orlov a favore della giunta

in fine a persuaderlo a desister della pretensione contenuta ne sudditi due articoli, che al certo recherebbero alla Republica un irreparabil rovina.

Che della Grazia etc....

«Premessi li più ossequiosi miei rispetti all' E. E. V. V., devo renderle noto un passo da me fatto con questo Sig Ab-e Taruffi, Amministratore di questa Nunziatura. Avendomi Egli per ordine della sua Corte di Roma esibita l'opera sua a favore della Republica, siccome avisai già l' EE. VV. nella mia dei 14 Giugno, meglio chiarirmi di quanto io poteve contare sopra una tal esibizione, mi procurai col medesimo una lunga sessione, in cui Egli ebbe la bontà di mostrarmi la lettera originale dell' Em-mo Cardinale Segretario di Stato dei 20 Maggio, nella quale vi era il seguente sentimento, cioè: «Che premeva molto a SS., che nel territorio della Republica, non si introducesse il culto sacrilego di Ragusa, che per ciò lo incaricava di coadjuvare il ministro della Republica, che coll' ajuto della Corte di Vienna cercava d' impedire l' introduzione di esso culto.» Indi mi rinovò l' offertà dell' opera sua in un tal' oggetto.

Presupposto un tal fatto, io credei opportuno di esporgli, due singolarmente esser stati i mezzi posti in opera dai Russi, ambedue tendenti l' uno direttamente, l' altro indirettamente all' introduzione del culto Scismatico nel territorio della Republica, il primo era la costruzione d'una Chiesa Scismatica, il secondo lo stabilimento di un Console Russo in Ragusa. Che alla Republica era riuscito già di scansare la costruzione della chiesa; ma non già il Consolato Russo, al di cui stabilimento la Republica ha dovuto infine acconsentire. Questo ultimo esser un oggetto, intorno a cui potrebbe Egli, Sig. Taruffi, dimostrare il suo favore verso la Republica con esimerla mediante gli uffizj di questa Corte dalla necessità, in cui trovavasi di ammetter un Console Russo.

A tal mia istanza rispose Egli di non poter adirire, e ciò per tre ragioni: 1-o, perchè l' Istruzione, che Egli aveva da Roma, si restringeva al solo culto sacrilego; 2-o, perchè rescirebbe pericolosa alla Republica l'esclusiva del Console dopo il consenso prestato di accettarlo; 3-o, perchè il più che Egli potesse chieder dalla Corte Aus-

triacca sarebbe che S. M. scrivesse perciò alla Zara di Moscovia, lo che non sarebbe possibile di ottenere da S. M. non troppo sodisfatta dalla Zara, alla quale alcuni mesi addietro aveva scritto S. M. lagnandosi delle vessazioni date ai Cattolici dai numerosi Scismatici della Polonia occupata da Russi; alla qual lettera de S. M. diede la Zara una risposta assai tarda, e non solamente poco sodisfacente, ma puittosto filosofica e tendente a persuadere S. M. ad esser tollerante in materia di Religione, la quale dipendeva dall' interna persuasiva di ciascuno. Dopo ciò S. M. non ha più scritto alla Zara; e non esser sperabile, che si lasci ora indurre a scriverle per favorir la Republica.

Non ostanti le tre allegate ragioni, mi soggiuse esso Sig. Ab-e Taruffi, che Egli al più nella prima Udienza, che avrà da S. M. Le esporrà solo in generale le premure del Santo Padre d' eccitare l' animo di S. M. a favorire la Republica nelle presenti sue contingenze co' Russi. Un simil favore della Cortedi Roma riuscirà in concludente per la Republica nelle presenti circostanze per esser giunto troppo tardi. Lo stesso favore poi io non ho saputo applicare ad altri oggetti, per non esser stato dall' EE. VV. nè prevenuto, nè istruito.

Il Sig. Inviato Ragnina colla sua dei 13 Giugno mi avisa, che ogni cosa è composta col Generalé Conte Orlov alla riserva della sola nazionalità del Console, la quale dentro una settimana sarebbe stata ancor' essa decisa. che con ciò si' troverà Egli all' intero compimento del suo trattato col Conte Orlov, e che per me sarebbe cessato il motivo di ulterior soggiorno in Vienna, la qual notizia allora solamente sarà per me consolante, quando avrò l' onore di riceverla dall' EE. VV. Vienna 1-e Luglio 1775.

XI.

Olbia sive Oczakouia a Russis capta die VII Decembris 1788.

Victa Boristheneas quae protegit Olbia ripas
Russiaca sensit robur et arma Deae.

Famaque confestim Bizanti ad moenia cursum

Torsit, et ignavo corda metu inficiens.
 Heu! fugite, inclamat: Tritonidos aemula magnae
 Instat, et Odrysias fulmine vertit opes.

Bern. Zamagna.

(Рукоп. Франц. библи. N 273.)

Сербскій переводъ этой оды найденъ мною въ рукописи N 598:

Padde Oczakov grad oholli,
 Ki Njepera kraje scititi,
 Er Russinske gniem odolli
 Stjegah Bosgize vjesc dobiti.
 Strieiovitjem glasse mahom
 Put Zarskoga grada obarnu,
 I uccini lednjem strahom
 Lovka sarza da protarnu.
 Bjescte, uppi, jur dostisge
 Palladina satocniza,
 Turske tvargje pali i usgisge
 Trjeskovita gne desniza.

Tomaccegne G-a Pierca Franatize Sorgo.

Sonetto alla Serenissima Republica di Ragusa nell' anno 1770, quando i Russi sano venuti nel Mediterraneo contro i Turchi, e in qualche porto dell' Adriatico.

O Tu, che siedi in riva al mar superba
 Alta Città, che di Ragusa il nome
 Porti, e di gloria antica ornì le chiome
 Sì, che il prisco valore in Te si serba.

Sono Troja e Cartago arena ed erba,
 E son l'altre Città povere e dome
 Dal tempo avaro ed dalle gravi somme,
 Di quel destin, che tutto a se riserba.

Mentre tutto arme è il Mondo,
 E il Dio di guerra
 Rota la spada sanguinosa intorno,
 E fa di sangue uman sazia la terra,

Tu stai fra pace, e fra ricchezze intanto
 Quieta e sicura nel tuo bel soggiorno
 A deplorar d'altre Cittadi il pianto.

Conte Stefano di Zannovich (di Budua).

Сербскіи переводъ этого Сонета находится въ рукописи 265, стран. 247—248:

Pisan u hvalu Dubrovnika.

Dubrovnice, slavni rodde
 Epidaura stolna grada,
 S' glasovitte tvoe gospode
 Od istoka do sapada,

I od poludne do sievera,
 Ki sjasc kako sunze al zora
 Bes sahoda i vecera,
 Stolujuchi pokraj morra.

Ghdje je Troja, ghdje Kartago,
 Febe, Sparta, Argo, Atene?
 Pusta semglie, mjesto nago,
 Jedva usdarsci uspomene!

Velicianstva tako plesa
 Vrime ohollo i u dno sbije,
 S' primochi silna udesa,
 Ki pod sunzem svaka svije!

Ciem u oghgnu scivem gorru
 Sve saj svjeta cactaer strane,
 Gradovi se s' tvaerghjam orru,
 Daersciavesu sakopane.

I bjesnoga bogga od ratti

Ciem svud kosić mac oghneni
Smradna kugga, suh glad pratti,
Smaert scivate svacie pljeni.

A ti, cestit Gradu slavni,

Sred bogastva slobod tvoju
Srechno uscivasc, i mir stavni
U tiscini, u pokoju.

Scjallujuchi tughja jadda

I prem gljuta cesti i skodda,
O Epidaura stolna grada
Dubrovnice slavni rodđa.

Conte Michele Spanich da Curzola.

XII.

Disposizioni contro i Greci Scismatici, prese dal Senato nel 1803 e 1804.

Sabato li 22 Gennaro 1803.

La prima parte è di mandare ora subito fuori dello Stato nostro il noto Prete Greco Scismatico, con che nè egli, nè alcun altro de' Preti Greci Scismatici posse tornare nello Stato nostro, e tornando, debbono esser mandati fuori dello Stato nostro. Per 15 C-o 11.

Ai 23 do.

Letta la sudd-a parte a Partenio Jovanović Monaco e a Nicodemio Jovanovic Prete.

La prima parte è di contentarsi, che due volte all' anno possa venire nello Stato nostro un Prete Greco Scismatico, e trattenersi a otto giorni per volta; con che Stefano Giurasović e Stefano Balsić debbano toties quoties denunziare allo Ec-mo Min. Cons. la sua venuta e partenza, sotto pena di anno di prigione per ciascuno toties quoties.

Mercoledì $28/1$ 1803.

Le prima parte è dichiarare, che le parti prese dall' Ecc. Senato sotto li 22 del corsente riguardanti i Preti Greci non comprendono quel Prete Greco, che conduceva il Console Russo; al quale secondo il Trattato conchiuso con la Russia sarà lecito e permesso di avere in casa propria una Capella, ove ed egli e la sua famiglia e tutti i sudditi di S. M. Imp-le potranno attendere al servizio divino, secondo il rito della sua religione, nella quale Capella solamente, e non altrove, potrà il d-o Prete uffiziare ed esercitare il d-o rito presso le dette persone. P. 21 C-ro 10.

Mercoledì $9/2$ 1803.

La prima parte è di dichiarare, che nelle parti prese dall' Ecc. Senato sotto li 22 del passato circa l' espulsione perpetua dallo Stato e Dominio nostro de' Preti Greci Scismatici non siano, nè s' intendano compresi li Monaci Greci Scismatici. Per 18 C-o 14.

Lunedì li $14/2$ 1803.

La prima parte è di accomettere all' Ecc. Min. Cons., che per mezzo di E. Bonda risponde alla nota del Sig-r Fonton dei 10 corr., che la risposta data gli sotto le 9 corr. non è punto evasiva, ma concludente, e che perciò noi non possiamo se non ripetergli le stesse cose presentemente; che noi stiamo perfettamente attaccati a tutto quello, che è contenuto nel Concordato col Sig r Conte di Orlov; e per conseguenza che il Sig-r Console è padrone di avere in casa propria una Capella, ove ed egli e la sua famiglia e tutti i sudditi di S. M. Imp-le potranno attendere al servizio Divino secondo il rito della sua religione; e sebbene i SS ri Consoli Russi non se ne siano prevaluti finora, essi potranno sempre prevalersene coll' erigere la Capella in sua casa a norma del sudd-o Concordato, di cui noi siamo e saremmo sempre religiosissimi osservatori. In quanto poi ai pochi Greci sudditi nostri, siccome pare, che si voglia metterci in prospetto odioso presso l'Augustissima Corte di Pietroburgo, si risponde, che ai detti Greci nostri sudditi non sono impediti tutti gli ajuti necessarj, ch' ebbero per l'addietro per l'esercizio del loro culto religioso etc.

Mercoledì 11 Aprile 1804.

La prima parte è di accomettere a E. Bucchia dell Ecc-mo Minor Consiglio, che scriva al Sig-r Console Fonton, che li SS-i Senatori, i quali a seconda delle di lui premure ebbero l'onore di conferire con lui sotto gli 8 del corr., avendo rappresentato al Senato, che il Sig-r Console desiderava alcuni schiarimenti sull' articolo della Capella Greca contenuto nella Nota dei 24 Ottobre pas., ove dice «che la Capella Greca esistente attualmente fuori della Città col cimeterio nello stato, in cui la medesima si trova, e senza pregiudizio degli alloggi particolarari, che il comodo potrebbe esigere». Il Senato desideroso d'incontrare anche in ciò le soddisfazioni dell' Augusta Corte Imp-le non ha esitato un momento di convenire per la seguente aggiunta al d-o articolo, cioè: «e senza pregiudizio di qualunque cambiamento interno, e di qualunque esterno risarcimento dalla medesima Capella.» Così pure avendo il Sig-r Console manifestata ai detti SS-i Senatori la bruma, che si aggiungesse alla d-a Nota una convezione esplicita rapporto al funerale dei Greci, che morissero dentro la Città, ha lo stesso Senato volentieri acceduto alla seguente convezione, cioè: «che il funerale di un uomo morto nella religione Greca dentro la Città si farà secondo il cerimoniale del Rito, astenendosi per altro da ogni canto fino alla sortita dalle porte della Città. Lo Spedale Cattolico però essendo riputato in tutti i Paesi come una Chiesa, ne risulta, che in caso di morte di qualunque Greco, che la carità del Governo fa ammettere dentro lo Spedale, il Prete Greco, che viene per levare il cadavere, non si può entrare in abiti sacerdotali del suo Rito, senza fare un'ingiuria pubblica al tempio della religione Dominante del Paese, e in conseguenza si è egualmente convenuto, che in questo ultimo caso il Prete Greco sarà obbligato di aspettare alla porta dello Spedale il cadavere del morto.» Per 22 C-o 5.

(Arch. ant. Fasc. slegati Rogatorum Consilii dal 1803—1807.)

XIII.

Avendo l'Imperatore de' Romani Francesco II unitamente all'Imperatore di Russia ed il Rè di Prussia, intimato la guerra all'Imperatore di Francia Napoleone il Primo ed essendo questo restato vincitore degli altri, l'Imperatore de' Romani fù costretto dimandare la pace dal Francese, quale in fatti ottene, abbenchè con suo grande disavantaggio per esser stato obbligato oltrechè alla considerabil imposizione di una somma di denaro anche alla renunzia di vari suoi stati, nei quali fù compreso quello di Venezia e di Dalmazia assieme con le Bocche di Cattaro. Di tutti questi s'impadronirono i Francesi, trascurarono però qualche mese d'impossessarsi delle suaccenate Bocche. Fratanto i Bocchesi si prevalserà del tempo e per non ricevere i Francesi (componendo quella popolazione tre parti di Greci ed una sola di Cattolici), invitarono i Moscoviti, i quali allora si ritrovavano colli vascelli di guerra di varie qualità nelle isole Joniche, perchè venissero ad impossessarsi di quella Provincia. In fatti i Moscoviti non si fecero pregar molto, ma tosto staccando di quella squadra il navi, fregate, con altra quantità di brichi e barche canoniere, acconsentirono all'invito degli alleati per ragione di Grecismo al Vladica di Montenero, e venendo alle Bocche intimarono al Comandante Tedesco, il Marchese Ghislieri, che nello spazio d' un quarto d' ora li cedesse il castello nuovo (ove egli si trovava) con la città di cattaro ed il rimanente delle Bocche, che erano di suo diritto. Questo per grazia ottenne di nuovo lo spazio di ventiquattro ore per poter pensare a casi suoi e risolvere il caso o doveva pacificamente cederle oppure opporsi alla violenza, che gli minacciavano i Moscoviti. Vedendo al fine, che le sue forze non potevano competere con quelle dell' illeggittimo aggressore, di notte tempo, partì per Ragusi, lasciando ordine alle sue truppe si dovessero imbarcare, per approdare in qualche porto posseduto dal loro Sovrano. Ciò fatto i Moscoviti s'impossessarono di tutto il territorio delle Bocche ed incominciarono uscire da quel canale, diffondendosi coi loro vascelli per il mare, che circonda il Stato di Ragusa, facendo delle prede dei bastimenti mercantili d' ogni nazione, con questa distinzione, che si erano i legni delle potenze a loro amiche e le merci dei Francesi oppure provenienti da luoghi posseduti da questi o diretti per i porti dei

medesimi, predavano soltanto la roba ed i bastimenti lasciavano andare; se poi era tutto Francese, s' impossessavano in un tempo stesso delle merci e dei bastimenti.

Nell' istesso tempo i Russi pretesero di presidiare Ragusi per chiudere il passe delle Bocche ai Francesi. Il Senato dolcemente si oppose a questa loro pretenzione, procurando di distoglierli da questa idea e con varii regali e con assicurazioni, che i Francesi non avrebbero messo il piede sul territorio de' medesimi, avendogli assertivamente promesso l' Imperator Napoleone, che non avrebbe sofferto nè alcun danno, nè molestia, ne passaggio delle sue truppe per il loro statto. Si quartarono i Russi, ma il General Francese Molitor, che si ritrovava in Dalmazia ed aveva dal suo Sovrano la carta in bianco, scrisse al proprio Console, che facesse sapere al Senato, ch' egli doveva passare con la milizia nelle Bocche per lo Stato di Ragusa, onde gli preparassero ciò che gli potrebbe occorrere. Essendo avvisati di questo i S-ri Senatori, spedirono di nuovo dal General Molitor i medesimi due Senatori (i quali avevano spediti a complimentare il detto Generale ed a persuaderlo, che non entrasse nello Stato Raguseo. Subito che seppero il suo arrivo a Zara pregandolo a nome della Republica, perchè lasciassero questo il loro dominio e non passassero per il loro Stato, a motivo, che i Moscoviti, uniti coi Bocchesi e Montenegrini, non facessero irruzione nei loro paesi, come già li avevano minacciato di fare, se questi avessero dato l' asilo ai Francesi. Fratanto il Senato, non sapendo, ciò che doveva risolvere il nominato Generale, prepararono a Ragusa e mandarono a Stagno una quantità di vettovaglie, caso che il Generale non si volesse piegare alle preghiere dei due Senatori, ma volendo entrare nello Stato, trovasse la milizia, ciò che gli era di bisogno. La sorte fu, che per allora (o in virtù del denaro offertogli, o perchè la ragione lo convincesse, che se essi venivano nello Stato i Montenegrini, lo avrebbero rovinato ed eglino stessi con poca riputazione sarebbero riusciti), li promise positivamente, che i Francesi non avrebbero messo il piede sulla terra dei Ragusei. Confidando i Ragusei nella promessa ed asserzione positiva del d-o Generale, ritirarono nella Capitale le vettovaglie e vivevano quieti e contenti. Questa loro quiete durò soltanto un abbondante mese. In questo fraterempo i Russi i quali con due o tre vascelli da guerra costeggiavano i lidi Ra-

gusei, venivano pacificamente dentro la Capitale, si provvedevano delle cose necessarie e poscia ripartivano verso i loro navigli, senza recare danno od insulto ad alcuno, eccettuato, che il dì 3 Maggio 1806 una quantità di nove o dieci ufficiali voleva per curiosità, come dicevano, entrare nel loro forte di S. Lorenzo. I Melledani, che facevano la guardia al detto Castello, vedendoli avvicinare alle porte, si chiusero arditamente le porte in faccia. Vedendo i Russi, che invano avevano fatto questo viaggio, ritornarono a dietro, e di ciò non se fece più caso, ma gli abitanti seguitavano ancora a goder la solita amica pace sino ai 26 del detto mese ed anno.

In questo dì alle ore 16 venne il corriere, spedito dal Cancelliere di Slano, colla nuova, che i Francesi erano già giunti sino a quel luogo, e che a marcia forzata venivano verso Ragusi. Questa mai aspettata notizia sorprese tutti e massimamente la nobiltà, quale radunatasi assieme, fece il consiglio. Il popolo stava aspettando ansioso la rissoluzione di questi, i quali non avendo più tempo da cooperarsi altrimenti, risolvettero di aspettarli pacificamente per sentir le loro pretenzioni. Spedirono poi due Senatori alla fregata Russa, la quale si ritrovava fra la terra ferma e lo scoglio di Daxa, perchè minutamente e con sincerità esponessero a quel Comandante tutto ciò, che avevano saputo e determinato, onde che si sapesse guardare da suoi nemici e pensare a quello, che doveva fare. Infatti il giorno seguente, che fu il 27 di Maggio, alle ore tredici, per via di Osojnik internandosi in Ombla e sbarcando nel casale di S. Stefano, salirono il Canale di acqua e scesero di sopra al fossato nelle Pille in quantità di mille soldati. I Ragusei appena li videro comparire, fecero chiudere le principali porte della città, lasciando soltanto aperte le finestrelle, per le quali uscirono due Senatori, destinati dal Senato a complimentare il Generale ed a sentire le sue intezioni. Il Generale, che si chiamava Alessandro Lauriston, li fece sapere, che voleva parlare al Consiglio e che a loro avrebbe aperta la sua mente. Fu poscia introdotto dai detti Senatori e dal Console Francese in città e poi presentato al Consiglio Minore, formato da sei Senatori ed il settimo il Rettore; appresso di questi si spiegò, che lui dai Ragusei non voleva altro, che cinquecento bottiglie di vino per rinfrescare la truppa dal viaggio affaticata, alla quale voleva permettere

una sola giornata di riposo e non essendo luogo a proposito fuori di città, pregoli, che li permettessero entrare dentro e che in dimani li avrebbero tolto l'incomodo. Questo tutto gli fu accordato, ed aperte le porte di città, introdusse in essa la sua milizia. Entrati che furono il città i soldati armati, il Generale incominciò accostarsi alla sincerità, non pregando più, ma pretendendo, che gli fossero consegnate le chiave delle fortezze, le quali gli furono accordate, dispose poi colle sentinelle, le quali unitamente ai soldati Ragusei guardavano le porte della città e le fortezze per qualche giorno, che di poi occuparono il tutto i soldati Francesi. La Bandiera di S. Biagio seguìto a stare per 708 giorni al castello di S. Lorenzo, indi sulla medesima asta alzarono di sotto alla Ragusea anche la Bandiera Francese, e così seguìto al giorno dell' assedio, in cui tolta totalmente la Bandiera Ragusea, restò la sola Francese. Dopo l' arrivo di questi seguitarono per otto giorni a venire li altri Francesi, e così arrivarono a compire in tutti il numero di 1500 uomini. Perchè questi siano bene alloggiati, chiesero il monastero delle monache di S. Chiara (in cui si ritrovavano ancora tre sole monache del Coro tutte tre decrepite) e l' ottennero.

In questo alloggiarono una parte di soldati e della chiesa formarono l' arsenale. In convento di S. Francesco da principio mandarono per quaranta uomini di banda, ed in quello di S. Domenico trecento e cinquanta soldati, ed il rimanente di essi distribuirono per le fortezze. Il Generale ed i ufficiali furono tutti alloggiati per le case particolari.

Questi che mentre si ritrovavano fuori di città non avevano bisogno d'altro, che di 500 bottiglie di vino, entrati che erano in città non fu cosa, che non li occorresse. Laonde dimandarono dal Senato franchi al titolo d' imprestito. Non essendo la Cassa pubblica in istato di sborsarli, è stato espediente di mettere la mano egli argenti delle chiese; sicchè nella chiesa e monastero di S. Chiara levarono libre d' argento; nella chiesa di S. Francesco libre; nella chiesa di S. Domenico libre; nella chiesa delle Monache di S. Maria libre. Tutto questo argento è stato coniato nei ducati Ragusei, ed unito agli altri ed imprestato ai Francesi. Non fu ciò sufficiente, ma anche tutte le casse pubbliche le ritirarono a se, anche quelle

delle opere Pie. Tutte le botteghe dei mercanti scarpari e papuzieri restarono vuote per calzare e vestire i soldati, ed il Senato si fece debitare di questi.

I Montenegrini e Bocchesi, che stavano pronti, appena sentirono la venuta de' Francesi a Ragusa, fecero l' irruzione a Canali il di 30 dell' istesso mese, ove trovarono debole resistenza e perciò s' inoltrarono verso Zaptat. I Francesi, che erano stati avvisati, prevennero il loro arrivo e nell' Obod li attaccarono e li fecero ritrocedere. Il di poi 2 Giugno vennero di nuovo in maggior numero i Montenegrini ed i Bocchesi ad assalire i Francesi, i quali da principio valorosamente combatterono, ma vedendosi nelle forze molto inferiori ai loro nemici, la notte seguente abbandonarono Zaptat e si ritirarono nel Breno. Gli agressori s' impadronirono di quel paese e tutto lo faccheggiarono con inumanità tale, che li stessi cadaveri, che giacevano corotti e puzzolanti nelle sepolture, non furono esenti dalla barbarie di quei crudeli, ma aprendo le loro tombe, li spogliavano anche di quelle, abbenchè mucide e fraside vesti, che li ritrovavano addosso. Vennero subito dopo di questo tre navi Russe con altri legni armati sotto Zaptat in faccia a Breno, ove erano accampati i Francesi. I Russi e Montenegrini vollero inseguire per terra i loro nemici, facendo uno sbarco a Plat, ma furono respinti dai Francesi e fuggirono sulle navi, dalle quali pure erano diffesi. Vedendo i Francesi, che a Bergatto vi era un posto favorevole da potersi meglio accampare, fecero la ritireta d'otto miglia e formarono ivi la trincera. I Moscovite, che attendevano di cacciarli anche da quel luogo, per due volte li assalirono, sempre però con la loro perdita. Il di poi 17 del detto mese di Giugno vennero dalle Bocche due altre navi e varii altri legni, pieni di gente e di munizioni. Fecero questi lo sbarco nel casale, chiamato Kupari, li altri vennero per terra e diedero il primo attacco alla trincera dei Francesi, parte delle navi difendevano i suoi e parte attaccarono le trincere di Croma. I Francesi da bravi si diffendevano, avendo per due volte respinto le forze del nemico, che erano in terra e le inseguirono per due miglia lontano dalle trincere, ed allorchè si credevano vincitori, un buon numero di Montenegrini e Moscoviti salarono per la montagna, pigliarono in mezzo i Francesi, s' impadronirono delle trincere e li disfecero totalmente. Perduta che fu la trincera, i Francesi s'abbandono-

narono alla fuga e si racchiusero dentro Ragusi, che inaspettatamente in un tempo stesso restò assediata e bloccata.

Si ritirò dentro la città tutta la gente, del borgo di Ragusa, da Gravosa e dagli altri casali vicini, ch' ebbero il tempo di potersi rifuggiare. Già la maggior parte dei Canalesi si erano ritirati in città, come anche i Brenesi e gli Omblei, tutti quei, che temevano la perdita de' Francesi e la barbara invasione dei Russi e dei loro allati.

Appena assediata la città, i Francesi pigliarono per quartiere dei soldati la chiesa di S. Francesco e quella di S. Domenico, ed i religiosi di poi tanto gli uni, quanto gli altri ufficiavano nella propria sacristia, ed in essa celebravano pure quelli del Collegio de PP. Scolapj, della cui chiesa e Collegio avevano formato Ospedale. Le monache Benedittine, dette di S. Maria, previa licenza dell' Arcivescovo, sortirono dal proprio monastero e si ritirarono nelle rispettive case, per fuggire il pericolo maggiore del canone nemico, a cui le esponeva la situazione del loro monastero.

La notte seguente il giorno dell' assedio i Russi si sbarcarono in quantità di novecento persone all' isola di Croma, ed all' incomenciar dell' aurora fecero l' assalto a quella trincera; ma i Francesi, che erano da bel principio trecento e poi in seguito spediti dalla città in lor soccorso due altri cento, da bravi resisterono, una buona quantità di Russi furono da essi ucesi e gli altri obbligati a retrocedere e salvarsi nelle proprie navi. Abbenchè quasi inaspettamente sia seguito questo assedio, niente di meno però in città si ritrovava oltre l' altre sorte di viveri, del pane e del grano da poter mantenere tutto il popolo per lo spazio di tre mesi; così pure di acqua. Giorno e notte si macinava il grano per uso pubblico in ottanta macine da mano, fuori di quelle, che avevano i particolari e macinavano per proprio uso. Questi avendo ristretti i Francesi nella sola città e nei forti dai quali è circondata, ed essendo restati padroni della loro roba e munizioni si di Bergatto, che di Gravosa, ove nell' entrata di quel porto avevano fatta una picciola trincera, prantarono su varii luoghi della montagna di S. Sergio dei cannoni, e specialmente sul luogo, chiamato Žarkowica, da dove dai 17 di Giugno infino ai 6 di Luglio inclusive, molestavano la città e le fortezze.

Però quantunque si sian serviti di varie qualità di pezzi d' artiglieria, ed abbiano tirato fra le palle di 63 libbre, di 36, fra le bombe di 70 oke e gli obizi 3,474 colpi, nientemeno non uccisero, che sole 23 persone dei nazionali, fra le quali non vi era alcuna persona riguardevole. Offesero per altro notabilmente molte chiese ed una quantità di case. I Francesi, che si difendevano dalla città, fecero maggior danno, riguardo alle persone dei Russi, fra le quali amazzarono il nipote del Vladika di Montenero.

Superata la trincera, come abbiamo detto di sopra, innondò come da un precipitoso torbido fiume tutto quasi lo Stato di Ragusa di ogni speccia di gente non meno selvatica, che barbara ed inumana. I Russi erano a capo di quella infame ciurmaglia, composta dai Bocchesi, Montenegrini, Murlacchi Greci, sudditi Turchi ed anche de' Turchi medesimi, gentaglia tutta addetta al furto, assassinio, rapina, omicidio e ad ogni sorte d' iniquità. Una porzione di questo flagello di Dio restò sulla montagna di S. Sergio e negli infelici contorni di Ragusa, l' altra si diffusè per tuttò il continente Raguseo dal principio di Canali (che avevano già qualche giorno avanti saccheggiato) sino alla città di Stagno, la quale però restò illesa, poichè i coraggiosi Primoriani, ossia uomini di terra nuova Ragusea, si unirono assieme armati, li diedero addosso, li cacciarono sino a Slano e retrocedendo si formarono in un passo vicino a Čepikuće, e li impedirono il passaggio, e così quella città con tutta la sua penisola ed il continente di terra nuova restò libera da quei rapace lupe. Gli altri poveri paese, che restarono vittima della loro barbarie, furono del tutto assassinati e rovinati, la roba, che ritrovarono nelle case, conventi e chiese vicine al mare, le trasportarono sulle navi, e quelle, che erano nei luoghi distanti dal lido, le portavano via coi cavalli. Tutto ciò, che in qualche modo potevano trasportar via o colle barche o coi cavalli ed il rimanente, che o non potevano trasportare, oppure non faceva a loro proposito, come, per esempio, i tavolini delle case, le sedie, le pitture, i cristalli, gli specchi, i burrò e simile cose, o li davano il fuoco oppure a bocconi li spezzavano. Abbrucciarono molte cose ed anche le migliari. Talmente erano avidi al ferro e ad ogni sorte di metallo, che dal principio di Canali sino alla città di Stagno, dopo la loro fuga, non si ritrovava più un pezzo di ferro e nemmeno una campana. Uccisero varie persone e moltre altre crudelmente martorizzarono, perchè l' insegnassero i depositi dei ori e dei argenti.

Quei poi che erano rimasti nei contorni di Ragusa fecero l'istesso, che i loro compagni fuori, che si dimostrarono più valenti nel dar fuoco alle case esistenti nel borgo, poichè da S. Giacomo fino al principio di Gravosa due cento e tre case e fors' anche ne avrebbero abbracciate delle altre se frattanto non sopraggiungeva il Generale Francese Molitor. Questo bravissimo Generale, degno di eterna memoria, il di 6 Luglio dello stesso anno arrivò con tremila uomini circa sulle montagne, che riguardano Bergatto e la montagna di S. Sergio, dove era formato, il campo nemico. Vedendo egli da quelle altare tutto il campo de' nemici, e considerando, che non poteva competere con loro, fece un bellissimo stratagemma. Divise la sua truppa in quattro parti, ed una di queste fece girare una collina tre o quattro volte, dando vedere ogni volta, ch' erano altri uomini, di poi in un tempo fece sortire da tre parti il rimanente della truppa così ben disposta e divisa, che invece di tremila fece sembrare ai Russi, che superavano ventimila. Travedendo questi una quantità di gente, abbandonarono con furia le trincere e precipitosamente si diedero alla fuga, certi fuggirono sulle navi e certi per terra scamparono verso le Bocche. Sopraggiunsero i Francese e s' impadronirono del loro campo e fecero il segno alla città (la quale ignorava ogni cosa), che già era stata liberata. Questa gioconda e felice nuova cagionò sì nel popolo, che nei soldati un' allegrezza ed un tal giubilo, che salutandosi, scambivolmente facevano i segni di congratolazione a vicenda, come se tutti fossero stati strappati dalle fauci della morte e rimessi di nuovo al mondo.

Da quel giorno in poi seguitarono ad aumentarsi le truppe Francesi, sinchè arrivarono a compiere il numero di 13 mila combattenti in circa, a capo dei quali era il Generale Marmont con 14 altri Generali. Da queste truppe così unite furono separati varii corpi di soldati e distribuiti per diversi luoghi dello stato. A S. Sergio ed a Žarkovica, ove erano rimesse guardie l'istesso giorno della liberazione dell' assedio, furono accresciuti i soldati, sì per guardarsi dal nemico, come per esser impiegati nel lavoro di due famose trincere, fabricate nei mentovati siti di S. Sergio e di Žarkovica. A Croma pure, ove prima dell' assedio avevano, eretta una mediocre trincera, aumentarono la milizia, refabricarono di nuovo questa trincera, la

rinforzarono, applicarono ed a maggior segno la fortificarono. A Daksa.....

Partì il Generale Marmont il dì 4 Novembre 1816. Tutto il danno cagionato dai Montenegrini si calcola otto milioni seicento cinquantacique milla franchi.

(Da alcune cartoline d'un ignoto, trovate tra i manoscritti volanti della libreria del def. P. Innocenzo Čulić.)

XIV.

Blocco dell' Adriatico nell 1806 colla flotta Russa.

Dal bordo del vascello Asia, ancorato nel Canale delle Bocche di Cattaro.

In relazione alla rispettosa Nota d'Esso Signor Console dei ⁸/₂₀ Marzo scadente indicante la seguita Comunicazione a cotesto Governo dell' Edito riguardante il blocco, ed in risposta delle richieste spiegazioni dei tre articoli, in esso contenuti, ho l' onore di rescrivervi:

1-o. Per ora e fine disposizioni ulteriori resta ai navigli neutrali l' adito libero di esportare dai porti vietati, in quelli delle Potenze amiche e neutrali chiunque sorte di merci loro piacesse; sarà in tal caso da vere sacro delle superiorità locali d' invigilare alla partenza de' suoi navigli per tali porti bloccati, perchè niuno ardisca sotto chechesia colore e pretesto sotto l' emanata penalità di caricare niuna sorta di generi, oltre l' indispensabile sostentamento del suo equipaggio.

2-o. S' accorda alle barche neutrali di condurre passeggeri non sospetti nei porti vietati previe precauzioni necessarie al buon ordine. Il bagaglio e le carte, che portassero, dovranno colla maggior attenzione esser visitate ed il tutto posto in superior carica.

3-o. I navigli neutrali, che prima della notizia del blocco, fossero stati impegnati nei porti vietati a prender carichi, potranno li-

beramente sortire dai medesimi e seguire il loro destino; allorchè non fossero diretti per luogo, dal nemico occupato.

4-o. I bastimenti neutrali, che dal Golfo venissero nei luoghi del proprio stato, carichi di merci, dirette per luoghi vietati, potendo comprovare col mezzo delle sue spedizioni di non aver saputo i divieti emanati per non esser stati al momento della pubblicazione, saranno compatiti, ma il loro carico dovranno vendere nella propria patria neutrale, non occupata dal nemico, o in qualche luogo Russo; ovvero consegnato alla Superiorità politica, ove fossero giunti verso il pagamento del competente valore. Fosse poi il carico di qualche suddito Francese il paviglione del naviglio sarà rispettato, ma le merci considerate e levate dal suo bordo, come buona presa.

5-o. Il termine, che dovrà assegnarsi per prevenire i bastimenti è la data, sotto la quale l'Editto susspresso fu rilasciato. Questa dichiarazione si riferiva al seguente:

Editto.

Lo scopo ingenuo di mantener la buona intelligenza ed armonia con gli Stati di Potenze neutrali ed altresì quello importante d' impedire a' nemici, que' proventi e rissorse, che potessero procurarsi col mezzo delle medesime, determina il Comandante della squadra navale di S. M. l' Imperatore di tutte le Russie a far intendere e sapere:

1-o. Che tutti i porti e coste tanto alla destra, che alla sinistra parte del Golfo Adriatico, spettanti ai Francesi, o neutrali, nei quali essi sgraziosamente s' introducessero, saranno d' oggi in poi dalla sullodata squadra astretti dal più rigoroso ed imponente blocco.

2-o. Che niun bastimento delle accennate Potenze possa condurre nelle vietate situazioni alcuna sorte di munizioni da guerra e da bocca, nonche qualunque altra merce sotto l' inalterabile penalità d' essere confiscate unitamente al naviglio.

3-o. Con tale dichiarazione, che abbastanza palesa la considerazione, che la Sovrana Corte nutre per gli Stati neutrali, si lusinga aver pure riparati quei mali ai medesimi, che indubitamente potrebbero accadere da un opposta direzione.

Da bordo del vascello Asia, ancorato nel Canale delle Bocche di Cattaro li $\frac{2}{15}$ Marzo, 1806.

Firmato: Enrico Beli,

Comandante di Squadra di S. M. l' Imperatore di tutte le Russie.

(Da una pessima Copia, trovata casualmente tra alcuni scritti.)

XV.

Allora, che presero il possesso delle Bocche di Cattaro i Moscoviti (già Greci Scismatici), alcuni Greci de' lor rito e partito pubblicamente diccano, che Iddio dei Latini era già morto; a tale empia asserzione uno li grapi con seguente

Sonetto.

Credi, o Greco infedel; no, non è morto
Il Gran Dio de' Latini, il vero Dio,
V' è come a' danni tuoi presto egli è tosto
Perchè del tuo fallir ne paghi il fio.

Di maligna natura infame aborto

Ignorante, superbo, iniquo e rio!

Tu i suoi templi spogliasti e a di tui torto,

Credesti i furti tuoi posti in obbligo.

Tu di sangue Latin versare un fiume,

Giurasti allor, che l' invincibil Gallo

Te vinto avesse qual è suo costume.

Che fai, che pensi? Ah di evidenza al lume

Mira di tuoi ladron finito il ballo,

Se senza impero, e fè, e senza Nume.

XVI.

Relazione del Possesso, preso dai Francesi della città e Stato Raguseo; e quanto e seguito dopo di questo.

Dai pubblici fogli sarete stato di già ben istruito dell' occorso dal passato Maggio in queste parti. Quanto siano state veridiche tali relazioni, non so deciderlo, perchè io non le ho lette; asserisco bensì senza alcuna esitanza, che se non sono state conforme a questa mia, sono al resto alterate. Meritò tutta la credenza, perchè mi vantò d' esser genuino, e perchè sono stato testimonio oculare di tutto il successo; anzi pur mia disgrazia ho avuta troppa parte nella ben dolorosa catastrofe, a cui abbiamo dovuto soggiacere. Credetemi dunque, che non esagero; che anzi non potrò giammai descrivermi appieno il colmo, a cui sono giunte le nostre sciagure.

Li 27 dello scorso Maggio correndo l'anno 1806, cio cui cadea la S-da festa della Pentecosta a mezza mattina le truppe Francesi sotto il comando del Generale Lauriston entrarono, contro ogni nostra aspettativa, nella nostra città. Nel momento istesso si impossessarono di tutte le fortezze. ed in seguito di tutta l' artiglieria ben rispettabile, e di una prodeghiosa quantità di munizioni di guerra, che a pochissimi dell' istesso paese erano a notizia. Il giorno dopo al loro arrivo il sud-o Generale, pubblicò un manifesto, in cui ci promettea, che Ragusa e tutto il suo stato sarebbe stato evacoato dalle truppe Francesi, tosto che i Russi avessero abbandonate le Bocche di Cattaro, e le Isole Joniche. Quasi contemporaneamente le navi Russe, che si trovavano in questi acque, sin dal passato Marzo (.), preदारono lutti i nostri bastimenti, che erano ancorati nei nostri porti, e di mano in mano in quegli altri, che a buona fede ritornava in patria. Qual cosa sia accaduta degli altri, non lo sapiammo precisamente; ma se non sono stati anche questi predati, dovranno per grazia restar manendo negli esteri porti: ed ecco in pochi giorni distrutta intieramente tutta la nostra marina, unica sorgente della nostra sussistenza, ed opera di tanti anni dei nostri maggiori sforzi ed industria.

Non passarano molti giorni, che i Russi unimamente agli abitanti delle Bocche di Cattaro ed alle barbare orde de' Montene-

grini, ambedue nostri capitali nemici, i quali avevano alla testa il loro Metropolita, invasero le due contrade dello stato, poste all'oriente della città, Canali, cioè, e Breno, dalle quali, quasi sole, ricavava questa popolazione il giornaliero sostentamento, e con infinita barbarie totalmente le distrussero, mettendo il tutto a ferro e fuoco. Le truppe Francesi fecero per verità fronte per alcuni giorni a questi furibondi colle loro trinciere, che avevano piantate due miglia incirca distanti dalla città per levante in due luoghi, detti Dubaz e Koscjarniza; ma queste a di 17 Giugno furono forzate da un numero assai maggiore de' nemici, i quali si avvanzarono sin sotto le mura stesse della città, a cui poserò il più barbaro ed il più stretto assedio e per terra e per mare, che abbiamo dovuto sostenere colla massima pazienza, e forse con non minor coraggio per diecinove giorni continui. Io non vi descriverò i patimenti, tollerati in tutto questo tempo per mancanza d' acqua, i condotti, di cui furono tosto tagliati dai nemici, e per la penuria dei viveri, essendosi raddoppiato il numero della popolazione della città, si per la truppa Francese in essa racchiusa, si per il gran numero degli abitanti dei borghi, in essa rifugiatisi, si per tutte quelle famiglie delle sud-e due contrade, alle quali per buona sorte era riuscito di sottrarsi al ferro nemico, e le quali ogni momento ci funestavano coll' aspetto della loro monedità e miseria. Tutte queste calamità non sono punto paragonabili a mali assai più gravi, dai quali eravamo attornati. Le palle di canoni e degli obizi, delle bombe ci pischiavano di continuo all' orecchio, ed avevamo sempre la morte alla gola per l' evidente rischio di restar da un momento all' altro sepolti sotto le rovine; poichè la batteria, piantata dai nemici sul monte S. Sergio, restava a ridosso della città, ed il canone batteva a cavaliere tutte le sue fabbriche, parte delle quali ogni momento restavano rovinare, e parte rese inabitabili; tra le quali specialmente ne furono la Cattedrale, il palazzo Arcivescovile e tutte le principali case, che si trovavano in quei contorni colla mortalità di un gran numero degli abitanti.

Durante questo orribile assedio, i nemici saccheggiarono ed incendiarono le case de' soborghi e le adiacenti deliziose e ricche fabbriche, che restavano dalla parte di penente nei seni di Gravosa ed Ombla, come fatto aveano pochi giorni annanzi di Canali e

Breno; e noi vedevamo coi proprj occhi il fumo e le fiamme, che andavano, dilatandosi per ogni parte; spettacolo, che accresceva all' estremo la nostra desolazione. La perdita però più dolorosa, perchè irreparabile, che si è sofferta in tale occasione, si è quella della celebre Biblioteca de' Monaci Benedettini, il monastero de' quali resta situato un miglio in circa distante dalla città. Essa era composta in gran copia dei libri delle prime edizioni ottimamente conservati, e de' codici, che potevano meritamente aver luogo anche nella Biblioteca Vaticana: e tutto questo raro tesoro, fu parte fatto in pezzi e sparso per ogni dove, e parte consumato delle fiamme.

Non contenti nemmeno di questo quelle onde de' barbari, si sparsevò per più lontani casali, che restano a ponente della città, commettendo da pertutto e medesimi eccessi di crudelta e barbarie. Il solo danno, che hanno fatto sulle schero di Gravosa, da dove portarono via (rappirono) tutti i ferramenti, ed incendiarono i bastimenti non per anche terminati a costruirsi ed il legname approntato per la costruzione de' nuovi, si compata, che ascenda a mezzo milione. Per obbligare poi quei infelici abitanti a scoprirgli i supposti nascosti tesori, i barbari mutilavano loro le membra, bruciavano con ferri roventi la faccia e le altre parti del corpo, ed arrivavano per fine a tal eccesso d' atrocità, che arrostitavano vivi i bambini in faccia de' loro genitori. Tralasciò il nefando uso fatto in tutti quei luoghi, da quei scelerati delle donne di ogni età, poichè al solo pensarvi raccapriccia la mente ed inorridisce il cuore.

Il di sei Luglio, giorno per noi sempre memorabile, che cadeva appunto un giorno dopo la festa della Translazione della mano del nostro gloriosissimo Protettore S. Biagio, ed un giorno avanti la festa dei gloriosissimi mm. Andrea, Pietro e Lorenzo, martirizzati già nelle Bocche di Cattaro dai Scismatici, e miracolosamente addietro diversi secoli traslatati a Ragusa, nell' ora ventiuma il Generale Molithor col soccorso di soli 1600 uomini, la maggior parte truppa colletizia, stacca e sfinita dalla marcia sforzata di due giorni continuj a segno tale, che appena si regeva in piedi, alla sola comparsa della sua vanguardia per un evidente miracolo, confessato dai stessi ufficiali Francesi del nostro S. Protettore, il nemico, che occupava i trinceramenti di S. Sergio e di Koscjarniza, forte di 6000 uomini

in circa, sorpreso da un panico timore senza tirare nemmeno un solo fucile, abbandono il campo e le batterie, e si dà alla più precipitosa fuga; ed in tale guisa restammo liberati dal più orribile assedio. Dissi per un evedente miracolo; poichè se quella sola notte avesse ancora continuato l'assedio la città sin' all'indimani sarebbe stata redotta ad un mucchio di sassi dai nuovi smisurati mortai di bombe, che già i nemici avevano appostati contro di esse.

Fugato in tale guisa il nemico, la truppa Francese si impadronì del campo nemico, in cui trovò preparati in abbondanza de' viveri d'ogni genere, che il nemico apprestato aveva per satolarsi a crepanza nella solennità, che li correva quel giorno e di cui la truppa del Generale Molithor si prevalse a sua voglia. Noi intanto in città ancor racchiusi tremavamo, non sapendo sino alle ore 24, se erano giunti nuovi soccorsi al nemico, oppure noi liberati dall'assedio. Era pertanto un spettacolo ben comovente vedere l'immensa folla del popolo d'ogni età, d'ogni sesso, d'ogni condizione correre nel tempio del nostro Protettore, ed ivi colle lagrime agli occhi e colla compunzione del cuore render a Dio ed al Santo le più fervide e calde grazie per l'ottenuta liberazione.

Presentamente ci troviamo liberi dall'assedio, ma oppressi da altre miserie. Una terribile epidemia fatale specialmente ai ragazzi ed ai vecchi fa strage orribile nella città, nei sobborghi e nelle contrade di già abbastanza divastate dal nemico. La fame non tarderà molto a sentirsi tra le persone anche comode, se non ci arrivano provvisioni di fuori, le quali però a momenti si sperano, se si verifica la pace tra la Francia e la Russia. Si teme un nuovo blocco per parte degli Inglesi, forse più stretto del primo. Un totale deficit del pubblico erario ed esauste affatto le casse de' particolari; e senza alcuna speranza di una consolante risorsa.

Tale è lo stato latuosissimo della infelice mia patria. Quale ne sarà sino al fine il suo destino, Dio lo sa.

Ecco ci al fine, che quel paese, che per tanti secoli nulla sapeva della guerra, e delle sue conseguenze si trova in volto di tutti gli orrori di essa; e vede sul suo piccolissimo ed infecondo territorio le onde de' barbari Montenegrini, gli attrappamenti de' limitrofi Bocchesi, le truppe Russe, venute dall'ultimo Settentrione, le

armate Austriace occupano i nostri porti per svernare in essi, e per fine i presidj Francesi non solo nella Capitale, ma a Stagno e in tutti i porti per difenderli da qualunque agressione nemica.

Finisco pertanto questa mia, riserbandomi agli ulteriori fatti, che potranno seguire, specialmente sull' articolo delle Bocche. Siate perciò, che non finiro giammai, in qualunque stato mi troverò, di nutrire quella amicizia ed attacco, con cui per sempre mi protesto

Di V. S. Ill-ma

Raf-le di..... (Sorgo?)

(Рукоп. Фран. биб. N 256.)

XVII.

Epistola Reipublicae Rhacusinae ad Imperatorem totius
Russiae.

Singularis ea animi magnitudo ac humanitas, qua Imperatoria Majestas Tua Rempublicam hanc nostram prosequi semper dignata est, nos impellit eamdem iterum instanter implorare, Teque humillime deprecari, ut imposterum quoque potentissimo patrocinio Tuo nos tueri ac defendere pergas. Id a Te instantius hoc potissimum tempore exquisimus, quo victrices copiae Tuae atque invicta arma nostris hisce regionibus magis finitima proximioraque facta sunt. Hoc igitur patrocinio freti, Te obsequenter obsecramus atque obtestamur, ut Ducibus ac Praefectis Tuis mandare ac praecipere velis, ne ab ea Majestati Tuae adeo peculiari bonitate ac clementia, quam semper huic Reipublicae ostendisti, unquam recedant; eamque benevolentiam, quam Tu non verbis tantum, sed re ipsa alias comprobasti, ipsi quoque nobiscum adhibere non recusent. Hoc spe innixi segura pace frui posse, ac quietis et pacatis esse nobis metipsis audemus polliceri. Interea omnia fausta Tibi ac felicia a Deo Optimo Maximo auspicanter, ut Imperiali gratia Tua ac patrocinio Rempublicam hanc non dedignati velis, Te humillime deprecamur, et Imperiales manus Tuas obsequentissime deosculamur.

(Рукоп. Франц. библ. N 939)

XVIII.

Lettera della Republica di Ragusa al Primo Ministro

della Corte di Pietroburgo.

Quella distinta predilezione, con cui l' Augusta Monarca di tutte le Russie si è degnato di onorare e di distinguere in tutti l' incontri questa Republica sommamente divota dell' Imperiale sua Corona, ci anima a ricorrere di bel nuovo alla potentissima sua protezione, e ad implorare la continuazione delle preziose sue grazie. Essendosi le vittoriose armi dell' Imperiale Maestà Sua avvicinate ai nostri confini, la nostra tranquillità e la quiete di questo stato ci pongono nella positiva necessità di supplicare la Maestà Sua a degnarsi di dare i più pressanti ordini ai suoi Comandanti, che vogliono riguardarci con quella benignità e parzialità, con cui ci riguarda la Maestà Sua, e che secondando gli impulsi del magnanimo di lei cuore, ci facciano godere di quella pace, che il maggior bene, che possiamo augurarci sotto l' ombra dell' Imperiale Trono di tutte le Russie. Per impetrare questa grazia, per noi cotanto importante, ci rivolgiamo direttamente alla Maestà Sua col compiegato ossequioso nostro Foglio, il di cui tenore Ella potrà rilevare dall' ingiunta sua copia. Nel tempo stesso però preghiam rispettosamente l' E. V. a compiacersi di appoggiare col validissimo suo patrocinio presso l' Imperiale Trono le nostre suppliche, le quali siamo certi, che riporteranno il bramato effetto, qualor Ella si compiaccia di interporvi l' autorevole sua mediazione. Tutto speriamo dall' animo generoso e grande del' E. V., e questa dolce speranza ci lusinga di dover nel tempo del glorioso suo Ministero ottenere dall' Augusto Monarca le marche più distinto dell' Imperiale sua bontà verso di noi: Ed augurando all' E. V., tutte quelle prosperità, che saranno valeroli a conservarci per lunga serie d' anni un così affettuoso Protettore, con distinto ossequio passiamo a protestarci.

(Рукоп. Франц. библ. N 960.)

XIX.

De virtute ac humanitate Alexandri, Russiorum Imper.

Moscua, Alexander, non frustra concidit: ultrix

Fundit hyperboreus arctos ab axe nives;

Naufraga Sarmaticis jam Gallia mergitur arvis,

Et vix cum paucis dux fugit actus equis;

Lipsia uti videat fugientem rursus, et altum

Trans Rhenum e magna caede superstes eat.

Tergo instas Tu contra, it victor ubique paventi

Pacem Lutetiae, non mala vincla, geris

Dicite nunc gentes: quis in hostem aut fortior arma

Induit, aut cujus lenior ira fuit?

(Carmina Bernardi Zamagnae. Ragusa 1814. Typis Martechinianis.)

XX.

Pro victoria a Gallis parta, captisque ac interfectis Moschis in obsidione et oppugnatione Civitatis Pharae, vulgo Lesinae in Dalmatia, die 2-da Mensis Maji 1806. Elegia Jacobi M. Jaxae Civis Pharensis.

Naviger en Scythicas Pharias contendit in oras:

Est Phara in Adriacis insula longa plagis.

Urbis in adspectu series scopulos carinis

Dat portum, atque Austri firma resistit aquis.

Juxta urbem Arx collis malefido in vertice surgit;

Declives vallant moenia quassa Lares.

Caetera quaeque loci nullo munimine nixa,
Et neque terrigenis martius ardor inest.

Ter vicena decemque ratem ignivoma aera coronant;
Sed quae ad tutelam nos nisi in Arce duo.

Pinea Tarris adest, subeunt et quinque minores,
In scopulaque Scythes igneum adauget opus.

Candentes jaciunt tormenta tonantia moles:
Omne Tutani stat Phara freta sui.

In furias agitur, Gallo tutante Pharenses:
Hic hostem frangit, perforat ille domos.

Perforet evellatque licet, quidnam inde triumphi!
Gallica num virtus, nostra fidesve ruet?

Barbare, quid tentas? nebie vexaris inani,
Stat Mars pro nobis, negligimusque Scythas.

Igne vis postquam triduo est conata, scapharum
Auxilio hostiles transiliere greges.

Strenuus est Gallus, numero licet obrutus, obstat;
Impete perfringens hos ferit, hosque capit.

Ter centum insulare ausorum irrumpere litus
Pars captiva, et pars caede perempta jacet.

Sanguinis o quantum mixti culcatur arena!
Hoste triumphato, gloria quanta Pharael!

Hoc meriti, Guillete, Tui, Tu nanque dedisti
Fulmineam velox, Tu Jovis Ales, opem.

Credit inops animi revocato ulciscier igne,
Probra repensum iri Mulciberoque sua.

Nocte dieque crepans ceu grando volatile ferrum
Mittitur, et denso verbere tecta quatit.

Haud jactat prudens apto nisi tempore Gallus,
Et cauta infestos distrahit arte dolos.

At quia se navis jam subtrahit Arcis abictu,

Sic tamen ut nobis illa nocere queat;

Ноч etiam, Guillete sagax, partiensque laborum,

Hostibus incumbis tollere subsidii.

Aspera per montis trahitur bombardata latenter,

Restatque in cautis vertice nacta locum.

Ignitam quoties molem evomit inde, repente,

In navem toties ingerit illa necem.

Eja, Scythes, noscas, non esse hic vincere Thracem,

Colchida sive rudem, sive Borysthenidem.

Siste globas iterum jactare ac laedere muros;

Nil fractum a Gallo frangere saxa juvat.

Sit satis innocuos plagis ter millibus, atque

Denos tresque dies, excruciasse Lares.

Gallica gens animo, studiisque accerima belli,

Sis memor expertus, quid tua in arma potis.

Quae laus, exilem oppugnasse tot ignibus arcem,

Exitiumque tuis promeruisse minis?

Rumpe moras, agedum; porta subducere temet

Jam propera, pessum ne tua poppis eat.

Maturare fugam, funesque incidere praestat,

Anchora dum surgit ne tibi tardet iter.

I nunc, et longe abscede his inglorius oris:

Non det in Euxinis Mars meliora plagis.

Illisa in nostras remanentque stigmata sedes,

Aeternis stabunt haec tua probra notis.

Quisnam te nosset, nisi talia passa fuisses,

O Phara! barbarie facta superba Scythae.

Ad Moscos saevientes bellicis tormentis in Lares Phareses, postquam a Gallis Pharam defendentibus mirificeque triumphantibus partim interfecti, et partim captivi facti sunt,

Epigramma ejusdem.

Cur sic in nostros desaevis, barbare, muros?

Num fractum a Gallo frangere saxa juvat?

Nil patimur; nobis olim haec meminisse juvabit:

Nota, nisi per te, non Phara in Orbe foret.

(Рукоп. Франц. библ. N 571. Ms. Volatil.)

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ ДЛѢ ИСТОРІИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ
РОССІИ СЪ РАГУЗСКОЮ РЕСПУБЛИКОЮ.

Продолжая постоянно собирать свѣдѣнія объ исторіи внѣшнихъ сношеній Рагузской Республики, я нашелъ недавно, еще нѣсколько болѣе или менѣе важныхъ матеріаловъ для исторіи сношеній Россіи съ Рагузою: большая часть этихъ матеріаловъ найдена мною въ архивѣ здѣшняго Консульства нашего, а остальное въ рукописи Францисканской Библіотеки N 891: «Collegione di Notizie storiche di Ragusa» (fascioli 4). Авторъ этого сборника историческихъ свѣдѣній о Рагузѣ — нѣкто Матвѣй Басичъ — извлекъ изъ одной старой рукописи (un antico Manoscritto di Notizie storiche, какъ онъ самъ выражается въ примѣчаніи Е. ко II-й книгѣ своего сборника), не мало любопытнаго по части исторіи своего отечества, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ извѣстными историками, Рести, Рацци, Лукари, Мавро Орбини, Черваріо Тубероне и друг. Весь сборникъ, оканчивающійся занятіемъ Русскими войсками Боки Которской, раздѣленъ на 12 книгъ, изъ коихъ для насъ особенно важны послѣднія четыре, описывающія событія, послѣдовавшія за великимъ землетрясеніемъ 1667 г. Свѣдѣній объ этой эпохѣ мы имѣемъ чрезвычайно мало, а по тому нельзя не быть благодарнымъ М. Басичу, возымѣвшему счастливую мысль собрать таковыя въ то время, когда представлялась еще къ тому полная возможность. Этѣ послѣднія 4 книги представляютъ самостоятельный трудъ Басича:

въ нихъ онъ описываетъ событія, случившіяся на его глазахъ, или глазахъ людей, жившихъ еще въ его время. Нельзя упрекнуть Басича въ недобросовѣстности, или въ преднамѣренномъ искаженіи истины; девизъ его: «Nihil falsi dicere, nihil veri dissimulare», достаточно показываетъ, какъ онъ понималъ дѣло историка; но у него замѣтенъ недостатокъ критики: онъ слишкомъ довѣрчиво записываетъ иногда рассказы тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ, или дѣятелемъ, въ описываемую имъ эпоху, и слѣдствіемъ такой крайней довѣрчивости были неминуемыя ошибки и заблужденія; такъ, на пр. онъ рассказываетъ, что причиною разрыва между Россією и Рагузою было признаніе сею послѣднею покровительства Порты, между тѣмъ какъ извѣстно изъ конвенціи Графа Орлова, что Республика накликала на себя грозу несоблюденіемъ невмѣшательства и даже прямымъ участіемъ въ войнѣ Турціи противъ Россіи. Точно также лишены всякаго основанія передаваемыя имъ свѣдѣнія объ изгнаніи изъ Боки Маркиза Гизлиери и вообще объ его поведеніи. Изъ матеріаловъ, нами сообщенныхъ, видно, что Гизлиери честно исполнилъ свой долгъ, но долженъ былъ уступить силѣ. Тѣмъ не менѣе въ сборникѣ Басича мы находимъ не мало основательныхъ свѣдѣній, и при томъ такихъ, которыя тщетно стали бы искать индѣ. Такъ крайне любопытенъ рассказъ его о посольствѣ Графа Ранины въ С.-Петербургъ и объ участіи Берлинскаго Кабинета въ дѣлѣ примиренія Россіи съ Рагузскою Республикою, равно какъ и о пребываніи Радзивила въ Рагузѣ; а по тому я считаю долгомъ своимъ сообщить благосклоннымъ читателямъ отрывки изъ сборника Басича, относящіяся къ нашему предмету, замѣтивъ при этомъ, что въ рукописи Францисканской Библиотеки № 598 находится похвальная ода Радзивилу Бернарда Заманьи (In laudem Ser-mi Ducis Caroli Radzivil, Palatini Wilnensis etc.), лишенная, впрочемъ, всякаго историческаго интереса, и что въ здѣшней Езуитской церкви находится камень съ надписью о посѣщеніи Княземъ Радзивиломъ Рагузы.

Collezione di Notizie storiche di Ragusa.

Libro XI, a. 1768.

§ 3. Eccoci in una delle più sinistre situazioni, in cui la Repubblica nel passato secolo trovata siasi. La Corte di Costantinopoli li 25 Novembre dichiarò la guerra a Catterina II, Imperatrice delle Russie, imprigionando alle sette torri il di lui Ministro Obresco (sic!).

Si vide nel 1768 sopra una flotta venuta dal Baltico sventolar per la prima volta nel Mediterraneo la bandiera Russa, ed a primavera sotto il comando del Conte Alessio Orloff, sbarcare delle truppe in Morea, ed impadronirsi della città di Navarino, ove trovò Cristoforo Bassich, Console Raguseo di Morea, che lo spedì alla sua Republica, facendoli per mezzo suo sapere, che se non rinunziasse alla protezione Ottomana, l'avrebbe osfilmente trattata. La Republica li mondò risposte (questo però non li giunsero, perchè era stato obbligato di abbandonare Morea, dopo la rotta avuta dai Turchi sotto Modone), risposte, dico, in cui li rappresentava l'impossibilità per lei di staccarsi dalla protezione Ottomana, dalla qual potenza era circondato il suo dominio, senza esporsi a certa propria perdizione, protestandoli la maggior divizione per la sua Sovrana, ed il vivo desiderio per la prosperità delle sue armi. Pretendendosi egli offeso dalla protezione Ottomana, alla quale la Republica non aveva rinunziato, li dichiarò la guerra: fa buona preda di tutti li di lei bastimenti, che incontra, e giurà, che a primavera sarebbe venuto a bombardar la città.

§ 4. Grandissima fu la costernazione, il Senato spedì in autunno due Senatori in Toscana, ove svernava il Plenipotenziario Orloff per procurar di calmarlo; ne spedì due altri a Petersburg per testimoniare all' Imperatrice l'inalterabil ossequio, che la Republica li professava, e uno alla Corte di Vienna, acciò quella Corte * uni-

* Dalli due Senatori stati spediti alla Corte di Petersburg non proseguì, che il solo Ragnina, essendo il suo Collega Tudisi rimasto ammalato a Vienna. Egli ebbe commissione, acciò cammin facendo si maneggiasse alla Corte di Berlino presso

tamente con la Corte di Berlino li appoggiassero presso Catterina con le sue valide raccomandazioni; ma il tutto fu invano. Quella Gran Sovrana adonta delle pressanti raccomandazioni di Vienna e de' maneggi di Francesco Ragnina, uno dei due Senatori Inviati, spediti alla Corte di Petersburg, come si disse (essendo il di lui Collega rimastò ammalato a Vienna), mai non volle ammetterlo alla di lui presenza; tanto quella Gran Sovrana era animata contro quella innocente Nazione per secondar le svantaggiose insinuazioni, fatteli dal suo favorito Orloff. Un fatto però accaduto, degno di un aristocrate, pretendesi che abbia ben dispiaciuto alla medesima. Come aveva comandata al sud-to Ragnina Inviato spedito alla sua Corte di dover portarsi in Toscana per aggiustar ivi tutte le vertenze col di lei Plenipotenziario Conte Orloff senza, come si disse, mai volerlo ammettere alla sua presenza, così questo suo ordine avea accompagnato con un regalo di 5000 Rubli, regalo consueto a farsi da quella Corte al congedo de Residenti, ma minore di quello, che costumavasi con li Inviati per così sempre più martificarlo. Il Ragnina Senatore di una benchè piccola, ma libera Repubblica, da figlio di una madre libera ne prese, che un solo Rublo, incombenzando a chi gliel' aveva presentato di manifestarlo, che quell' unico Rublo si conserverà eternamente nella sua famiglia per eterna memoria dell' onor compare titoli da quella gran Sovrana: cosa, che torno a dire, rincrebbe alla medesima e fu molto applaudito particolarmente daili Ministri esteri. Notisi ancora, che il prelodato Ragnina in quel tempo non era il più abbandonatamente provvisto dalla sorte de' beni di fortuna: tanto influisce l' educazione di un Cielo libero!

Federico il Grande, per ottenere da quel Sovrano delle raccomandazioni per Catterina II. Nella privata udienza dal sullodato Sovrano cadde il discorso sulla Potenza Ottomana. Il suddetto Ragnina, per maggiormente cattivarsi la di lui benevolenza, disse, che se resolvesse V. M. di attaccare quella Potenza, eran sufficienti 50 m. de' suoi bravi guerrieri per obbligare il Turco a ritornarsene in Asia. Sulla qual proposizione li soggiunse il Re, che li suoi stati eran lontani dalli Ottomani, così non li convenivano. Ma soggiugendoli l' Inviato, che li galeotti con le comute sapean ravvicinali: quel gran Principe li rispose, che ancora non era giunta l' ora; e lo richiese, che con sincerità li rispondesse: qual Potenza in tal caso preferirebbe la sua Repubblica di avere per limitrofa? L' Inviato con prontezza li disse: Sire, quella, che il meglio l' avrebbe trattata. Allora Federico ebbe la benignità di soggiungerli: Bene, vi siete disimpegnato con spirito e con la maggiore sincerità.

In Toscana poi dopo essersi esaurite tutte le possibili umiliazioni in Petersburg da una delle più grandi Sovrane contro una dello più piccole, ma libere, nazioni, ogni vertenza fu agevolmente spianata.

§ 5. Calmata ancor non era l' orrida burrasca contro la piccola Repubblica suscitatala dalla vanità del Conte Orloff presso la grata sua Imperatrice, quando arrivò a Ragusa il Principe Razivil, che era uno de' principali capi de' Confederati di Bar, con una ventina di militari di sua nazione ed esteri, con li quali vi era la Principessa Tangaroff (sic!), * figlia di Elisabetta Petrovna, tradita da sud-to Orloff a Livorno, e di là spedita in una sua Fregata, vittima esosa a Catterina, che morì in una prigione a Petersburg. Malcontenti li Confederati di Bar dell' Imperatrice, che aveva nel loro trono esaltato il di lei una volta favorita Poniatovsky: quest' era l' oggetto della venuta di Razivil a Ragusa per passare di là a Costantinopoli. La buona accoglienza, che a Ragusa farsi dovea all' illustre ospite, alleato de' Turchi suoi protettori, ben pericolosa era, che Catterina maggiormente non s' indisponesse il non farlo era ugualmente pericoloso di non urtar la Corte di Costantinopoli. La buona direzione del governo, secondata dalla sorte, seppe obligar li due belligeranti Imperi; così dopo essersene trattenuto poco meno d' un anno a Ragusa, a motivo delle rimesse, che li tardavano, restituissi a Venezia, da dove erane pervenuto. Anzi come trovavasi scorso per sopradetto motivo del numerario, la Repubblica somministròli non undiferente somma per affacilitarli il regresso, che egli arrivato a Venezia, ove trovò pervenute le sue rimesse, religiosamente la rimborsò.

Libro XII.

§ 7. Nel mentre faceansi queste preparatorie disposizioni per prevenire qualunque disordine nell' occasione, che il suddetto Generale Molitor doveva passare con le sue truppe per il territorio della Repubblica a prenderne il possesso delle Bocche, secondo il convenuto nella pace di Presburg, come si è detto di sopra, arrivò

* Taracanoff.

a Ragusa il Marchese Ghislieri Commissario, spedito dalla Corte di Vienna, per far la consegna di quel paese al Generale Molitor, che era già in marcia per venirne a riceverlo. Ma arrivato il sud-to Commissario al suo destino, trova tutto quel paese in combustione; giacchè li Bocchesi pretendevano non permettere alle truppe Francesi d' impossessarsene. In primo luogo ne discacion il Commissario Ghislieri, il quale due giorni dopo ne ritornò a Ragusa non senza pericolo di vitta, per quanto egli disse, ciochè del tutto non è ben chiaro, giacchè tornato egli a Vienna, fu disgraziato da quella Corte, dal che sembra, che la di lui condotta sia stata equivoca. Comunque però siasi, s' affrettò egli per raggiunger il Generale Molitor, che di già era in marcia verso quel paese, per avvertirlo di sospender la marcia fin a tanto si tranquillizassero colà le cose.

§ 9. Conoscendo Ragusa, quanto questa nuova prospettiva delle cose poteva divenir per lei funesta, non ommise ogni maneggio per garantirsene. Spedì subito il Conte di Canali alle Bocche, acciò sulla presente situazione delle cose si maneggiasse col Sankovsky con ordine, che alle ragioni non mancasse di aggiunger delle promesse di ricognizione per quarantirla dall' imminente pericolo, in cui la vicinanza dell' armi dei due più potenti Imperi d' Europa potean involgerla. Dopo lunga conferenza con lui, tutto quello, che poteasi ottenere, si fu, che le armi Russe e dei loro Alleati (con questo nome egli onorava le orde di quei ladri) non sarebbon entrate nel dominio dell' infelice Republica, fino a tanto, che entrati non fossero i Francesi, loro nemici; ma tostoche questi avesser posto piede in esso, li sudditi del suo Padrone, con li loro Alleati, avrebbon innondato il dominio della Republica, mettendolo a ferro e foco, come il più fedelmente esegui.

(Здѣсь оканчивается рукопись.)

Кромѣ трехъ историческихъ документовъ, изданныхъ К. Д. Петковичемъ, въ приложеніи къ его «Историческому очерку Сербской Православной общины въ Рагузѣ,» мнѣ удалось найти въ Архивѣ здѣшняго нашего Консульства еще нѣсколько другихъ, заслуживающихъ также быть обнародованными. При этомъ я считаю долгомъ своимъ заявить, что изъ трехъ вышепомянутыхъ документовъ два: Депеша Государственнаго Канцлера, Графа

Воронцова къ Генеральному Консулу въ Рагузѣ, отъ 26 Юля (а не 30 Ноября, какъ ошибочно обозначено Г. Петковичемъ), 1803 г., и письмо его же къ Ректору и Сенаторамъ Рагузской Республики, отъ 17-го (а не 23-го) того же мѣсяца и года, напечатаны съ большими пропусками, а по тому необходимо новое ихъ изданіе. Къ большому моему прискорбію я не нашелъ въ Консульскомъ Архивѣ трехъ весьма важныхъ документовъ: копій письма Республики къ Императрицѣ Екагеринѣ II, и отвѣта ея на это письмо, препровожденныхъ къ Графу Джикѣ при инструкціяхъ отъ 30 Марта, 1788 года, и письма Государственнаго Вице-Канцлера, Графа И. Остермана въ Рагузскій Сенатъ.

Изъ матеріаловъ для исторіи сношеній нашихъ съ Рагузою, найденныхъ мною въ здѣшнемъ Консульскомъ Архивѣ, первый по времени: «Инструкція, данныя Императорскимъ Министерствомъ Графу Джикѣ, при назначеніи его Генеральнымъ Консуломъ при Рагузской Республикѣ, отъ 30 Марта, 1788 года», за подписью Графа И. Остермана, Графа Александра Безбородка и Аркалія Моркова. Слѣдующіе три параграфа этѣхъ Инструкцій не лишены, по моему крайнему разумѣнію, историческаго интереса: «§ 3. De faire parvenir ici sans perte de temps une relation juste et précise sur toutes les circonstances concernant Raguse, qui pourront mérités d'une façon ou d'autre l'attention de la Russie, c. à. d. sur le système politique du gouvernement et sa liaison avec les Etats voisins, particulièrement avec la Porte Ottomane et les autres endroits limitrophes de cette République....» § 7. D'avoir continuellement soin à ce que la République de Raguse garde toujours les mêmes dispositions et sentiments, qu'elle professe actuellement envers S. M. Imp-le, et Vous les y raffermirez en rappelant aux esprits ce qui est arrivé pendant la dernière guerre avec la Porte Ottomane. C'est alors, que la conduite inconsidérée du gouvernement de Raguse a attiré à la République un grand désavantage, qu'elle aurait pu éviter, si elle avoit profité de la puissante protection de l'Impératrice, laquelle S. M. I. a la bonté de lui accorder actuellement, en condescendant aux instances de la République, énoncées dans sa lettre, laquelle vous trouverez ci-jointe, uniquement pour votre connaissance, de même que la réponse de

l'Impératrice à la dite lettre. § 8. Outre cela, Vous devez exiger du gouvernement de Raguse, qu' il protège par ses vaisseaux jusqu' à l'arrivée de notre flotte dans la mer méditerranée le pavillon Russe, de même que les équipages allant sous ce même pavillon.»

О дѣлѣ Ламбро Каццони (Engel, Gesch. d. Freyst. Ragusa, S. 274) находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ письмахъ Графа Славронскаго къ Графу Джикѣ:

«S. M. l'Impératrice,» пишетъ Графъ Славронскій изъ Неаполя отъ 18 Іюня, 1788 г., «ayant appris avec beaucoup de mécontentement l'acte de violence que l'armateur Russe Major Lambro Cazzoni a osé commettre contre le pavillon Ragusois, a ordonné en conséquence à S. E. M-r le Vice-Chancelier Comte d'Osterman de me charger non seulement d'enjoindre au dit Major Lambro la restitution de ce qu' il a enlevé au capitaine Ragusois, mais de le priver tout à fait de sa patente et commission.»

«Par les considérations d'intérêt du service de S. M. I. j' ai estimé à propos de Vous donner, M-r, la faculté de remplir ses ordres et de Vous laisser le soin d'oter au dit armateur sa patente et de faire en sorte, qu' il restitue ce qu' il a enlevé au capitaine, et dont il lui laissa la note signée de sa propre main. Pour être à même de Vous en acquitter immanquablement, prenez à tâche, M-r, de Vous informer du lieu, où il se trouve actuellement, et ordonnez lui de se rendre immédiatement à Raguse.»

..... «En vertu du caractère, que vous avez déployé, Vous ne manquerez pas d'observer au Sénat, combien la Cour Impériale est éloignée de vouloir causer le moindre désagrément à la Nation Ragusaine, à preuve la manière, dont on s' est empressé de redresser le tort, dont le Sénat a eu raison de se plaindre.»

Два дня спустя (20 Іюня), Славронскій писалъ Джикѣ:

«Un trait de perfidie et de trahison abominable, par lequel s' est enfin démasqué le Pacha de Scutari m' a mis dans la nécessité de changer les dispositions, que j' avais prises pour remplir l'ordre de la Cour au sujet du Major Cazzoni. Dans son voyage pour Ra-

guse il pourra courir grand danger sur les côtes de l'Albanie, et pour obvier à cela, je lui ordonne de se rendre à Malthe et de là après avoir fait la quarantaine, venir à Naples. De cette manière je saurai remplir moi-même ce que la Cour a résolu, qu' on fit pour châtier la conduite irrégulière du dit armateur Cazzoni.»

12 Октября, 1800 года, на мѣсто Д. С. С. Графа Джики, Генеральнымъ Консуломъ въ Рагузѣ былъ назначенъ С. С. Палладоклисъ; въ Инструкціяхъ, данныхъ ему по этому случаю Графомъ Растопчинымъ и Графомъ Н. Панинымъ, я нашелъ только одно прибавленіе къ инструкціямъ, полученнымъ Графомъ Джикою, именно къ 3-му параграфу: «чтобы доставляли сюда безъ потерянiя времени вѣрныя и точныя свѣдѣнія о всемъ, что токмо можетъ заслуживать здѣсь вниманіе со стороны политическаго состоянiя Земскаго Правленiя и связей онаго съ сосѣдними областями, особливо же съ Портою Оттоманскою и землями оной, ко владѣнію Республики Рагузской прилежащими; а равномѣрно не упускать изъ виду и происковъ Вѣнскаго Двора, клонящихся къ привлеченію Рагузейцевъ подъ иго Австрійскаго.»

Дружественныя сношенiя Русскаго Правительства съ Рагузскою Республикою, установившіяся со времени заключенiя Графомъ Орловымъ извѣстной конвенціи, и продолжавшіяся,—несмотря на нарушеніе Республикою этой конвенціи,—при Джикѣ и Палладоклисѣ, — при преемникѣ сего послѣдняго, Фонтонѣ, принимаютъ характеръ все болѣе и болѣе враждебный: Республика, столь много обязанная Россіи, тайно сносится съ Турціею и Франціею, въ ущербъ существеннымъ нашимъ интересамъ;—оставляетъ безнаказаннымъ разграбленіе ея подданными Русскаго коммерческаго судна, потерпѣвшаго крушеніе у Молоты; воспрещаетъ въѣздъ въ ея владѣнія нѣкому Любибратичу, снабженному Русскимъ паспортомъ; не допускаетъ, вопреки конвенціи Графа Орлова, построенiя Православной церкви въ Рагузѣ, и наконецъ отказывается признать покровительство Россіи Іонійцамъ. Правительство наше, доказавшее достаточно свою долготерпимость, употребляетъ сначала мѣры миролюбивыя, за тѣмъ грозитъ нанести рѣшительный ударъ торговлѣ Республики, и наконецъ, если она и тогда не одумается, принять болѣе дѣйстви-

тельныя мѣры, для наказанія за ея безразсудное поведеніе. Республика съумѣла и на этотъ разъ отклонить накликаемую ею самую грозу со стороны Россіи; но дни ея были уже сочтены, и она должна была вскорѣ поплатиться за свое вѣроломство...

Въ первыхъ числахъ Генваря, 1803 года, Русское коммерческое судно «Африканецъ», подъ командою шхипера Константина Мусури, претерпѣло крушеніе у Молонты: шхиперъ сталъ звать о помощи, и вотъ спустились съ горы Коनावляне, сопровождаемые мѣстною гвардіею, и, пользуясь темнотою ночи и отчаяннымъ положеніемъ экипажа, принялись усердно грабить грузъ, при чемъ убили одного матроса. По требованію нашего Консула назначено было слѣдствіе: Республика отправила въ Молонту Графа С. Заманью, а Фонтонъ Маіора Ивана Милетича. Заманья подкупилъ свидѣтелей и съ ихъ помощью составилъ тайно отъ нашего Коммиссара протоколъ, въ которомъ представляетъ дѣло совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ было въ дѣйствительности. Милетичъ не преминулъ донести обо всемъ, какъ слѣдовало, нашему Консулу (рапортъ его отъ $\frac{9}{21}$ Генваря, 1803 г.), а шхиперъ Мусури въ прошеніи отъ $\frac{15}{27}$ Февраля того же года, довелъ до свѣдѣнія Фонтонна объ убыткахъ, имъ претерпѣнныхъ (на 11,000 піастровъ и 200 талеровъ). Не получивъ должнаго удовлетворенія отъ Рагузскаго Сената, Консулъ нашъ перенесъ дѣло въ С. Петербургъ: Государственный Канцлеръ, Графъ Александръ Воронцовъ, въ письмѣ къ Ректору Республики, отъ 17-го Юля, 1803 г., настоятельно требуетъ отъ Сената вознагражденія убытковъ Русскаго судохозяина и наказанія, заслуженнаго участниками въ разграбленіи судна «Африканецъ».

Циркуляромъ отъ $\frac{3}{15}$ Юня, 1803 г., Посланникъ нашъ при Вѣнскомъ Дворѣ, Графъ А. Разумовскій, извѣстилъ Фонтонна о принятіи Государемъ Императоромъ подъ свое покровительство Ионической Республики и о дарованіи ея подданнымъ тѣхъ же правъ и привилегій, коими пользовались въ то время подданные Его Величества: «La volonté de S. M. l'Empereur, notre Auguste Maître, étant, que le pavillon Ionien et les sujets de la République des sept Îles soient mis sous la sauvegarde des Consuls et Agents Russes, et qu'ils jouissent de la même protection, de la même assistance et des mêmes prérogatives, que les sujets Russes, ont droit d'en

exiger, je m'empresse, M-r, de Vous faire part de ces dispositions suprêmes, afin que Vous en observiez les termes et l'application dans tout l'arrondissement de Votre poste.»

По полученіи этого циркуляра, Фонтонъ не замедлилъ увѣдомить Рагузскій Сенатъ о вступленіи Іонійцевъ подъ наше покровительство, но, къ всеобщему удивленію, Республика отказалась признать таковое покровительство наше, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно противорѣчило, будто бы, верховенству (suzeraineté) Порты на Семи Островахъ. Сообщая Графу Мочениго въ Корфу о такомъ сопротивленіи Рагузскаго Сената великодушнымъ видамъ нашего Правительства, Фонтонъ въ то же время донесъ объ этомъ Графу Воронцову: отвѣты того и другаго, сохранившіеся въ Консульскомъ Архивѣ, не лишены историческаго значенія, а по тому я и сообщаю ихъ въ извлеченіи:

«*Bien que je ne doute pas*», пишетъ Графъ Мочениго, отъ 20 Октября (1 Ноября), 1803 г., «*que mes dernières en date du 19 Septembre (1 Octobre), 4 (16) Octobre Vous parviendront exactement, toutefois je profite avec bien du plaisir de l'occasion, qui m'est offerte aujourd'hui, pour Vous confirmer la réception de Vos lettres datées du 18 (30) Septembre, 25 Septembre (7 Octobre) et 27 Septembre (9 Octobre): les pièces, que Vous avez bien voulu y ajouter, m'ayant mis au fait de tout ce qui s'est passé entre Vous et le Sénat de Raguse au sujet de la protection, que Notre Auguste Cour a daigné accorder au pavillon et sujets Joniens, je ne puis que Vous témoigner toute ma reconnaissance, et Vous assurer en même temps, que j'apprécie infiniment tous les motifs, qui ont pu Vous déterminer à m'en instruire d'une manière aussi détaillée.*

Je n'aborderai point ici la question diplomatique, que le Sénat de Raguse a cru devoir Vous faire en cette occasion, mais je ne mets pas de doute, qu'il n'échappera pas à Notre Ministère la cause primitive, qui a du avoir motivé l'indécence du refus, qu'on Vous a fait de reconnaître les prérogatives et la protection, que Notre Cour accorde partout ailleurs aux Joniens. D'après tout ce que Vous me faites l'honneur de me marquer à cet égard, il me semble, qu'en général Messieurs les Ragusiens ont perdu bien vite de vue leur position, et ce qu'ils doivent en dernière définition à une grande Puis-

sance telle, que celle, à laquelle nous avons le bonheur d'appartenir. Quoi qu'il en soit, je ne doute pas, que Votre conduite ne soit entièrement approuvée, et certainement je ne manquerai pas d'en écrire à S. E. Monseigneur le Grand Chancelier dans le sens, que Votre gestion mérite sous tous les rapports: au reste, je conçois parfaitement, combien la haine inveterée, que le Sénat de Raguse porte à tout ce qui est Grec en général, peut influencer sur les intérêts commerciaux des Joniens dans le pays, que Vous habitez, mais il n'est pas moins évident, qu'il ne dépend, que de la volonté de Notre Auguste Cour, pour en étouffer les effets. Chargé de l'organisation de cette République et de ses intérêts en général, il me tarde de connaître les ordres, qui Vous seront transmis à la suite de Vos représentations: Vous concevrez aisément, M-r, que le résultat ne saurait être étranger à mes fonctions et aux mesures, que le Sénat Septinsulaire devra adopter en conséquence, ne fut-ce que pour prévenir par toute voie les suites fâcheuses, d'une haine attachée à des préjugés serviles et politiques.»

Отъ 15 Декабря, 1803 г., Государственный Канцлеръ, Графъ А. Воронцовъ, пишетъ Фонтону:

«Par Vos dépêches en date du 2 et du 16 Septembre de notre stile, j'ai vu, M-r, que le Sénat de Raguse, au lieu de reparer les torts, qu'il ne cesse d'avoir envers notre Cour, et loin de nous donner la satisfaction, que nous avons droit d'en attendre, les aggrave encore avec opiniâtreté par une conduite aussi indécente, qu'intolérable, en s'opposant sans cesse à tout ce que Vous êtes dans le cas de lui demander et en formant des prétentions absurdes et des objections, dénuées de tout fondement, sur Votre caractère public et sur l'étendue de Vos pouvoirs. J'ai crû, que la lettre, que j'ai adressée à ce Sénat, aurait dû suffire pour le faire revenir de son égarement et lui faire sentir les dangers, auxquels il s'exposait, en provoquant le courroux de l'Empereur.

«La patience a ses bornes et la notre est épuisée. Vous déclarerez en conséquence au Sénat de Raguse, que s'il ne s'empresse de donner tout de suite la satisfaction exigée et ne répare ses torts envers nous, auxquels il vient d'en ajouter encore un nouveau, en se refusant de reconnaître la protection de notre Cour, que Vous

avez été chargé d'accorder aux sujets et au pavillon de la République des Sept-Iles, Nous prendrons des mesures efficaces, pour l'en punir et pour lui faire adopter avec des principes plus sages une conduite plus régulière.

«Quant aux motifs du refus de reconnaître la protection, accordée par la Russie au commerce de la République Septinsulaire, Vous observerez, que la suzeraineté de la Porte Ottomane a été établie à l'égard des Sept-Iles, en vertu d'un arrangement avec nous, ainsi que la haute protection, que la Russie accorde à la dite République, et par une suite de laquelle nos troupes se trouvent même à Corfou et dans les autres îles pour le rétablissement de l'ordre, sans que cette suzeraineté de la Porte Ottomane ait pu être envisagée un instant, comme un obstacle aux vues généreuses de l'Empereur. A plus forte raison est-il absurde de la mettre en avant, pour priver le commerce des Sept-Iles de la protection, qui lui est accordée par notre Cour. Et qui ose se permettre cette objection? Le Sénat de Raguse. Vous lui déclarerez, que toutes les pertes et les dommages, qui pourraient résulter de ce refus pour le commerce et les sujets de la République Septinsulaire, on les fera payer exactement par Messieurs de Raguse, pour leur apprendre, que l'on ne se joue pas impunément de la protection de S. M. I., et qu'on doit avoir les plus grands égards pour Elle.

«Si les mesures, que l'on prendra d'abord, pour mettre des entraves au commerce Ragusain, en interdisant l'entrée de nos ports aux vaisseaux de cette nation et en arrêtant en mer ses bâtimens, ne suffiraient pas pour mettre le dit Sénat à la raison, notre Cour saurait prendre un parti plus efficace encore pour le punir.

«Ce n'est que par une prompte déférence aux volontés de l'Empereur et en redressant tous les griefs, qui sont à sa charge, que le dit Sénat pourra conjurer l'orage, que son imprudence et l'opiniâtreté de sa conduite a attiré sur cette République.

«Nous ne Vous écarterez pas de la conduite, qui Vous est prescrite par la présente dépêche, et Vous nous informerez sans délai de la manière, dont Vous Vous serez acquitté des ordres, qui Vous y sont donnés.»

Конвенціею, заключенною съ Графомъ Орловымъ, Рагузская Республика обязалась предоставить Русскому Консулу право построения Русской церкви въ Рагузѣ; говорятъ, будто бы Графъ Джика получилъ и необходимыя для того средства; но ни онъ, ни Палладоклисъ не воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ; за то Фонтонъ принялся за это дѣло весьма серьезно и заставилъ Республику даровать нашимъ единовѣрцамъ разныя привилегіи, обезпечивавшія свободу Вѣроисповѣданія. Въ Консульскомъ Архивѣ сохранилась переписка по этому предмету Фонтонна съ Министерствомъ Иностраннымъ Дѣлъ, съ Посольствомъ въ Вѣнѣ и съ Владыкою Черногорскимъ: переписка эта, достаточно объясняющая весь ходъ этого дѣла, не нуждается въ поясненіяхъ, а по тому я ограничусь сообщеніемъ ея въ хронологическомъ порядкѣ, начавъ съ письма Владыки Черногорскаго, Петра Петровича Нѣгоша, отъ 13 Февраля, 1803 года, въ которомъ онъ излагаетъ взглядъ свой, конечно, не безъинтересный для историка, на дѣло Фонтонна съ Рагузскимъ Сенатомъ. «La loro (Рагузинцевъ) politica inquieta e sospettosa,» пишетъ Петръ, «ha operato contro l' equità e la dritta ragione. Mi lusingo, che la Corte Imperiale prendera un partito giusto contro di essi, che sono arditi, quando sono arditi, quando non temono.... Non si tosto avrà terminata la vertenza, che vi è tra i Senatori Ragusei e quei del nostro Rito Orientale, io scriverò alla Corte Imperiale in tutto l' estensione.» Еще любопытнѣе взглядъ на это дѣло Секретаря Владыки, Аббата Francesco Dolci, роднаго брата Sebastiano Dolci, извѣстнаго Рагузскаго писателя. Вотъ что онъ пишетъ отъ того же числа Фонтону: «Io non sono punto sorpreso delle violenze, che costì s' esercitano contro l' equità e la dritta ragione: la politica inquieta e sospettosa dell' Aristocrazia Ragusea si taglia le braccia per guarirsi d' un male di testa. Il Ciel mi preservi d' essere di codesta Republica: il suo carattere pericoloso m' è troppo noto.»

Изъ ниже слѣдующаго письма Графа А. Разумовскаго, Посланника нашего въ Вѣнѣ, отъ $3\frac{1}{15}$ Юня, 1803 г., видно, что Республика намѣревалась, чрезъ посредство Вѣискаго Двора, оклеветать ненавистнаго ей Фонтонна передъ нашимъ Правительствомъ: «Comme tous les détails relatifs à Votre situation et à la conduite du gouvernement Ragusain ont été transmis avec exactitude à M-

le Grand Chancelier, Vous n'avez pas à craindre, que quelqu'impres-
sion étrangère puisse y prévenir la justice, qui Vous sera due. On
jugera Vos rapports, on en appréciera la vérité, on en discutera les
motifs et l'on prononcera. Quant à moi, ce ne seront ni les Ayala,
ni les Caloga (агенты Республики при Вѣнскомъ Дворѣ), qui pour-
ront influencer mon opinion; j'ai pu la faire connaître; mais j'ai dû
me borner à cette mesure et attendre des ordres directs, pour me
prononcer dans le sens, qu'il plaira à Notre Auguste Cour de me
prescrire.» Еще яснѣе выражается объ интригахъ Рагузскаго Се-
ната Анштетъ, оставшійся съ ¹⁵/₂₇ Мая Повѣреннымъ въ Дѣлахъ,
по случаю шестимѣсячнаго отпуска, даннаго Графу Разумовскому.
Вотъ что онъ пишетъ Фонтону отъ 20 Августа (3 Сентября),
1803 г.: «Vous auriez dû voir la mine d' Ayala, lorsque je me suis
acquitté des ordres, qui m'ont été transmis, relativement à la con-
duite odieuse du Sénat à Votre égard. Je ne Vous rapporte point
les détails de mon office, parce qu'il est calqué sur la réponse de
Notre Auguste Cour au Sénat, et qu'il exprimait de même la répara-
tion, qu'Elle exige. Le seul objet séparé, dont je fus chargé vis-à-
vis de M-r Ayala, ce fut de lui intimer: à l'occasion de quel-
ques insinuations, que le Gouvernement de Raguse avait essayé de
faire contre Notre Consul Fonton, que la Cour de Russie approuve
dans tous les points la conduite du dit Consul.

«Rappelez-Vous, que dans un temps, quelqu'un Vous écrivait:
«agir vaut mieux, qu'écrire» (придерживаться этого правила слѣ-
довало бы посоветовать нѣкоторымъ и изъ нынѣшнихъ нашихъ
агентовъ).

Мнѣ остается еще сообщить два весьма важныхъ, для исто-
рии сношеній нашихъ съ Рагузскою Республикою, документа, из-
данныхъ до меня К. Д. Петковичемъ, но съ значительными про-
пусками. Первый изъ помянутыхъ документовъ есть письмо Графа
Воронцова къ Ректору и Сенаторамъ Рагузской Республики, отъ
17-го Юля, 1803 г.:

«En réponse aux deux lettres, que vous m'avez fait l'honneur
de m'adresser en date du 24 Février et du 1 Mai de cette année, et
que j'ai portées à la connaissance de S. M. l'Empereur, je Vous
observerai, que n'ayant pu m'empêcher de mettre également sous les

yeux de S. M. le contenu des rapports, qui m'ont été faits par le S-r. Fonton, notre Consul Général près de votre République, S. M. a vu avec autant de surprise, que de mécontentement, les différents sujets de plainte, auxquels donne lieu la conduite inexplicable du Sénat de Raguse.

«Les manoeuvres, employées pour priver les sujets Russes de la libre jouissance d'une chapelle, qui leur a été accordée pour l'exercice de leur religion, en vertu de la convention, signée par M-r le Comte d'Orloff, sont, aussi étranges, que l'exil du prêtre, chargé de desservir cette chapelle, est injuste et contraire à toutes les lois.

«Peu content d'un pareil tort envers notre Cour, à laquelle la République ne devoit pas oublier, qu'elle a plus d'une obligation, le Sénat n'a pas craint de refuser l'entrée du territoire Ragusien au nommé Liouboratic, quoique muni d'un passeport Russe et chargé par notre Cour d'une commission, qui devoit le mettre à l'abri d'un tel affront.

«Enfin, comme s'il eut pris à tâche d'accumuler successivement tous les sujets de mécontentement les plus graves, ce même Sénat au mépris des droits les plus sacrés des Nations, non seulement n'a point cherché, lors du naufrage d'un bâtiment portant pavillon Russe, échoué sur le territoire de la République; à tirer une punition exemplaire des habitants de la côte convaincus du pillage de ce bâtiment naufragé et du meurtre d'un des individus, qui composaient l'équipage; mais même a fait tout son possible, pour atténuer et pallier le délit.

«S. M. I. devoit d'autant moins s'attendre à une telle conduite de la part du Sénat, que la Cour de Russie n'a cessé de donner à la République des témoignages éclatants de sa haute bienveillance; S. M. elle même nourrissait les dispositions les plus favorables à ce pays; mais la conduite inconsidérée du Sénat lui fera perdre tous ces avantages et l'exposera infailliblement, s'il persiste dans sa marche, à tous les effets d'un ressentiment, qu'il n'aura que trop provoqué. Je suis en conséquence autorisé par mon Auguste Maître à Vous demander, Messieurs, une pleine réparation de tous ces torts, et c'est dans cette attente, que j'ai l'honneur d'être avec une parfaite considération» etc. etc.

Письмо это было препровождено Государственнымъ Канцлеромъ къ Генеральному Консулу въ Рагузъ, при предписаніи отъ 26 Іюля, 1803 г.:

«J' ai reçu en son temps, M-r, Votre dépêche du ¹³/₂₅ Février, et j' approuve fort toutes les démarches, que Vous avez faites en faveur du libre exercice de la Religion Grecque Orthodoxe. Les Souverains de la Russie, tolérant toutes les Religions dans leurs états, sont en droit d' exiger, que celle, qu' ils professent, soit pareillement respectée dans les pays, où les autres croyances sont admises. Ils ne peuvent donc voir avec indifférence, qu' elle soit la seule persecutée, et surtout de la part du gouvernement de Raguse, auquel Ils ont tant de fois fait éprouver les effets de leur bienveillance. Dans cet état de choses, je ne puis que vous encourager, M-r, à redoubler de zèle et de vigilance pour empêcher à l' avenir les voies de fait illicites, que le gouvernement de Raguse s' était permis pour entraver le libre exercice du culte Grec Orthodoxe. Vous lui déclarerez en conséquence, que la Cour de Russie, ayant appris avec un déplaisir extrême tout ce, qui s' était passé, n' aurait pas manqué d' en exiger une réparation éclatante, si vous n' aviez pas représenté, que ce ne fut l' ouvrage, que de quelques intrigants obscurs et que déjà sur vos remontrances, le Sénat s' était empressé de revenir sur ses fausses démarches. Vous ajouterez, que tant que le gouvernement de Raguse, n' assignera pas un emplacement convenable dans l' enceinte de la ville, pour la construction d' une chapelle à l' usage du Consul et des nationaux Russes, il doit considérer celle, qui existe présentement hors de la ville, comme appartenante en commun aux Russes et aux Grecs, et la respecter de même, que ceux, qui la desservent, comme jouissant de la protection spéciale de S. M. l' Empereur.

«C' est par ordre de ce Souverain, que je vous annonce sa haute bienveillance à l' égard de Votre conduite dans cette affaire. S. M. Vous enjoint de plus de veiller dorénavant avec le même zèle aux intérêts des individus, que l' unité du rite attache à son Empire.

«Ci-joint Vous trouverez un paquet à l' adresse du Sénat de Raguse avec une copie pour votre direction. Vous ne tarderez pas de remettre cette lettre, à qui il appartient, accompagnée d' une note

officielle de Votre part dans le sens de cette dépêche, et Vous me donnerez avis du résultat, que cette démarche produira.

«Sur le contenu de cette lettre Vous Vous réglerez également quant à l'affaire du bâtiment dit l'Africain, naufragé dans le port de Molonta, dépendant de la République de Raguse, et Vous me transmettez les informations, nécessaires pour constater, si c'est un vaisseau Russe, ou bien un bâtiment Grec, naviguant sous pavillon Russe, et si le Capitaine ou l'équipage en tout, ou en partie, sont nationaux.

«Quant à la somme de trois cents florins, que Vous avez déboursée au Major Milétisch, je dois Vous observer, M-r, que l'expédition, n'étant pas si pressante, Vous auriez pu éviter cette dépense, et Vous servir de la voie ordinaire, pour faire parvenir Votre paquet. Elle Vous sera néanmoins bonifiée pour cette fois-ci; mais comme les affaires des Consuls en général ne sont pas de nature à exiger beaucoup de hâte, Vous Vous interdirez à l'avenir toute expédition de courrier, ou d'estafette, à moins qu'un cas très extraordinaire ne Vous en fasse une loi.

«Je suis très-parfaitement, M-r, etc. etc.»

Благодаря твердому настоянію нашего Двора, мало по малу всѣ недоразумѣнія съ Рагузскою Республикою были улажены, и мы получили полное удовлетвореніе законнымъ нашимъ требованіямъ: отъ 30 Мая (11 Юня), 1804 г., Фонтонъ доноситъ Графу Воронцову, что «toutes nos affaires avec cette République se trouvent aujourd'hui terminées à la satisfaction complète de la Cour Impériale et à l'avantage palpable de son service en ces contrées.»

Рагуза 31 Августа (12 Сентября), 1864.

ОБЪЯСНЕНИЯ КЪ ПЛАНУ РАГУЗЫ XI ВѢКА.

Для любителей Славянскихъ Древностей и для лицъ, занимающихся исторіею картографіи, будетъ, полагаю, не безъ интереса прилагаемый при семъ сочиненіи планъ Рагузы XI вѣка. Съ оригинала, случайно найденнаго мною въ здѣшней Францисканской Библіотекѣ, снята, по моей просьбѣ, точная копія Г. Подпоручикомъ Корпуса Топографовъ, П. Д. Быковымъ, трудящимся въ настоящее время надъ составленіемъ подробной Топографической карты Черногоріи. Планъ этотъ, составленный Михаиломъ Скуричемъ, не обозначенъ годомъ, но по слѣдующимъ соображеніямъ я отношу его къ 1089 — 1100 гг.:

1) Подъ литерою L. изображено на планѣ укрѣпленіе Короля Славонскаго (Славянскаго, Сербскаго) Бодина: укрѣпленіе это, какъ извѣстно, было построено въ 1089 году и существовало только 11 лѣтъ, именно до 1100 года, когда Рагузинцы овладѣли имъ хитростью и, умертвивъ весь гарнизонъ, разрушили его, а на его мѣстѣ построили церковь Св. Николая.

2) Укрѣпленіе это отдѣлено отъ города, какъ видно на планѣ, болотомъ (лит. M), черезъ которое построень мостъ. Болото это было завалено матеріаломъ разрушеннаго укрѣпленія Короля Бодина, а мостъ, какъ ненужный, уничтоженъ въ 1100 году; послѣ чего на мѣстѣ болота была построена та часть города, которая называется нынѣ Прѣвки. Увеличивъ такимъ образомъ городъ, Рагузинцы должны были расширить объемъ укрѣпленій и построить новую стѣну, ограждавшую Прѣвки со стороны горы Св. Сергія (лит. O).

3) Подъ литерою G изображена на планѣ стѣна, раздѣлявшая городъ на двѣ части: Castel di Lave (лит. E) и Postegula (лит. I, нынѣ Pustierna). Стѣна эта была также разрушена въ 1100 году.

Остальные зданія, изображенныя на планѣ, относятся къ предшествовавшей эпохѣ, а именно:

а) Церковь Св. Стефана (лит. К) первоначально сооружена была Павлимиромъ въ 691 году, а потомъ перестроена Королемъ Далматскимъ и Хорватскимъ, Стефаномъ въ 1050 году.

б) Церковь Св. Власія, покровителя Рагузы (лит. Н), построена въ 972 году.

в) Церковь Св. Маріи (лит. D) сооружена въ 828.

г) Первоначальную постройку стѣнъ, окружающихъ городъ, относятъ ко времени Павлимира, 691 г.; въ 782 году начали строить башни на городскихъ стѣнахъ; въ 972 году сооружена большая башня подъ воротами, ведущими въ предмѣстье Pille (лит. С); въ 1050 году были перестроены стѣны, приходившія въ ветхость.

Въ послѣдующее время были возведены новыя укрѣпленія: въ 1460 г. построено укрѣпленіе Revellino (fortezza Pia, по имени Папы Пія II, пожертвовавшаго деньги на сооруженіе этого форта); въ 1538 г. построено укрѣпленіе Mincetta, а въ 1570 г. S. Margarita. Укрѣпленія эти, пощаженныя великимъ землетрясеніемъ 1667 года, существуютъ донынѣ въ первоначальномъ ихъ видѣ.

Рагуза, какъ видно изъ плана, была окружена, съ одной стороны, моремъ, а съ другой густымъ лѣсомъ, дубровою, по коему она и получила у Славянъ названіе «Дубровникъ.» Первоначальныя жилища Рагузинцевъ находились на скалѣ, Lavve, которая была укрѣплена Павлимиромъ: это Castel di Lave. Другая часть города, названная на нашемъ планѣ Posterula (т. е., позднѣйшее поселеніе), была населена позже выходцами изъ Капель-Бурно (Vreno). Отъ слова Lavve произошло другое названіе города «Lavusa,» въ послѣдствіи измѣненное въ Lausa=Rausa, какъ на нашемъ планѣ, и наконецъ Ragusa.

П Р И Л О Ж Е

I. О Рагузской Нумизматикѣ	67
II. Объ обращеніи въ Католичество Стонскихъ жителей	6
III. О преслѣдованіи Православныхъ въ Рагузѣ и Католической проповѣди Рагузинцевъ на Востокѣ	72
IV. Похвальная ода Игн. Градича Петру Великому.. . . .	74
V. Похвальная ода Ст. Ружича Петру Великому	90
VI. <i>La felicità comune: Voto di Pietro il Grande.</i>	113
VII. О разрывѣ Россіи съ Рагузою.	117
VIII. Конвенція Графа Орлова.	118
IX. Письмо Папы Климента XIV къ Великому Герцогу Тосканскому, Петру Леопольду	122
X. Переписка Д. Ремедели съ Рагузскимъ Сенатомъ	124
XI. Стихотворенія Рагузскихъ поэтовъ, относящіяся къ эпохѣ Екатерины II.	132
XII. Постановленія Рагузскаго Сената касательно нашихъ Единовѣрцевъ 1803 — 1804 гг.	135
XIII. Записки объ осадѣ Рагузы нашими войсками.	138
XIV. Декларация Бели о блокированіи береговъ Адріатики.	146
XV. Сонетъ протіву нашихъ Единовѣрцевъ.	148
XVI. Письмо Сорга (?) о занятіи Рагузы Французами и объ осадѣ ея Русскими.	149
XVII. Посланіе Республики къ Императору Всероссійскому.	153
XVIII. Письмо Республики къ первому Министру С.-Петербургскаго Двора.	
XIX. Похвальная ода Б. Заманьи Александру I.	154
XX. Стихотворенія Я. Якшича объ осадѣ Лесины 2-го Мая, 1806 г.	155
Дополненія къ матеріаламъ.	159
Планъ Рагузы XI вѣка и объясненія къ нему.	177

А Т К И.

	роки.	Напечатано:	Читайте:
им.	10,	стр. 10 сверху: conditone	conditione
»	10	» — » почетень	почтень
—	» 22	» 3 снизу: Ralsicsne	Ralsicsne
32	» 17	» — сверху: пасалъ	писалъ

На планѣ Рагузы:

Въ заглавіи: Pagusa

Лит. Е. Castel de Lave

» L. Rocca di Rodino

Ragusa

Castel di Lave

Rocca di Bodino

Лит.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.	1
Не даромъ Рагуза называется перломъ Далматіи.	3
Область Рагузской Республики.	4
Рагуза до начала сношеній съ Россією.	—
Рагузинцы на Русской службѣ при Петрѣ Великомъ (Флоріо Беневени).	6
Начало дипломатическихъ сношеній нашихъ съ Рагузскою Республикою: Петрѣ I-й ходатайствуетъ о дозволеніи Саввѣ Владиславичу построить Православную церковь въ Рагузѣ.	7
Характеръ сношеній нашихъ съ Рагузскою Республикою: защита Право- славія противъ Католичества.	8
Искорененіе Православія во владѣніяхъ Рагузской Республики и Католиче- ская проповѣдь Рагузинцевъ на Востокѣ.	9
Рагузскіе поэты, прославлявшіе подвиги Петра Великаго: Игнатій Градичъ, Стефанъ Ружичъ и сочинитель оды: <i>La felicità comune</i>	15
Рагузинцы въ Русской службѣ при аветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II: Натали, Водописчъ, Стулли и Альтести	17
Причины разрыва между Россією и Рагузою при Екатеринѣ II.	20
Посредничество Вѣнскаго Двора въ распрѣ Россіи съ Рагузскою Респу- бликою.	23
Посольство Графа Ранины въ С-Петербургъ.	24
Папа Климентъ XIV ходатайствуетъ передъ Великимъ Герцогомъ Тоскан- скимъ о примиреніи Рагузы съ Россією	25
Посольство Д. Ремеделли въ Вѣну и его переписка съ Сенатомъ Респу- блики касательно посредничества Вѣнскаго Двора въ дѣлѣ примире- нія Рагузы съ Россією.	27
Конвенція Графа Орлова 1773 г.	28
Положеніе Православныхъ въ Рагузѣ въ концѣ XVIII вѣка.	39
Сношенія Республики съ самозванцемъ Степаномъ Мальмъ.	40
Учрежденіе Русскаго Генеральнаго Консульства въ Рагузѣ.	41
Республика не соблюдаетъ невмѣшательства.	—
Оды Б. Заманьи въ честь Екатерины II и народная пѣснь о побѣдахъ ея надъ Турками.	42
Новый разрывъ Россіи съ Рагузскою Республикою при Павлѣ.	—

Преслѣдованіе Православныхъ въ Рагузѣ продолжается; дѣятельность Фонтана и права, предоставленныя Республикою нашимъ Единовѣрцамъ. 43

Занятіе Боки Которской Русскими. 45

Декларация Бели о блокированіи береговъ Адриатическаго моря 47

Надежды нашихъ Единовѣрцевъ на покровительство Россіи 49

Договоръ Сенявина съ Республикою 51

Просьба Республики къ Всероссийскому Императору и письмо къ первому Министру С.-Петербургскаго Двора. —

Занятіе Рагузы Французами и осада ея Русскими. 52

Недобросовѣстность и недоброжелательство къ Россіи современнаго Рагузскаго поэта, Графа Пуцича. 62

Оставленіе нашими войсками владѣній Республики и ея паденіе. 63

Похвальная ода Б. Заманьи Александру I и стихотворенія Я. Якшича объ осадѣ Лесины (Хвара) 2-го Мая, 1806 г. 65

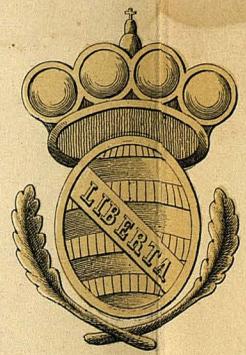
Приложенія. 67

Дополненія. 159

Планъ Рагузы, объясненія къ нему и планъ военныхъ дѣйствій Русскихъ въ области Рагузской Республики въ 1806 году. 177

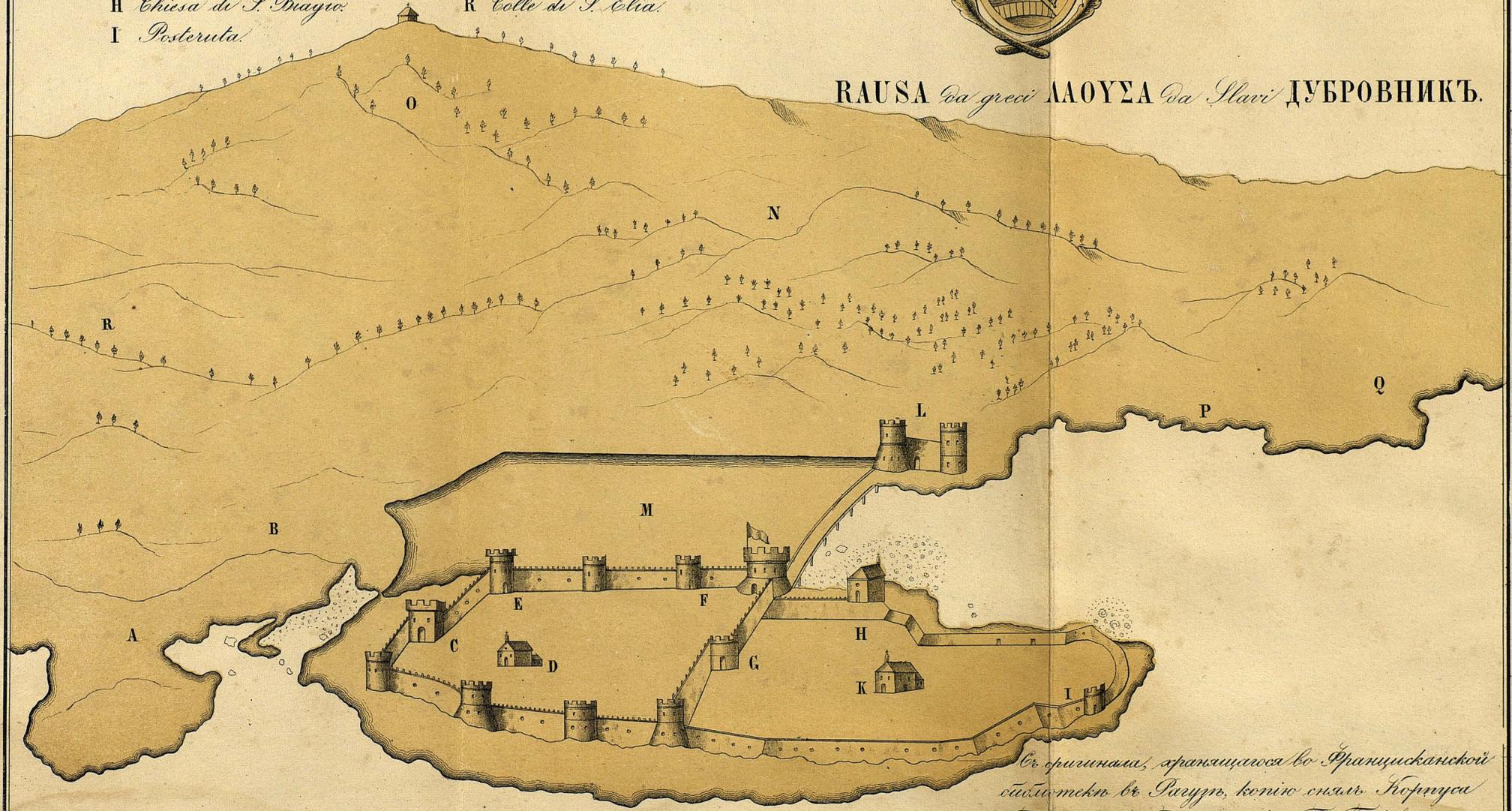

A	Pocca di S. Lorenzo.	K	Chiesa di S. Stefano.
B	Le Bersuglie.	L	Pocca di Rovino.
C	Porta del Castello.	M	Palute.
D	Chiesa di S. Maria.	N	Bosco.
E	Castel de Lave.	O	Monte S. Sergio.
F	Fortezza p. guardia del ponte.	P	Ploccie.
G	Porta Doretana.	Q	Luogo di Lazaretto.
H	Chiesa di S. Biagio.	R	Colle di S. Elia.
I	Posterula.		

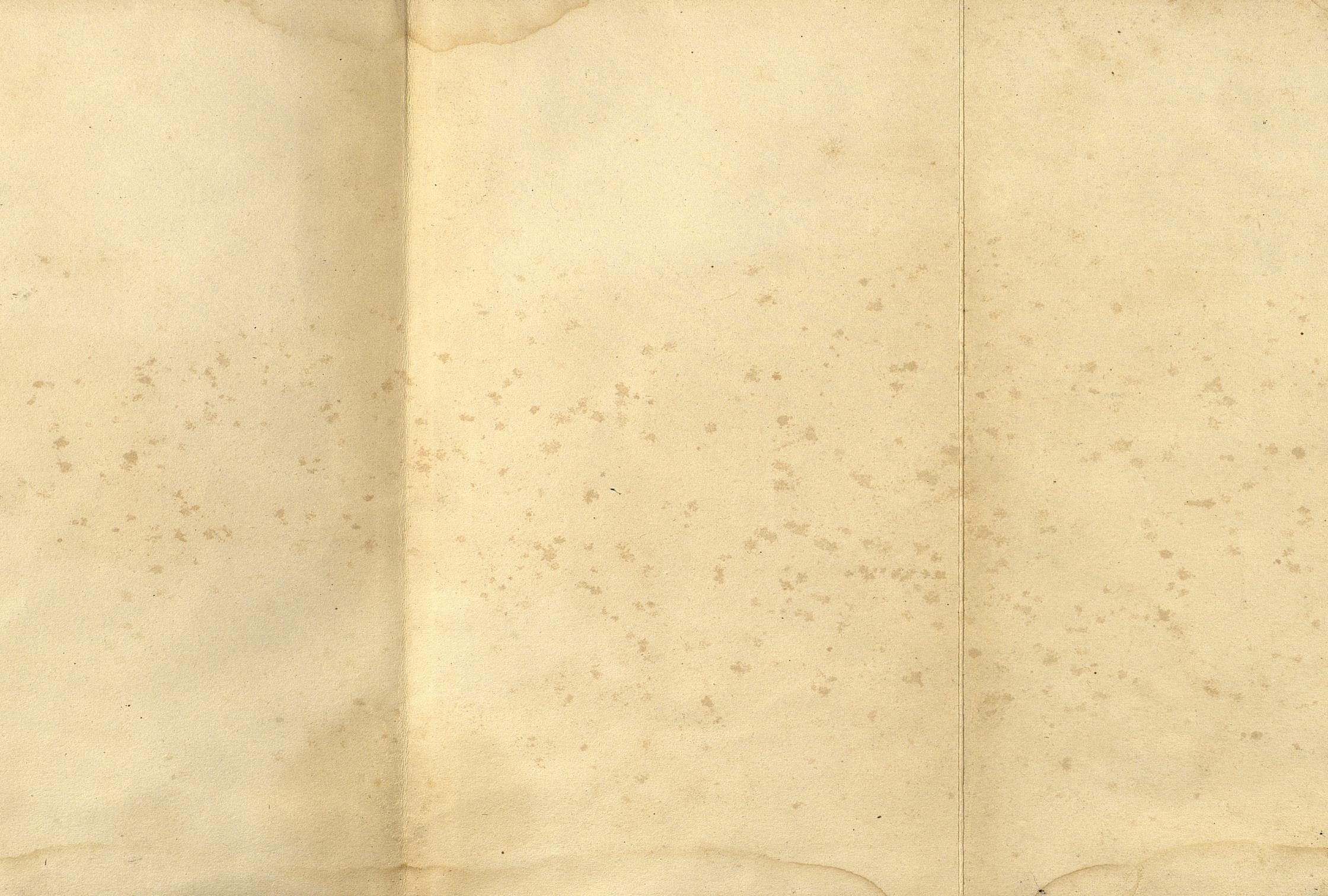

*Planta dell'antica città di
Pagusa
Disegnata da Michele Scurioli.*

RAUSA *Da greci* ΛΑΟΥΣΑ *Da Slavi* ДУБРОВНИКЪ.

*Se originale, хранящаяся во Французской
библиотеке в Пизурь, копию снялъ Корпусъ
Монарховъ, Пономорукъ П. Туконъ.*

Планъ

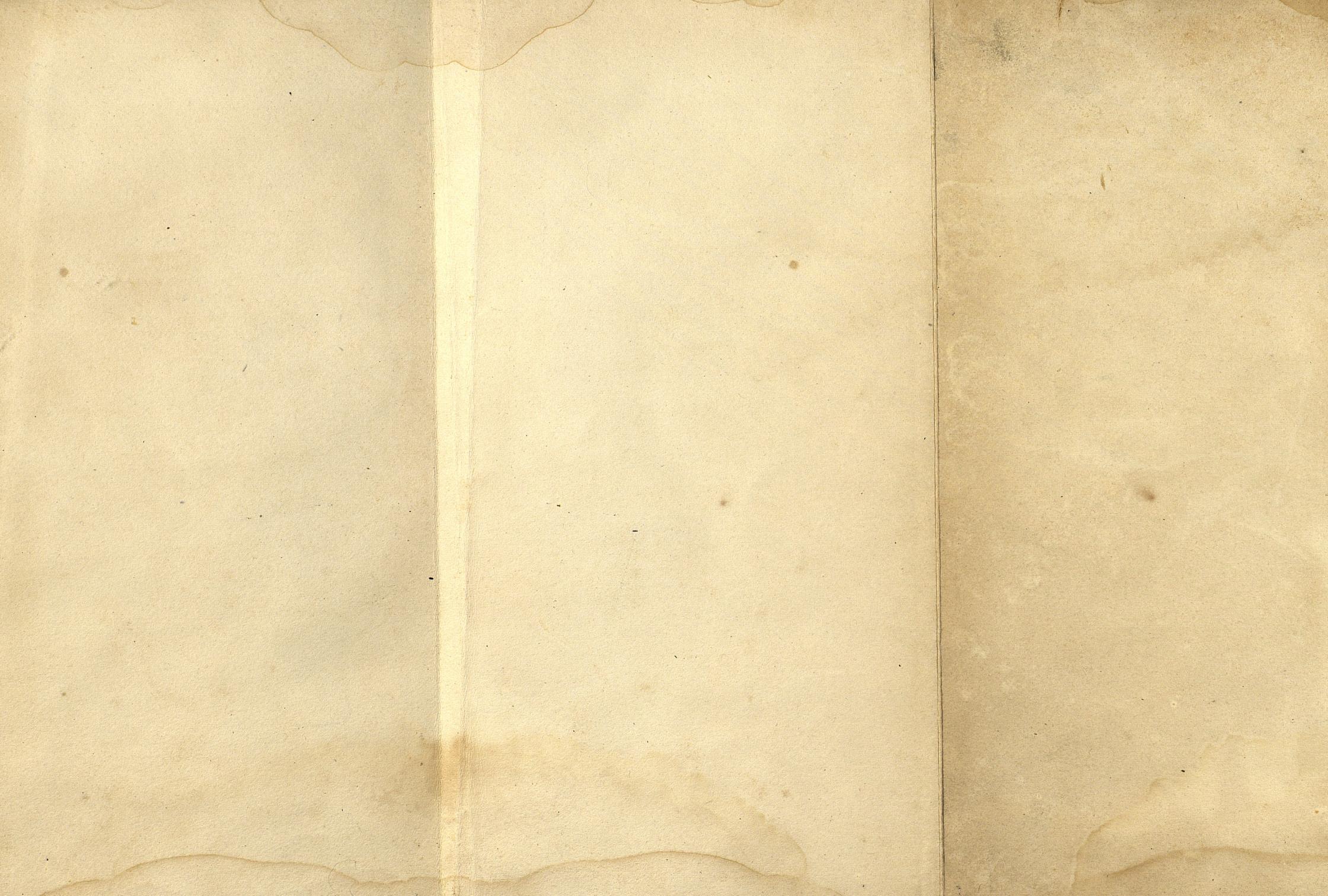
Всеобщая обстановка Русскихъ войскъ въ территоріи
 Радужской Республликѣ въ 1806 году
 Составленъ Корпусаъ Топографовъ Поруцкихъ Быховскихъ.

- Граница
- Территорія Радужской Республликѣ
 - Австрійской Имперіи
 - Турецкой Имперіи
 - Путь Русскихъ войскъ
 - Границы Французскихъ войскъ

Масштабъ
 Въ Английской Миліахъ 5500 с.
 500 1000 1500 саж.

Масштабъ
 Въ Английской Миліахъ 200 с.
 100 200

* 23 APR 1948

2011109791